

ГЛЕН КУК

СМЕРТЕЛЬНАЯ РТУТНАЯ ЛОЖЬ
•
ЖАЛКИЕ СВИНЦОВЫЕ БОЖКИ

— — — — —
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГАРРЕТА

Глен Чарльз Кук
Смертельная ртутная ложь.
Жалкие свинцовые божки
Серия «Звезды новой фэнтези»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67322276

Смертельная ртутная ложь. Жалкие свинцовые божки: Азбука-Аттикус; СПб; 2022

ISBN 978-5-389-21093-6

Аннотация

Нет в волшебном городе Танфере сыщика лучше Гаррета, потому что, во-первых, он успешно расследует преступления в мире магии, а во-вторых, как и положено классическому частному детективу, у него всегда в запасе острое словцо. В романе «Смертельная ртутная ложь» он берется найти девушку, которая, по словам ее матери, связалась с дурной компанией, и конечно же, столь будничная завязка – всего лишь пролог к феерическим приключениям. В романе «Жалкие свинцовые божки» репутация Гаррета заинтересует сразу два пантеона полузабытых богов, сошедшихся в жестокой борьбе за последний храм.

А разгадывать криминальные загадки и выпутываться из смертельно опасных передраг герою помогут не только старые верные друзья, но и два недавних пациента сумасшедшего дома,

а также «самый отъявленный сквернослов на всем белом свете» — говорящий попугай мистер Большая Шишка.

Содержание

Смертельная ртутная ложь	7
1	7
2	19
3	26
4	32
5	38
6	42
7	45
8	53
9	61
10	67
11	72
12	79
13	83
14	88
15	94
16	100
17	107
18	114
19	124
20	132
21	143
22	153

23	162
24	175
25	187
26	190
27	198
28	203
29	209
30	216
Конец ознакомительного фрагмента.	221

Глен Кук

**Смертельная ртутная ложь.
Жалкие свинцовые божки
Седьмой и восьмой
романы цикла о
*приключениях Гаррета***

© К. М. Королев, перевод, 1997

© Г. Б. Косов (наследник), перевод, 1997

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Смертельная ртутная ложь

1

С полной уверенностью заявляю: никакой справедливости в мире нет. Посудите сами. Я устроился поудобней, закинув ноги на стол, – свежий бестселлер Эспинозы в одной руке и пинта вейдеровского портера в другой. Элеонора тоже читает, заглядывая мне через плечо (она понимает Эспинозу гораздо лучше меня). Даже Попка-Дурак в кои-то веки не верещит. Я впитываю в себя сладостную тишину еще с большим энтузиазмом, чем пиво... И тут какой-то идиот начинает барабанить в дверь.

В стуке можно было уловить признаки высокомерного нетерпения. А это значит, что я наверняка не хотел бы видеть того, кто ко мне ломится.

– Дин! Посмотри, кто там! Скажи, чтобы убирался. Меня нет в городе. Я отбыл в секретную миссию по поручению его величества. Вернусь через много лет. Да хоть бы я и оставался дома, все едино не принял бы то, что собираются мне предложить.

Никто не пошевелился. На самом деле в городе как раз отсутствовал мой повар – домоправитель – доверенное лицо. Я был брошен на произвол возможных клиентов и Поп-

ки-Дурака.

Дин уехал в Темизвар. Одна из орды его дурнушек-племянниц вознамерилась выйти замуж. Он хотел лично проследить, чтобы жених не смылся до того момента, когда бежать будет слишком поздно.

Удары продолжали причинять ущерб двери. А я ведь ее только что поставил: предыдущую разломал не внявший моему намеку бандит.

– Проклятый бесчувственный кретин! – пробормотал я.

Теперь стук сопровождался руганью и угрозами, что, бесспорно, могло оскорбить слух соседей. В который уже раз.

Сонное, чуть удивленное ворчание донеслось из маленькой гостиной, расположенной между моим кабинетом и входной дверью.

– Убью стервеца, если он разбудит этого говорящего индюка, – объявил я, взглянув на Элеонору.

Она ничего мне не посоветовала. Просто тихо висела, видимо потрясенная творением Эспинозы.

– Пожалуй, лучше проломить негодяю череп до того, как меня пригласят на разборку в гражданский комитет.

Или прежде, чем мне придется ставить новую дверь. Двери нынче дороги, да и достать их весьма непросто.

Я опустил ноги со стола на пол, поднял в полный рост все свои шесть футов два дюйма и направился к выходу. Попка-Дурак издал какой-то звук. Пришлось заглянуть в его комнату.

Пернатая скотинка просто разговаривала во сне. Превосходно! Это чудовище, надо отдать ему должное, довольно красиво. Желтая голова, синий гребень, зеленые с красным тело и крылья. Перья хвоста настолько длинные, что в один прекрасный день я смогу превратить их в монеты, продав гномам на украшения для шляп. Но при всех своих достоинствах чудовище остается чудовищем. Кто-то где-то когда-то наложил проклятие на этого крючконосого задиру с грязным языком, чья лексика состоит в основном из одних непристойностей. Он существует лишь для того, чтобы отравлять всем жизнь.

Это подарок моего «друга» Морли Дотса. После таких даров поневоле задумаешься, а что же такое дружба.

Попка-Дурак – или иначе мистер Большая Шишка – шевельнулся. Я выскочил из комнаты, не дожидаясь, пока он решит пробудиться окончательно.

На входной двери есть глазок. Глянув в него, я пробормотал:

– Торнада. Вот еще черт принес!

Моя удача что вода: постоянно стремится пойти под откос. Торнада представляет собой стихийное бедствие, которое вечно выискивает место, где бы разразиться. Она будет барабанить, пока не почувствует голод. Судя по ее виду, до этого еще очень далеко.

Ее совершенно не волновало, что обо мне могут подумать соседи. Она обращает внимание на мнение других не боль-

ше, чем мастодонт в лесу – на мелкий кустарник.

Я открыл дверь. Гостя без всякого приглашения двинулась вперед, и мне, чтобы не оказаться затоптанным, пришлось отступить в сторону. Торнада – очень большая и очень красивая, но не сказал бы, что свеча ее разума горит очень ярко.

– Хочу потолковать с тобой, Гаррет, – заявила она. – Мне нужна твоя помощь. По делу.

Можно было и догадаться. Проклятие! Собственно, я и догадался. Однако особых забот у меня не имелось, и Дина не было рядом, чтобы докучать. К тому же Покойник дрых вот уже несколько недель, и компанию мне составлял только Попка-Дурак. Все приятели были увлечены своими подружками, чего со мной, увы, давным-давно не случалось.

– Хорошо. Я тебя выслушаю, хотя и знаю, что пожалею об этом. Пока ничего не обещаю.

– Как насчет того, чтобы выпить, пока будем молоть языками?

Вы полагаете, Торнада застенчива? Вы заблуждаетесь. Не тратя лишних слов, она двинулась на кухню. Я посмотрел по сторонам, высунувшись за дверь. Никогда не знаешь, кого Торнада может притащить на хвосте. У нее не хватает ума даже оглянуться, и то, что она до сих пор жива, – просто чистое везение, а не результат профессионального мастерства.

– О-го-го! Святые бродяги! Гаррет, останови этих трахтарарах!..

Боже! Я забыл закрыть гостиную, за что мне и воздалось полной мерой.

На улице оказалась лишь обычная толпа людей, животных, гномов, эльфов и эскадрон кентавров-иммигрантов. Все как всегда.

Заперев входную дверь, я подошел к маленькой комнате и, невзирая на вопли об отвратительном обращении с пернатыми, захлопнул птицу внутри.

– Заткнись, клюв, если не хочешь оказаться в кастрюле у кого-нибудь из крысиного народца.

Мистер Большая Шишка расхохотался. Он принялся издеваться надо мной и был прав. Хотя я и недолюбливаю крысуюков, но никогда не пойду на такую подлость по отношению к ним.

Попка-Дурак заорал, что его насилуют. Пускай. Это Торнаде уже доводилось слышать.

– Почему бы тебе самой за собой не поухаживать? – сказал я, входя в кухню.

Она о себе уже позаботилась, без тени смущения до краев наполнив самую большую кружку в моем доме.

Подмигнув, Торнада произнесла:

– За тебя, парень. И за твоего разговорчивого дружка.

– Спасибо. А тебе, случайно, не нужен попугай?

Я взял свою кружку с кухонного стола.

– Эта ворона в шутовском наряде? Что я с ним буду делать?

Она уселась напротив меня, наполовину скрывшись за горой немытой посуды.

– Ты всегда можешь нацепить себе черную повязку на глаз и заняться пиратским бизнесом.

– Не знаю, сумею ли я плясать джигу на деревянной ноге. А он кричит когда-нибудь: «Дьявол вас раздери!» или «Свитьать всех наверх!»?

– Что?!

– Так я и думала. Ты пытаешься всучить мне дефектную птицу.

– Мм...

– Это не морской волк, Гаррет, а обитатель городских трущоб. Знает больше похабщины, чем я.

– Зато ты сможешь научить его распевать матросские баллады.

– Йо-хо-хо... Дин решил наконец свалить от тебя?

– Уехал из города проследить за тем, как племянница выходит замуж. Тебя, кстати, временная работа не интересует?

Торнаде доводилось встречать племянниц Дина, каждая из которых внесла свой вклад в смысл слова «дурнушка». Она скрыла изумление и одновременно притворилась, будто не поняла моего намека на грязную посуду.

– Я однажды уже была замужем.

Боже, а я-то надеялся, что она не начнет.

Торнада все еще состояла в браке, но юридические тонкости никогда ее не волновали.

– Не надо пудрить мне мозги, дорогая.

– Я тебе пудрю мозги? Зачем? По сравнению с замужеством преисподняя выглядит раем.

Торнада – не совсем обычный индивид, если вы еще не поняли. Ей двадцать шесть лет, она почти такого же роста, как и я, а сложением напоминает сказочное каменное сооружение, эпическое по своим масштабам. Кроме того, я слышал, что у нее бывают сложности в отношениях с людьми. Торнаде не всегда удастся сообразить, где ее подлинное место.

– Итак, ты просила моей помощи, – напомнил я, решив ускорить ход событий. В конце концов, мой пивной бочонок вовсе не бездонный.

Я ухмыльнулся про себя. Вдруг ее положение настолько отчаянное, что мне удастся сбыть ей Попку-Дурака?

– Хм...

Похоже, она перейдет к делу, только прикончив все мое пиво. Выпитое количество свидетельствовало о плачевном состоянии ее финансов.

– Ты отлично выглядишь, Торнада. – (Даже ей приятно слышать такое.) – Наверное, дела в порядке?

Она решила, что я говорю о ее наряде. Прикид был совершенно новым и, как всегда, выдающимся.

– Там, где я работаю, требуют, чтобы все классно одевались.

Я изо всех сил пытался сохранить серьезность. «Необыч-

ный» – самое мягкое слово, которым можно охарактеризовать вкус моей гостыи. В толпе она затеряться не могла. Если бы Торнада прошествовала по улице с Попкой-Дураком на плече, птицу бы никто и не заметил.

– У тебя сегодня скромный вид. Вот когда ты работала на жирного кретина Лаббока...

– Все зависит от территории. Эти парни хотят, чтобы я сливалась с окружением.

И вновь я сумел удержаться от ухмылки. Смеяться над Торнадой, когда Торнада не смеется над собой, опасно для здоровья. Особенно если вы приметесь острить о ее способностях сливаться с окружением.

– Значит, старикан в отъезде? А как твое пугало?

Она имела в виду моего партнера, Покойника. Свое имя он получил потому, что не двигался с тех пор, как кто-то воткнул в него нож лет четыреста назад. «Пугало» – весьма способное создание. Вообще-то, он не человек, а логхир, этим и объясняется, что он так долго ошивается среди нас после того, как его убили. Логхиры неторопливы и упрямы, или, если хотите, упорны в своем стремлении не помирать по-настоящему.

– Спит. Вот уже несколько недель не донимает меня. Наступила райская жизнь.

Торнада, сморщив носик, откинула упавшую на лицо светлую прядь.

– Когда он проснется?

– Быть может, когда в доме начнется пожар. А тебе есть что скрывать?

Чтение мыслей – любимое занятие Покойника.

– Не больше, чем обычно. Я просто думала о том, что у меня выдался сухой сезон. Да и над тобой, как я слышала, не шел дождь из монет.

Такова моя приятельница Торнада. Типа застенчивая и скромная. И полное отсутствие романтики.

– Итак, у тебя неотложное дело...

– Неотложное?

– Ты чуть не сорвала с петель дверь. Своими воплями и стуком разбудила Попку-Дурака...

Этот негодяй, которого я все-таки изжарю, продолжал орать в маленькой гостиной.

– Я решил, что за тобой по меньшей мере гонятся убийцы-эльфы.

– Хорошо бы. Я же сказала тебе, как неудачно у меня все складывается. Я всего лишь хотела привлечь твое внимание.

Торнада наполнила свою кружку, затем мою и закончила:

– Ты прав, Гаррет. Дело прежде всего.

Она замолчала и прислушалась. Мистер Большая Шишка гремел во весь голос.

Пожав плечами, гостья скользнула в мой кабинет. Я быстро последовал за ней. Иногда вещи, если вы внимательно не следите за ними, имеют склонность исчезать в карманах этой чертовки.

Я плюхнулся в кресло, отгородившись от нее столом. Торнада покосилась на картину, а затем уставилась на книгу.

– Эспиноза? Не тяжело ли для тебя?

– Настоящий триллер.

По правде говоря, Эспиноза – за пределами моего понимания. У него явное стремление поднимать шум из-за пустяков, которые в голову бы не пришли человеку, знающему цену хлебу насущному.

Я как-то навещал знакомую, работающую в Королевской библиотеке, и эта книга – все, что удалось от нее получить.

– Философия – триллер? Ну конечно, вроде геморроя. У мужчины должно быть хобби.

– У Эспинозы оно есть. Философия. Интересно, когда ты успела научиться читать?

– Не изображай изумление, Гаррет. Я повышала образование. Надо же было потратить куда-нибудь честно и с таким трудом заработанные бабки. Я думала, знания когда-нибудь смогут пригодиться. Однако поняла одно: никакое образование не делает человека умнее.

Не могу не согласиться. Я встречал довольно тупых академиков, обитающих как бы в ином измерении.

Торнада прервала мои размышления:

– Хватит болтать. Фокус в том, что тебя, возможно, навестит некая старушенция по имени Мэгги Дженн. Неизвестно, чего она хочет, но мой босс готов насыпать полную тачку монет, чтобы узнать. Старая карга Дженн со мной знакома,

я не могу тереться рядом с ней. Вот я и подумала: почему бы тебе не позволить ей нанять себя, выяснить, что ей нужно, и доложить моему боссу?

Она вся в этих словах, моя разлюбезная Торнада.

– Мэгги Дженн?

– Так ее зовут.

– Вроде бы я слышал это имя. Кто она такая?

– Я же сказала. Старая карга с Холма.

– С Холма? – Я откинулся назад с видом занятого человека, улучившего минутку для беседы с давним другом. – Я уже веду одно дело.

– Что на сей раз? Розыск пропавшей ящерицы? – рассмеялась она. – Мяу, мяу.

Смех ее напоминал хриплые крики стаи гусей, улетающих на зимовку.

Несколько дней назад на меня надела одна старая перечница, для которой я подрядился найти ее любимую Могги. Детали вам знать необязательно. Достаточно и того, что они известны мне.

– Неужели об этом говорят на улицах?

– Только об этом и говорят.

Дин, не иначе. Я ни единой живой душе не обмолвился.

– Лучшая история о Гаррете, что мне доводилось слышать. Тысяча марок за кошечку.

– Ты же знаешь, как некоторые пожилые леди относятся к своим питомцам.

На самом деле поиски прошли без сложностей. Проблемы начались, когда я нашел несчастное животное. Старушка, а не кошка заставила меня попотеть.

– Не знаю, как бы я отбилась, приди бабулька ко мне.

Я тоже не знаю. Положение спасло то, что найденную пропaju я отправил клиентке с Дином.

Покойник, конечно, мог бы избавить меня от позора, если бы не спал. Правда, тогда он бы вечно изводил меня напоминаниями об этом.

– Ладно, оставим. Раз уж мы заговорили о пожилых дамах, скажи, что эта самая Мэгги Дженн может потребовать от меня?

– Скорее всего, она захочет, чтобы ты замочил кое-кого.

– Повтори, не понял... – Я, признаться, ожидал совсем другого. – Знаешь...

Кто-то еще решил проверить на прочность мою входную дверь. У этого кого-то, похоже, кулак побольше свиного око-рока.

– Мне это крайне не нравится, – пробормотал я. – Когда люди целыми взводами начинают ломиться в ваш дом...

Торнада отвела от меня взгляд и бросила:

– Я скрываюсь.

– Смотри не разбуди Покойника.

– Шутишь? – Она показала на потолок. – Я буду наверху, найдешь меня, когда закончишь.

Именно этого я и опасался больше всего.

Дружба, не отягощенная обязательствами или сложностями, оказывается способна порождать свои проблемы.

У двери в маленькую гостиную царила тишина. Я остано-вился и прислушался. Ни одна непристойность не нарушала благословенного молчания. Попка-Дурак снова уснул.

Жаль, что это не последний сон вороны из джунглей. Не превратить ли дремоту в вечный покой, отправив птицу в путешествие, откуда нет возврата?..

Бум, бум, бум!

В глазок я увидел только изящное рыжеволосое созда-ние, которое, почти отвернувшись от меня, смотрело вдаль. Неужели эта крошка производила подобный грохот? В таком

случае она, вероятно, гораздо крепче, чем кажется поначалу. Я открыл дверь. Рыжюлька продолжала обозревать улицу. Осторожно высунувшись, я проследил за ее взглядом.

Пикси-подростки, расположившись на карнизе и решетках безобразного трехэтажного дома в полуквартале от меня по Макунадо-стрит, занимались тем, что швыряли вниз гнилые фрукты и объедки. Компания гномов на мостовой орала и потрясала тростями, увертываясь от метательных снарядов. Гномы все как один были стары, облачены в серые невзрачные одежды и украшены бакенбардами. Не бородами, не усами, а бакенбардами вроде тех, что можно увидеть на старинных портретах генералов, князей и капитанов торгового флота. Все гномы кажутся стариками и никогда не следят за модой. Во всяком случае, мне не доводилось встречать среди них женщин или юношей.

Самый проворный из маленьких старикашек, распевая боевой гимн о торговых скидках и фьючерсных сделках на батат, запустил обломок камня в одного из пикси и, как ни странно, попал. Пикси проделал сальто-мортале над головой гарпии, украшающей фронто́н дома. Гномы начали скакать от восторга, радостно вздымая свои трости и посылая благодарности Великому Судии. Но отпрыск пикси вдруг расправил крылья и взмыл вверх, издевательски хохоча.

Я произнес, обращаясь к рыжеволосой:

– Все это пустое дело, бесполезный шум. Сражение идет вот уже целый месяц, и пока в нем никто не пострадал. Они

все умрут от стыда, если с кем-нибудь из участников битвы, не дай бог, что-то произойдет.

Гномы делают состояния, финансируя войны, но сами не желают видеть кровь. Таков уж их характер.

На углу Макунадо-стрит и дороги Чародея я заметил закрытый портшез, а рядом с ним – странное существо: не то человек, не то горилла. Его лапищи вполне были похожи на оружие, которым колотили в мою дверь.

– Это создание ручное? – поинтересовался я.

– Магвамп? Просто душка. Он такой же человек, как и вы.

В тоне ее слышался вопрос: не оскорбила ли она, сама того не желая, своего дружка Магвампа?

– Чем я могу быть вам полезен?

Господи, до чего же мне хотелось быть ей полезным! Магвамп отошел на второй план.

Я всегда старался быть ласковым с рыженькими, по крайней мере пока они не становятся ласковыми со мной. Рыжие были моей слабостью, впрочем ненамного опережая блондинок или брюнеток.

Женщина обернулась ко мне.

– Мистер Гаррет? – спросила она низким, хрипловатым, полным секса голосом.

– Обычно я прохожу под этим именем.

Сюрпризы, сюрпризы. Она была лет на десять старше, чем мне показалось с первого взгляда. Но время не отняло у нее ничего. Да, хорошее вино с возрастом становится только

лучше. Со второй попытки я решил, что ей между тридцатью пятью и сорока. В моем нежном тридцатилетнем возрасте не обращают внимания на эту разновидность.

– Вы так смотрите на меня, мистер Гаррет. Я всегда считала, что это невежливо.

– Что? Ах да! Прошу прощения.

Попка-Дурак начал бормотать во сне о чем-то вроде межвидовой некрофилии. Это возвратило меня в реальный мир.

– Чем могу помочь вам, мадам?

Интересно чем, кроме очевидного, если, конечно, она ищет добровольца.

Я просто не узнавал себя. Женщины – мое слабое место, мое, если так можно выразиться, слепое пятно. Однако меня никогда не тянуло на зрелых матрон. Но в этой было нечто такое, что полностью завладело мной. И она это знала.

Больше деловитости, парень. Больше деловитости.

– Мадам, Гаррет – это я.

Я заикался, спотыкаясь о свой язык так часто, что скоро на нем не осталось живого места от отпечатков подошв.

Она наконец смилоствовала и улыбнулась:

– Не можем ли мы уйти с воздуха в дом?

– Да, конечно.

Придерживая дверь, я отступил в сторону. Что плохого она нашла в воздухе? Погода – лучше не бывает. Облаков так мало, что не за что удержаться, если вдруг взмоешь в небо. В городе редко приходится видеть такую голубизну.

Она без всякого жеманства протиснулась между мной и дверным проемом. Мы прижались друг к другу – иначе разминуться было невозможно.

Я закрыл глаза. Стиснул зубы. И залепетал:

– Мой кабинет – вторая дверь налево. Не могу предложить ничего, кроме пива и бренди. Мой слуга Дин в отъезде.

Эта женщина, наверное, ведьма. Или, быть может, я утратил навыки общения. Очень скверно.

– Бренди был бы в самый раз, мистер Гаррет.

Ну ясно. Высший класс.

– Одну минуту. Чувствуйте себя как дома.

Метнувшись в кухню и лихорадочно разбрасывая в стороны все, что попадалось под руку, я нашел бутылку. Дин не дурак выпить и припрятывает спиртное по разным местам, чтобы я не знал, сколько он и чего накупил. Я наполнил стакан, надеясь, что Дин не станет тратить на отраву. Что я могу знать о бренди, если мой любимый напиток – пиво?

Примчавшись в кабинет, я увидел, что зрелая рыжюлька расположилась в кресле для клиентов. Нахмурившись, она изучала Элеонору.

– Благодарю вас, – сказала она, взяв протянутый мной бренди. – Какая интересная картина! Там столько всего, если внимательно присмотреться.

Усевшись, я тоже взглянул на любимую. Милая блондинка, напуганная и бегущая от чего-то, лишь слегка обозначенного на заднем плане. Если как следует взглядеться, можно

прочитать всю зловещую историю. Картина полна магии, хотя часть ее и исчезла после того, как я разобрался с человеком, убившим Элеонору.

Я пустился в объяснения. Посетительница оказалась превосходной слушательницей. При этом я ухитрился не утонуть окончательно в собственных гормонах.

Тщательно продумав линию поведения, я заметил:

– Вы могли бы представиться, прежде чем мы двинемся дальше. По совести говоря, я чувствую себя не совсем удобно, обращаясь к даме: «Эй, вы!»

От ее улыбки у меня размякла даже эмаль зубов.

– Я Мэгги Дженн. Маргат Дженн, если точнее. Но все называют меня только Мэгги.

Так вот оно, это чудовищное пророчество. Предо мной сидит старая карга, о которой говорила Торнада. Значит, старуха где-то потеряла свои костыли.

– Имя Мэгги как-то не вяжется у меня с рыжим цветом, – неожиданно для самого себя выпалил я.

Невероятно. Ее улыбка потеплела.

– Надеюсь, вы не столь наивны, мистер Гаррет.

– Просто Гаррет. Мистер Гаррет – мой дедушка. Нет, конечно.

Я не раз наблюдал, как женщины мгновенно самым чудесным образом меняют свой облик.

– Нет, нет. Я лишь слегка подкрасила волосы. Чуть больше рыжего, чем меня одарила природа. Обыкновенное тщеславие.

славию. Еще один арьергардный бой в войне со временем.

Ага, конечно. Несчастливая беззубая развалина.

– Мне кажется, вы сумели обратить время в бегство.

– Вы очень милы.

Она улыбнулась и наклонилась вперед. Мне стало еще жарче.

Мэгги Дженн схватила мою левую руку и стиснула ее.

– Некоторым женщинам нравится, когда на них так смотрят, Гаррет. И им хочется ответить тем же.

Она пощекотала мою ладонь. Я с трудом заставил себя дышать ровно. Шла явная обработка, впрочем, мне было все равно.

– Но я здесь по делу, и будет лучше, если мы к нему вернемся. – С этими словами она отняла свою руку.

Видимо, к этому времени я, по ее расчетам, должен был окончательно растаять.

И я растаял окончательно.

– Мне нравится эта комната, Гаррет. Она о многом говорит. Подтверждает то, что я о вас слышала.

Я ждал. Все клиенты обычно ведут себя так. Они, бедняжки, находятся в отчаянном положении, когда появляются у меня. Иначе они бы не пришли. Однако все они начинают ходить вокруг да около, прежде чем признаются, что утратили контроль над своей жизнью. Многие пускаются в пространные объяснения, почему выбрали именно меня. Вот как Мэгги Дженн. Некоторые, так и не дойдя до сути дела, отказываются от своих намерений. Мэгги Дженн не отказалась.

– А я и не знал, что так знаменит. Это меня пугает.

Очевидно, мое имя на слуху у правящего класса, к которо-

му явно принадлежит Мэгги Дженн, хотя из ее слов и невозможно понять, в каком обществе она вращается. Однако я избегаю слишком заметных дел и не люблю, когда на меня начинают обращать внимание.

– Все внесли вас, Гаррет, в списки лучших специалистов. Если вам нужна новая карета, вы обращаетесь к Лео Тополю. Вздумали заказать необыкновенную посуду – идете к Рикману Плаксу и сыновьям. Желаете купить туфли – приобретаете их у Тейтов. А если вам нужно подсмотреть и выследить, то вы направляетесь к Гаррету.

– Итак, нам требуется подсмотреть и выследить.

– Вы желаете, чтобы я перешла к делу?

– Я привык, что люди долго топчутся вокруг своих проблем, прежде чем берут быка за рога.

Она немного подумала и сказала:

– Теперь я понимаю, почему они так делают. Это очень нелегко. Ну хорошо, к делу так к делу. Я хочу, чтобы вы нашли мою дочь.

– Что?!

Мэгги ошеломила меня. Я весь напрягся, ожидая, как она начнет заказывать убийство, а дама всего-навсего желала получить услугу, которую Гаррет оказывает постоянно.

– Вы мне нужны, чтобы найти мою дочь. Она исчезла шесть дней назад. Я очень беспокоюсь. В чем дело? У вас такой забавный вид.

– Он у меня всегда такой, когда я начинаю думать о рабо-

те.

– Верно. У вас именно такая репутация. Что может заставить вас покинуть дом?

– Побольше информации. И естественно, размеры вознаграждения.

Вот так-то. Имею полное право гордиться собой. Я взял обстановку под контроль и вернул деловую хватку, преодолев свои слабости.

Не знаю, как это получилось, но я уже практически согласился принять заказ.

Несмотря на репутацию лентяя, я часто занимаюсь небольшими делами, зарабатывая марку-другую. Профессия помогает мне избегать постоянного общения с Дином, Покойником и Попкой-Дураком. Покойник считает, что мир только улучшится, если я уработаюсь до смерти. Попка-Дурак ничего не считает, а лишь нецензурно ругается.

– Ее зовут Жюстина. Она недавно достигла совершеннолетия. Я стараюсь не вмешиваться в ее дела.

– Совершеннолетняя? Выходит, вам во время ее рождения было всего десять?..

– Лесть заведет вас очень далеко, Гаррет. Мне было восемнадцать. Ей стало восемнадцать три месяца назад. Арифметикой можете не заниматься.

– Да вы же просто весенний цыпленок. Двадцать один плюс несколько лет ценного опыта. Вы еще можете продолжать подсчеты. Держу пари, все принимают вас за сестру

Жюстины.

– Ну что за милый болтун!

– Я всего-навсего честен. Вначале я немного отвлекся...

– Держу пари, женщины вас обожают, Гаррет.

– Ну конечно! Вы же слышали, как они распевают романсы на улице. Вы видели, как они карабкаются по стенам, чтобы проникнуть в мой дом через окна второго этажа.

Танфер есть Танфер, и на первом этаже у меня лишь одно окно – в кухне, да и его защищает металлическая решетка.

Глаза Мэгги Дженн лукаво блеснули.

– Ох, Гаррет, мне следовало встретиться с вами раньше.

Взгляд ее обещал многое. Наверное, то, чего я тоже желал.

Рыжим я никогда не мог ни в чем отказать.

– Вернемся к делу, – продолжила она. – Жюстина попала в плохую компанию. Не могу сказать ничего конкретного, но меня насторожила та молодежь. В них словно таится нечто злобное. Правда, мне нечем это подтвердить.

У всех родителей, разыскивающих пропавших детей, есть одна общая черта. Им не нравятся те, от кого без ума их чадо. Они думают, ребенок ушел из дома под влиянием окружения. Даже пытаясь продемонстрировать непредвзятость, родители все равно обвиняют друзей. Послушали бы вы их, если друг или подруга принадлежат к противоположному полу.

– Прежде чем приступить к поиску, вы хотите узнать о моей дочери как можно больше, не так ли?

Оказывается, ни слова не говоря, мы оба пришли к соглашению о том, что я начинаю работать на маму Дженн. Мама Дженн привыкла, что все идет так, как того желает она.

– Хорошо бы. Я знаю одного типа моей профессии, который находит пропавших, мысленно проникая в черепную коробку того, за кем ведет охоту. Он обращает внимание только на характер объекта. По сути дела, начинает почти отождествлять себя с ним. Конечно, работа идет легче, если он представляет все в рамках более общей картины.

– Вам следует рассказать мне о каких-нибудь своих делах. Я совершенно не знаю этой стороны жизни. Должно быть, она очень волнительна. Почему бы вам, допустим, не прийти ко мне на ранний ужин? Осмотрите комнату Жюстины, ее вещи и задайте мне необходимые вопросы. После этого вы сможете решить, беретесь за дело или нет.

Мэгги улыбнулась, и на фоне этой улыбки побледнели все ее предыдущие упражнения в обаянии. Я был запечен и зажарен. Мною откровенно манипулировали, но я этим восхищался.

– Как раз сегодня вечером я свободен.

– Превосходно, – сказала Мэгги, натягивая перчатки телесного цвета, которых я раньше не заметил.

Она еще раз взглянула на Элеонору, помрачнела и содрогнулась, как от холода. Элеонора вполне способна произвести подобный эффект.

– Как насчет пяти часов? – спросила Мэгги.

– Буду. Скажите где.

Лицо в золотом ореоле волос потемнело. Большая ошибка, Гаррет. Предполагается, что ты должен найти и без объяснений. К сожалению, я так мало знал о Мэгги Дженн. Как мне было догадаться, что мое невежество по части ее личности и места жительства вызовет раздражение?

Но передо мной была настоящая леди. Она не отказалась от моих услуг, а, поколебавшись всего несколько секунд, назвала адрес.

И тут я по-настоящему разволновался.

Речь шла о жилье высоко на Холме, там, где обитают самые могущественные и самые богатые из числа богатых и могущественных. Высота размещения на Холме служит индикатором величины состояния и общественного положения. Улица Голубого Полумесяца, насколько я знал, была эпицентром этого сказочного мира.

Мэгги Дженн – дама с обширными связями, но я все же не понимал, почему обязательно должен знать ее имя.

Все прояснится, когда без этого нельзя будет обойтись.

Я проводил милую леди до входной двери. Милая леди продолжала излучать манящее тепло. Интересно, неужели весь сегодняшний вечер будет посвящен только делу о пропавшей дочери?

Я с восторгом наблюдал, как Мэгги Дженн, слегка покачивая бедрами, направлялась к своему портшезу. Она знала, что я не свожу с нее глаз, и устроила настоящее представление.

Этот убийца-гориллоид следил за тем, как я слежу за ней. У меня создалось впечатление, что он не желает мне добра. – Гаррет, ты когда-нибудь перестанешь пускать слюнки? Оказалось, я впитываю в себя каждую деталь отъезда Мэгги.

Я с трудом отвел взгляд, чтобы посмотреть, кто из моих настырных соседок решил облить меня ледяным душем своего неодобрения. Но вместо соседки увидел весьма привлекательную невысокую брюнетку. Она приближалась ко мне с другой стороны.

– Линда Ли! Какой приятный сюрприз.

Это была моя приятельница из Королевской библиотеки. Именно об этой девушке я мечтал, прижимая к груди вместо нее томик Эспинозы.

Я спустился по ступеням ей навстречу:

– Счастлив, что ты наконец передумала.

Линда Ли – обладательница пяти футов роста и огромных карих глаз, – бесспорно, самая симпатичная из всех библиотекарш, которые попадались мне на жизненном пути.

– Спокойно, парень. Мы находимся в общественном месте.

– Ну так войди в мое жилище.

– Если я тебя послушаюсь, то забуду, зачем пришла.

Усевшись на ступени, она обняла руками колени, положила на них подбородок и обратила на меня невинные глаза маленькой девочки, прекрасно понимая, что этот взгляд тотчас превратит меня в кипящего страстью зомби.

Сегодня я, похоже, обречен служить игрушкой.

Ничего, переживем. Я же и был рожден для этой роли.

Линда Ли вовсе не являлась невинной простушкой, какое бы впечатление она ни производила с первого взгляда. Просто Линда изо всех сил старалась казаться ледяной девой, чтобы отвечать распространенному среди обывателей представлению о работниках библиотеки. Но, будем честны, у нее это не очень получалось. Лед и мороз не соответствовали ее натуре. Я стоял рядом с ней, изобразив на роже самую обаятельную из моего широкого набора улыбок и точно зная, что Линда позволит уговорить себя покинуть общественное место.

– Перестань!

– Что перестать?

– Смотреть на меня так. Я знаю, о чем ты думаешь...

– Ничего не могу с собой поделать.

– Ясно, ты стараешься заставить меня забыть, зачем я здесь.

Я ни на секунду ей не поверил. Но я парень что надо и решил поддержать ее шутку.

– Хорошо. Так расскажи мне об этом.

– О чем?

– Да о том, что же заставило тебя подвергнуться риску пасть жертвой моего неотразимого очарования.

– Мне необходима твоя помощь. Как профессионала.

Почему моя?

Я не поверил ей. Библиотекари обычно не садятся в лужу так глубоко, что не могут выбраться без посторонней помощи. Особенно такие славные малышки, как Линда Ли Лютер.

Я начал постепенно перемещаться ближе к двери. Занятая своими проблемами, Линда поднялась на ноги и последовала за мной. Я пропустил ее вперед себя в дом. Закрыл и запер дверь. И попытался поскорее провести девушку мимо маленькой гостиной, где Попка-Дурак, не просыпаясь, бормотал непристойности. Линда Ли не избегла участи всех моих посетителей и услышала много интересного.

– Итак, что же тебя столь сильно занимает?

Обычно Линда не упускает возможности и за таким вопросом следует забавная и порой соленая шутка. Но на сей раз она лишь простонала:

– Меня скоро уволят. Я знаю.

– Не думаю.

В это действительно было невозможно поверить.

– Ты ничего не понимаешь. Гаррет, я потеряла книгу.

Очень редкую, которую никак не возместить. Скорее всего, ее украли.

Я проскользнул в кабинет. Линда Ли последовала за мной. Где же моя неотразимость, которая мне сейчас так необходима?

– Книгу надо вернуть прежде, чем узнают о пропаже, – продолжала Линда Ли. – Мне просто нет прощения за то, что я это допустила.

– Успокойся, – сказал я. – Вдохни поглубже. Задержи дыхание. И расскажи мне все с самого начала. У меня уже есть работа, и я буду занят некоторое время, но, быть может, все же сумею что-нибудь предложить.

Обняв девушку за плечи, я подвел ее к креслу для клиентов. Она уселась.

– Рассказывай подробно, – напомнил я.

Боже мой! Вместо того чтобы следовать разработанному заранее плану и стенать по поводу несчастья, она вдруг начала размахивать руками и что-то выкрикивать.

Эспиноза. Прямо перед ней на моем столе.

Заимствуя книгу, я не полностью следовал всем необходимым формальностям. Библиотечные власти совершенно перестали доверять простым людям, хотя книги оплодотворяют нас идеями.

Я прокудахтал что-то успокоительное, но мои аргументы утонули в возмущенных воплях. Линда совершенно сбилась с рельсов, которые привели ее ко мне. О потере раритета бы-

ло забыто, и она не желала к этому возвращаться.

– Как ты мог так поступить со мной, Гаррет? Я и без этого попала в беду... Если хватятся еще и этой книги – мне конец! Как ты мог?!

Как, как? Да очень даже просто. Книга совсем не толстая, а старик-ветеран, охраняющий дверь, дремал. Да и вообще он вряд ли мог угнаться за мной на своей деревянной ноге.

Из моей милой Линды Ли изливался неудержимый поток слов. Она прижала Эспинозу к груди, словно это был ее любимый первенец, которого собрался похитить гном с многосложным именем.

Разве можно спорить с женщиной, впавшей в истерику? Я и не стал.

Линда Ли неожиданно ударилась в бегство. Я не успел обойти стол и догнать ее. Убегая, она не переставала громко возмущаться.

– Ха-ха-ха! – возопил Попка-Дурак.

У цветной вороны появился повод поднять адский шум, и она немедленно приступила к делу.

Через секунду я уже следил за тем, как Линда Ли мчалась по Макунадо. Ее ярость была столь неудержима, что даже восьмифутовые великаны предпочли убраться с пути библиотечного работника.

Визит Линды был так краток, что я заметил исчезающие в уличном движении носилки Мэгги Дженн. Магвамп оглянулся и оскалится, наверное, чтобы я лучше его запомнил.

Ну и денек. Что теперь?

Ясно одно. Очередная красotka к моему дому в данный момент не приближается. Я вздохнул.

Настало время узнать у Элеоноры, что она думает о Мэгги Дженн.

Я уселся за свой стол и уставился на Элеонору.

– Что ты думаешь о Мэгги, дорогая? Воспользоваться ли мне возможностью, несмотря на ее возраст? Я ведь по природе своей соглашатель.

Элеонора промолчала, но я сам ухитрился вложить слова в ее уста. Приходилось отвечать.

– Да. Мне это известно. Но ведь я втюрился в тебя, хотя ты вообще бесплотный дух.

То есть картина. Я увлекался несколько тысяч раз, но по-настоящему влюблялся лишь дважды. Причем один раз из этих двух – совсем недавно, в женщину, которая скончалась, когда мне было всего четыре года.

– Ничего страшного, что она несколько старше меня, разве не так?

Со мной приключались ужасные и необычные вещи. Я сражался с вампирами и с мертвыми богами, которые восставали к жизни. На моем пути встречались убийцы-зомби и убийцы-маньяки, они продолжали охотиться за мной даже после того, как их удавалось отослать в лучший мир. Так почему же считать мою любовь к духу чем-то из ряда вон выходящим?

– Да. Я знаю. Это цинизм. Да, я понимаю, она намерена использовать меня в своих целях. Но зато каким способом!

Вдруг до меня донеслось:

– Эй, Гаррет! Дожидаясь тебя, можно поседеть.

Торнада, будь она неладна! Не могу же я все держать в памяти.

Я медленно поднялся, продолжая размышлять о своем. Мэгги Дженн, вне всякого сомнения, околдовала меня. Я даже почти забыл о разочаровании, постигшем меня с Линдой Ли.

Торнада сидела на ступенях лестницы, ведущей на второй этаж.

– Чем ты занят, Гаррет? Старуха свалила минут пятнадцать назад. – Она почему-то забыла упомянуть о воплях Линды Ли.

– Я думал.

– Это чрезвычайно опасно для человека в твоем состоянии.

– А?..

Я не нашел яркого ответа. Всего лишь десятитысячный раз в жизни. Остроумный контрудар родится где-нибудь перед рассветом, когда я, мучась от бессонницы, буду вертеться в постели.

Торнада подошла к комнате Покойника и сунула туда нос. Его обитель занимала добрую половину первого этажа. Все четыреста пятьдесят фунтов моего дружка были погружены в кресло и бездвижны, как сама смерть. Нос логхира, смахивающий на хобот слона, на целый фут спускался ему на

грудь. На Покойнике начала собираться пыль, но всякие паразиты до него еще не добрались. Нет смысла пока заниматься чисткой, а может быть, успеет вернуться Дин и вообще избавит меня от малоприятной заботы.

Торнада прикрыла дверь и, повернувшись, схватила меня за локоть.

– Он совсем отпал, – заявила она уверенно.

Покойник совершенно не прореагировал на нее. Он недолюбливал женщин и среди них особенно – Торнаду. Однажды я даже угрожал ему, что выгоню Дина и вместо него поселю у себя эту бестию.

– Что она сказала? – поинтересовалась Торнада, когда мы начали подниматься по лестнице на второй этаж. – Кто жертва?

– А ты не знаешь?

– Я не знаю ничего. Мне известно одно: если я выясню, кого ты должен пришить, то получу ночной горшок, полный золота.

Деньги для Торнады – это все. Разумеется, они имеют значение для всех нас. Как это поется: «...весело с ними, грустно без них». Но для Торнады бабки значат больше, чем ее ангел-хранитель.

– Она хочет, чтобы я нашел ее дочь, которая отсутствует шесть дней.

– Повтори! Чтоб мне сдохнуть! Я была уверена, что она будет толковать об убийстве.

– Почему?

– Да нипочему. Наверное, неправильно выстроила факты. Значит, пропал ребенок. Ты берешься за работу?

– Пока размышляю. Я должен посетить ее дом, осмотреть вещи ребенка и затем решить окончательно.

– Но ты ведь согласишься? Может, удастся вытрясти из старой карги двойную плату?

– Заманчивая идея. Пока не удалось получить и одинарной.

– Ну и хитрый же ты негодяй! Мечтаешь очаровать старуху. Находишься со мной, а думаешь о карге. Ну и прохвост!

– Торнада! Эта женщина годится мне в матери.

– В таком случае либо ты, либо твоя мамочка врете о своем возрасте.

– Да ты же первая утверждала, что она старая рухлядь.

– Какое это имеет значение? К черту! Я прощаю тебя, Гаррет. Как я уже сказала: ты здесь, а она – нет.

Спорить с Торнадой – значит плевать против ветра. Один ущерб.

Лишь значительно позже ценой огромных усилий я сумел избавиться от нее, чтобы успеть на ужин к Мэгги Дженн.

– Так-то, – тихонько, чтобы не услышал Попка-Дурак, сказал я, обращаясь к Покойнику. – Я провел день с прекрасной блондинкой. Это была божья кара. Теперь мне предстоит провести вечер с роскошной рыжеволосой леди.

Он ничего не ответил. А если бы не спал, наверняка не упустил бы возможности высказаться. Торнада занимала особое место в его сердце. Покойник наполовину уверовал в мои угрозы жениться на ней.

Тихо посмеиваясь, я прокрался на цыпочках к входной двери. Перед отъездом Дин нанес мне значительный финансовый урон, поставив на новую дверь запирающийся на ключ замок. Я вполне обходился теми задвижками и щеколдами, которыми он стучал, замыкаясь от внешнего мира, как только я выходил из дома. Дин облек своим доверием совершенно бесполезную вещь. Такой замок способен остановить исключительно честного человека. Нашей главной защитой остается Покойник.

Логхиры, живые они или мертвые, обладают массой талантов.

Я заспешил прочь, посылая улыбки всем и никому одновременно. Наша округа плотно заселена разнообразными нечеловеческими существами, большую их часть составляют неотесанные беженцы из Кантарда. Эти существа не стес-

няются громогласно высказывать свое мнение и создают постоянное беспокойство.

Но гораздо хуже них псевдореволюционеры. Эти толпятся и роятся повсюду, переполняя таверны, громко и глупо рассуждая о своих еще более глупых догмах. Я понимаю их чувства. Мне тоже не очень нравится Корона. Но в то же время я знаю, что ни один из нас — ни я, ни они — не готов примерить на себя королевскую мантию.

Подлинная революция может только ухудшить положение. В эти дни каждая пара революционеров не способна договориться между собой о будущем Каренты. Они начали бы истреблять друг друга пачками, прежде чем...

Правда, уже были попытки учинить революцию. Но настолько бездарные, что о тех действиях знала лишь полиция.

Я обходил стороной торчащих на всех углах и облаченных в черное детей хаоса. Они были на разные голоса, восхваляя свои банальные доктрины. Серьезной угрозы для Короны не существует. У меня есть некоторые связи с новой полицией, именуемой Гвардией. Ребята оттуда мне сказали, что половина революционеров на самом деле полицейские агенты.

Я делал проходом ручкой. Насвистывал. Это был воистину чудесный день.

Но при этом не забывал и о деле. Насвистывая на пути к ужину с красивой женщиной, я частенько оглядывался и в один прекрасный момент заметил, что за мной следят.

Я принялся бродить без цели. Поворачивая назад, припус-

кал иноходью или шагал нарочито медленно, пытаясь определить намерения этого шута. Ему явно не хватало мастерства. Я продумал варианты действий. Больше всего мне нравилась идея поменяться с ним ролями: стряхнуть с хвоста и проследить, куда он побежит докладывать о своей работе.

Как это ни печально, но у меня есть враги. В ходе своих трудов я время от времени доставляю неприятности отдельным малосимпатичным людям. Кое у кого из них возникает желание свести со мной счеты.

Ненавижу тех, кто не умеет красиво проигрывать.

Мой друг Морли – профессиональный убийца, прикидывающийся гурманом-вегетарианцем, – не устает повторять, что я сам во всем виноват: оставляю своих недругов в живых.

Я наблюдал за хвостом, пока не убедился, что при желании легко могу от него избавиться. Тогда я вновь заспешил на свидание с Мэгги Дженн.

Жилище Дженн оказалось пятидесятикомнатной лачугой, расположенной почти в сердце Холма. В этих местах не могли селиться даже самые влиятельные и богатые представители торгового сословия.

Забавно. Мэгги Дженн не произвела на меня впечатления большой аристократки.

Ее имя я определенно слышал, но никак не мог припомнить где, когда и в связи с чем.

В этой части Холма, и в горизонтальной, и в вертикальной плоскости, господствует камень. Никаких дворов, никаких цветников, никакой растительности. Редкое исключение – озелененные балконы третьих этажей. И никакого кирпича. Лишь демос использует для строительства красный или коричневый кирпич. Забудьте об этом. Употребляйте только камень, добытый в другой стране и доставленный по воде за сотни миль.

Мне раньше не приходилось бывать в этом районе, и я слегка заплутал.

Дома стояли почти вплотную друг к другу. Улицы такие узкие, что два экипажа могут разъехаться, лишь заскочив на тротуар. Здесь, правда, почище, чем в остальных районах города, но серые каменные мостовые и здания придают сердцу Холма крайне унылый вид. Кажется, что ты идешь не по

улицам, а по дну мрачного известнякового каньона.

Дженн обитала в центре безликого квартала. Дверь напоминала скорее адские ворота, нежели доступ в жилье. На улицу не выходило ни единого окна. Не дом, а сплошной каменный утес. Стены его даже не украшал орнамент, что весьма необычно для Холма. Здешние обитатели, как правило, делают все, чтобы превзойти соседей в демонстрации дурного вкуса.

Какой-то хитроумный архитектор постарался вдолбить этим в целом умным людям мысль о том, что гладкое серое пространство производит самое яркое впечатление. Без сомнения, когда эти пакгаузы для хранения богатства переходили из рук в руки, их аскетический вид стоил покупателю больше, чем любой пряничный замок.

Что же касается меня, я предпочитаю дешевку. Люблю, чтобы с фронтона на меня пялились жуткие гарпии, а углы здания украшали славные ребячьи мордашки.

Дверной молоток был настолько незаметен, что мне чуть ли не пришлось искать его. Он оказался не бронзовым. Его отлили из какого-то серого металла, смахивающего на олово. Он издал ужасно хилый «тук-тук», и я решил, что его вряд ли кто-либо сможет услышать.

Но я ошибся.

Гладкая дверь из тикового дерева тут же распахнулась, и я оказался лицом к лицу с типом, которому, судя по его виду, оправданно пристало бы имя Ичабод, подаренное где-то в

начале века недобрыми родителями. Похоже, он провел много десятков лет, усердно создавая образ под стать имени. Он был высок, костляв и сутул, с налитыми кровью глазами, белыми волосами и бледной кожей.

– Так вот что с ними бывает, когда приходит старость, – пробормотал я. – Они вешают свои черные мечи на стену и становятся дворецкими.

Адамово яблоко старика наводило на мысль, что он подавился грейпфрутом. Не говоря ни слова, он смотрел на меня, словно хищная птица, ожидающая, когда остынет ее обед.

Таких огромных и костистых надбровных дуг мне в жизни видеть не доводилось, к тому же поросших густейшими белыми джунглями.

Жуткий тип.

– Доктор Смерть, если не ошибаюсь? – спросил я.

Доктор Смерть – персонаж в кукольных представлениях о Панче и Джуди. У Ичабода и нехорошего доктора было очень много общего, правда, кукольный злодей футов на шесть ниже ростом.

У некоторых людей полностью отсутствует чувство юмора. Один из них стоял передо мной. Ичабод не улыбнулся и даже не шевельнул неухоженным кустарником над глазами.

Впрочем, он заговорил на весьма приличном карентийском:

– У вас имеются веские причины беспокоить этот дом?

– Естественно.

Мне не понравился его тон. Я вообще не выношу звуков голоса слуг с Холма. В них слышится воинствующий снобизм, частенько присущий ренегатам.

— Хотел посмотреть, как вы, ребята, рассыпаетесь в прах под солнечными лучами.

Я имел преимущество в этой идиотской игре, поскольку меня ожидали к ужину и наверняка описали слуге мою внешность. Он, бесспорно, знал, кто находится перед ним. Иначе Ичабод давно бы захлопнул дверь и дал сигнал головорезам, оберегающим богатых и могущественных от назойливой шушеры вроде меня. Банда незамедлительно явилась бы как следует излущивать «гостя» в назидание другим.

Они еще могут появиться, если за спиной Ичабода скрывается коллега со столь же развитым чувством юмора.

— Мое имя Гаррет, — объявил я. — Мэгги Дженн пригласила меня на ужин.

Престарелое пугало отступило назад. Хотя Ичабод не произнес ни слова, он явно не одобрял решения хозяйки. Он вообще против того, чтобы типы моего класса входили в этот дом. Трудно сказать, что придется извлекать из моих карманов, когда я соберусь уходить. Не исключено также, что я наскребу на себе блох и запущу их в дом на предмет колонизации ковров.

Я оглянулся посмотреть, как чувствует себя хвост. Бедный дурень лез вон из кожи, пытаясь остаться незамеченным.

– Прекрасная дверь, – сказал я, глянув на нее с торца; панель оказалась не уже четырех дюймов. – Ожидаете сборщика налогов, вооруженного тараном?

Обитатели Холма настолько богаты, что у них могут возникнуть сложности подобного рода. Мне же это не грозит – мне никто никогда не одолжит столько денег.

– Идите за мной, – повернувшись, пробурчал Ичабод.

– Надо говорить: «Следуйте за мной, сэр». Я гость, а вы – лакей.

Не знаю почему, но этот тип вызывал у меня ужасную неприязнь. Я даже начал менять свою точку зрения на революцию. Когда я захожу в библиотеку повидаться с Линдой Ли, то иногда заглядываю и в книги. Мне доводилось читать о переворотах. Похоже, что слуги низвергнутых воспринимают все болезненнее, чем их хозяева. Конечно, если у них не хватило ума еще раньше переметнуться на сторону восставших.

– Да, сэр.

– Ага, вот и комментарий. Ведите меня, Ичабод.

– С вашего позволения – Зэк, сэр.

Обращение «сэр» просто сочилось сарказмом.

– Зэк?

Это звучало почти так же скверно, как Ичабод.

– Да, сэр. Так вы идете? Хозяйка не любит, когда ее заставляют ждать.

– Тогда вперед! Тысяча и один бог Танфера обрушат на

нас свой гнев, если мы огорчим ее рыжеволосое величество.

Зэк предпочел не отвечать. Он, видимо, решил, что я чувствую себя не в своей тарелке. Возможно, он был прав. Мне просто стало немного стыдно. Не исключено, что он всего лишь милый старик с оравой внуков. И вынужден трудиться, дабы прокормить неблагодарную банду отпрысков его сыновей, отдавших жизнь в Кантарде за честь Каренты.

Только я ни секунды не верил в подобную чушь.

Интерьер здания разительно отличался от его внешнего облика.

Несмотря на обилие пыли, дом мог быть мечтой портового бродяги, воображающего себя великим монархом. Или собственностью великого монарха со вкусом портового бродяги. Здесь было много как от первого, так и от второго, но... единственное, чего в доме не хватало, так это полчищ вышколенных слуг.

Помещение захлестывали безвкусные валы океана богатства. Роскошь становилась все роскошнее по мере движения к центру дома. словно мы переходили из одной зоны в другую, и в каждой дурной вкус проявлялся все сильнее.

– Ого! Вот это да! – не в силах дольше сдерживаться, воскликнул я.

Передо мной была мастерски выделанная из ноги мамонта подставка для хранения тростей и зонтов.

– У вас здесь, наверное, масса подобных вещей?

Зэк, оглянувшись, уловил мою реакцию на весь этот до-

машинный шик. Его каменная рожа на мгновение смягчилась. Он был согласен со мной. В этот момент мы, кажется, заключили шаткое перемирие.

Не сомневаюсь, оно просуществует не дольше, чем перемирие между Карентой и венагетами. Последнее продержалось целых шесть с половиной часов.

– Иногда нам трудно бывает избавиться от нашего прошлого, сэр.

– Разве Мэгги Дженн когда-нибудь охотилась на мамонтов?

Перемирие рухнуло. Он угрюмо побрел вперед. Скорее всего, потому, что я продемонстрировал полное незнание того, кем в свое время являлась Мэгги Дженн.

Почему все, включая меня самого, полагают, что это должно быть мне известно? Моя легендарная память сегодня работала просто сказочно.

Зэк провел меня в самую безвкусную комнату из всех, что мне доводилось видеть.

– Мадам присоединится к вам здесь.

Я огляделся и, прикрыв ладонью глаза, задумался, не выступала ли когда-то мадам в качестве «мадам». Дом весьма смахивал на современный бордель. Возможно, его декорировали те гомики, которые украшали лучшие заведения Веселого Уголка.

Я обернулся, желая спросить.

Но Ичабод уже оставил меня.

Я готов был заорать, призывая его назад:

– Ох, Зэк! Принеси мне повязку на глаза.

Мне казалось, что я долго не выдержу столь мощного удара по зрительным нервам.

Обстановочка окончательно доконала меня. Я окаменел, словно встретился взглядом с горгоной Медузой. В жизни не приходилось видеть столько красного цвета. Все вокруг было красным, и не просто красным, а кричаще красным, можно сказать, краснющим. Небольшие золотые завитушки на стенах только усиливали общее впечатление.

– Гаррет!

Мэгги Дженн. У меня не было сил обернуться. Я опасался, что она облачена в багряный наряд, а накрашенные губы делают ее похожей на упыря за едой.

– Вы живы, Гаррет?

– Просто ошеломлен. – Я обвел вокруг себя рукой. – Это потрясает.

– Небольшой перебор, правда? Но Тедди это нравилось. Дом – подарок Тедди, и я сохранила все, как было при нем.

Мне все же пришлось обернуться. Нет, на ней не было одежд красного цвета. Она оказалась в наряде деревенской девушки с молочной фермы – одни лишь бежевые и белые кружева. На голове – типичный чепец молочницы. Лицо Мэгги сверкало насмешливой улыбкой, будто хозяйка немного подшучивает надо мной и приглашает повеселиться вместе.

– Наверное, я совсем отупел, – заметил я, – но не улавли-

ваю смысл фразы о Тедди.

Мои слова почему-то смыли улыбку с лица Мэгги, и она спросила:

– Что вам известно обо мне, Гаррет?

– Немного. Ваше имя. То, что вы самая привлекательная женщина из встретившихся мне за последние сто лет. Еще кое-что видное невооруженным глазом. И то, что вы живете в особенном районе. Вот, пожалуй, и все.

Она покачала головой, и рыжие локоны заколыхались в такт движению.

– Скандальная слава нынче, видимо, не в цене. Однако пройдем в другой зал. Здесь можно ослепнуть.

Ужасно мило, когда тебе начинают выдавать непонятные сентенции, – нет необходимости изобретать их самому или придумывать остроумные ответы.

Мы миновали несколько вычурных, но ничем не примечательных комнат и наконец дошли до потрясающего места – бам! Обеденная зала, приготовленная для двоих.

– Словно сказочная ночь на Холме Эльфов, – пробормотал я.

– У меня точно такое же чувство. – (Оказывается, она не утратила слуха.) – Эти помещения иногда наводят ужас. Присаживайтесь.

Я опустился на стул напротив Мэгги, поближе к концу стола. Вокруг него без труда могла бы рассестись пара дюжин гостей, не считая хозяев.

– Это ваше любовное гнездышко?

– Самый маленький из всех моих столовых залов. – Она изобразила на личике подобие улыбки.

– У вас и у Тедди?

– Остается только вздохнуть. Как быстро проходит дурная слава! Кроме членов семьи, никто ничего не помнит. Хотя и этого вполне достаточно. Их злобы хватит на все человечество. Тедди – это Теодорик, принц Камарка. Он стал королем Теодориком Четвертым и сумел продержаться в этом качестве целый год.

– Король? – Наконец-то у меня в башке прояснилось. – Я, кажется, начинаю понимать.

– Вот и хорошо. Значит, мне не придется пускаться в нудные объяснения.

– Мне мало что известно. В то время я служил в морской пехоте. Там, в Кантарде, нас не очень волновали скандалы в королевском семействе.

– Вы не знали, кто король, и вам на него было плевать. Мне уже приходилось слышать это. – Мэгги Дженн послала мне свою самую обворожительную улыбку. – Держу пари, вы и сейчас не следите за придворными скандалами.

– Они не слишком влияют на мое повседневное существование.

– Они не повлияют и на вашу работу для меня. Здесь не важно, много или мало грязи обо мне вам известно.

В зал вошла женщина. Подобно Зэку она была стара как

первородный грех. Крошечная, ростом с ребенка, с очками на носу. Мэгги Дженн явно заботилась о своей прислуге – очки нынче дороги. Старуха молча застыла, скрестив на груди руки.

– Мы приступим, как только вы будете готовы, Лори.

Слегка наклонив голову, старушенция вышла.

– Но все же я вам кое-что расскажу, – продолжила Мэгги, – хотя бы чтобы немного удовлетворить ваше любопытство. Вернее, чтобы вы занялись тем, за что я вам плачу, а не копанием в моем прошлом.

Я буркнул что-то невнятное.

Лори и Зэк доставили суп. Рот сразу заполнился слюной – слишком долго мне пришлось питаться плодами своего собственного кулинарного искусства.

Единственный повод скучать по Дину.

– Я, Гаррет, была любовницей короля.

– Помню.

Наконец-то я действительно вспомнил. Это был скандал что надо. Кронпринц настолько втюрился в простолюдинку, что поселил ее на Холме. Его супруга была отнюдь не в восторге. Старик Тедди не пытался скрывать свою страсть. Он любил, и ему было наплевать, знает об этом весь мир или нет. Весьма неблагоразумное поведение для человека, которому предстояло стать королем. Серьезный недостаток характера для наследника престола.

Так, собственно, и оказалось. Король Теодорик Четвер-

тый проявил себя высокомерным, узколобым и капризным сукиным сыном, позволившим разделаться с собой всего лишь через год правления.

Мы почему-то нетерпимы к королевским слабостям. Точнее, к ним нетерпимы высшая аристократия и члены семьи. Остальным и в голову не пришло бы пойти на убийство. Даже бешеные собаки-революционеры и те не помышляют об истреблении королей.

– А ваша дочь?..

– Ее отец – не Тедди.

Я прикончил суп. Это был куриный бульон с чесноком. Мне он очень понравился. Престарелые слуги унесли опустевшую посуду. Запестрели разнообразные закуски. Я был нем как рыба, и Мэгги приходилось поддерживать разговор.

– Мне доводилось глупо ошибаться, мистер Гаррет. Так и появилась моя дочь.

Прожевав нечто, состоящее из куриной печени, бекона и молотых орехов, я пробормотал:

– Неплохо.

– Мне было шестнадцать. Отец выдал меня замуж за животное, которое желало только девственниц. Его дочери по возрасту годились мне в матери. Мое замужество должно было помочь папочкиному бизнесу. Поскольку мне никто не объяснил, как избежать беременности, я тут же понесла. Мой супруг от ярости бился в припадке. Оказывается, в мою задачу не входило иметь детей, я должна была лишь служить

грелкой для его постели и ублажать мужа, повторяя, какой он могучий мужчина. Когда же я родила дочь, он просто свихнулся. Еще одна дочь. У него не было сыновей. Он считал, что это бабий бунт, что мы сговорились, чтобы погубить его. Мне никогда не хватало смелости заявить, что с ним произойдет, если мы – женщины – действительно воздадим ему по заслугам.

Злобный оскал. На какое-то мгновение из-под улыбающейся маски выглянула другая Мэгги.

Она принялась жевать, предоставив мне время для комментариев. Я лишь кивнул с набитым ртом.

– Старый мерзавец продолжал тем не менее пользоваться мной. Его дочери пожалели меня и научили всему, что мне следовало знать. Они ненавидели своего папочку больше, чем я. Затем моего отца убили грабители, завладев двенадцатью медными монетами и парой старых сапог.

– Очень похоже на Танфер.

– Это и был Танфер, – кивнула она.

– Итак, ваш отец умер...

– У меня не осталось никаких причин и дальше ублажать мужа.

– Вы ушли.

– Не раньше чем, застав его спящим, выбила из него палкой все дерьмо.

– Я принимаю ваш рассказ близко к сердцу.

– Замечательно.

Ее взгляд светился озорством. Я решил, что Мэгги Дженн мне нравится. Прожить такую жизнь и сохранить способность кокетничать...

Это был очень интересный ужин. Я узнал все о возникновении ее отношений с Тедди, но не услышал ни слова о том, как протекали годы между ее разводом и бурной встречей с будущим королем. Мне показалось, что она любила Тедди столь же сильно, как и он ее. Иначе Мэгги не стала бы сохранять в первозданном виде эти отвратительные комнаты.

– Этот дом – тюрьма, – довольно туманно произнесла она.

– В таком случае вам следует навестить мое жилище.

– Я не то имела в виду.

Я набил рот, используя этот старый прием, чтобы заставить ее сказать больше. Метафоры вообще слабо доходят до меня.

– Гаррет, я могу уехать отсюда в любое время. Более того, меня довольно часто побуждают сделать это. Но если я уступлю, то потеряю все. По-настоящему мне здесь ничего не принадлежит. Я лишь временно пользуюсь этим богатством. – Она обвела рукой вокруг себя. – До тех пор, пока сама не оставлю дом.

– Понимаю.

И я действительно понимал. Узница обстоятельств, она вынуждена была здесь оставаться. Незамужняя женщина с ребенком. Ей была знакома бедность, и она знала, что богатой быть гораздо лучше. Бедность – тоже своего рода тюрь-

ма.

– Пожалуй, Мэгги Дженн, вы мне можете понравиться.

Она приподняла одну бровь. Какое милое искусство! Лишь немногие наделены этим природным талантом. Только лучшие люди могут выполнить трюк с бровью.

– Большинство клиентов мне совсем не нравятся, – добавил я.

– Думаю, приятные люди просто не попадают в ситуации, когда им требуется помощь таких, как вы.

– Попадают, но нечасто – что весьма прискорбно.

Развитие событий показывало, что в ходе встречи с Мэгги передо мной могли открыться определенные возможности. Это чувство не оставляло меня с того момента, когда я, отправляясь на ужин, шагнул за дверь своего дома. Я не тот парень, который стремится получить все при первом свидании, но никогда не отказываюсь от подарков судьбы. Что касается сегодняшнего вечера, то я решительно не желал противиться ей.

Ужин подошел к концу. Я не находил себе места, а Мэгги Дженн продолжала виртуозно строить глазки. Такие фокусы могли бы даже епископа заставить позабыть о боге, и самая глубокая преданность идеям воздержания не спасла бы святошу от опасности утонуть в прозрачных озерах ее глаз. Искусство Мэгги было способно увести воображение самого ярого религиозного фундаменталиста в такие дали, из которых невозможно выбраться, не совершив отчаянной глупости.

Я настолько забылся, что даже не замечал, какую шутку начал играть со мной мой драгоценный орган.

За ужином мы мило поддразнивали друг друга, ловко жонглируя словами. В этом Мэгги Дженн не имела себе равных. Она была по-настоящему хороша. Я уже изготовился, схватив боевую трубу, сыграть сигнал «атака!».

Она же молча наблюдала за мной, видимо оценивая, насколько я созрел.

Предприняв героические усилия и сосредоточившись, я прохрипел:

– Скажите мне вот что, Мэгги Дженн. Кто может совать нос в ваши дела?

Она промолчала, лишь подняла бровь, а значит, была изумлена. Она ожидала услышать от меня вовсе не это и сейчас старалась выиграть время.

– Не пытайтесь увести меня в сторону своими уловками, женщина. Вам так просто не увильнуть от ответа.

Она рассмеялась грудным смехом, сознательно подчеркивая свою хрипотцу, – мол, я способна увести тебя так далеко, как мне захочется. Я решил попробовать вернуться в реальность и встать из-за стола, чтобы изучить развешанные по стенам картины. Однако от этой идеи пришлось тут же отказаться. Я обнаружил, что попытка подняться во весь рост причинит мне как физическое, так и моральное неудобство. Откинувшись на стуле, я уставился в расписной потолок с таким видом, словно советовался с танцующими фавнами и парящими херувимами.

– Что вы имеете в виду? Кто вмешивается в мои дела?

Я немного помолчал, раздумывая, стоит ли делиться своими мыслями.

– Прежде всего давайте вернемся немного назад. Кто-нибудь знал, что вы намерены обратиться ко мне?

Естественно, кто-то об этом знал. Иначе Торнада не навестила бы меня. Но мне нужна была оценка самой Мэгги.

– Я не делала из своих планов секретов, если вы подразумеваете это. Я просила совета у многих, решив обратиться к услугам человека вашего сорта.

Хм... Интересно, что это значит – человек моего сорта?

В жизни часто встречается и такое. Возникает недружелюбное отношение к людям, ищущим помощи у профессионала.

– Тогда пойдем дальше. Кого могло обеспокоить, что вы приступаете к поискам дочери?

– Никого.

У нее начали возникать подозрения.

– Хорошо. Будем считать, что это никого не интересует, просто некто хотел поддержать вас в беде.

– Вы пугаете меня, Гаррет.

Она вовсе не выглядела испуганной.

– Может быть, и стоит немного испугаться, – заметил я. – Понимаете, мне было заранее известно о вашем визите.

– Что? – по-настоящему заволновалась Мэгги.

– Как раз перед вашим появлением один мой друг, занимающийся тем же, чем и я, предупредил меня о вашем приходе.

Конечно, сказать, что мы с Торнадой коллеги, – это некоторая натяжка. Торнада готова приняться за любую работу, лишь бы без труда и побыстрее наполнить свой кошелек.

– Он думал, что вы пожелаете, чтобы я замочил кого-то, и поэтому решил предупредить меня.

Улавливаете мой тонкий маневр? Даже дохлый логхир нечасто может принять Торнаду за мужчину.

– Замочить? Я?..

Мэгги прекрасно понимала аргю. Вначале она слегка утратила душевное равновесие, но, похоже, быстро приходила в себя.

– Он не сомневался в этом.

Однако лично я сомневался в том, что она не сомневалась. Большая, любвеобильная, бестолковая, предприимчивая, нетерпимая и ленивая Торнада. Она уверена в том, что если не сможет кого-то умаслить или уговорить, то добьется своего при помощи доброго старомодного пинка под зад. Она остается всего лишь незатейливой деревенской девицей с простыми грубоватыми замашками, и ее следует принимать такой, какая она есть.

Необходимо еще раз поговорить о Мэгги Дженн с Торнадой, если я сумею ее найти. Впрочем, вряд ли это будет трудно. Большая дуреха скоро объявится сама. Возможно, еще до того, как я буду к этому готов.

– На пути к вам за мной следили, – объявил я.

– Что? Кто? Почему?

– Не имею понятия. Я упомянул об этом, чтобы вы знали – ваше дело кого-то не оставляет равнодушным.

Мэгги покачала головкой. Восхитительная головка. Я

вновь начал утрачивать с таким трудом достигнутую собранность. Пришлось сконцентрироваться на описании внешнего вида выслеживавшего меня парня.

Заговорщицки улыбнувшись, Мэгги спросила:

– Гаррет, вы способны думать о чем-нибудь, кроме...

– Сколько угодно.

Сейчас я размышлял, например, не устроить ли соревнование по бегу – проверить, смогу ли я догнать ее.

– Гаррет!

– Не я это начал.

В отличие от многих женщин, она не стала отрицать своей вины.

– Да, но...

– Поставьте себя на мое место. Вы – молодой человек с горячей кровью, оказавшийся наедине с вами.

– Способность к лести заведет вас далеко, Гаррет, – хихикнула она.

Ух! Кое-что в моем организме начало причинять мне физическую боль.

– Вы способны превратить любое дерьмо в конфетку, – закончила Мэгги.

Теперь хихикнул я и поставил себя на свое место, предположив, что она вернется на свое и позволит событиям развиваться предназначенным путем. Но после трудного путешествия на ее сторону стола оказалось, что события не получили дальнейшего развития. Неохотно – как мне показалось –

она выскользнула из моих рук.

– Так не может продолжаться, если вы хотите, чтобы я отыскал вашу дочь, – пробормотал я.

– Действительно. Вы правы. Дело есть дело, и мы не должны позволить природе встать на его пути.

Вообще-то, я был готов разрешить природе поступать, как ей вздумается. Однако вслух произнес:

– Вернемся к сути вопроса... Я вовсе не такой, как вы обо мне думаете. Я работаю по законам логики и на основе фактов. Перед вами, мэм, серьезный профессионал Гаррет. Так не лучше ли будет, если вы начнете сообщать мне факты, вместо того чтобы соблазнять меня призывными взглядами?

– Не надо грубить, Гаррет. Мне так же тяжело, как и вам.

Итак, нам все же удалось добраться до апартаментов, принадлежавших Эмеральд – дочери Мэгги.

– Эмеральд? – удивился я. – А что же случилось с Жюстиной?

Эмеральд. Представляете? Куда подевались милые добрые Патриции и Бетти?

– Я назвала ее Жюстиной. Она себя называет Эмеральд. Девочка сама выбрала кличку, поэтому не смотрите на меня так.

– Как это «так»?

– Да так, будто выливаете на меня ушат помоев. Она предпочла это имя, когда ей было четырнадцать лет. Все стали ее так называть, и теперь я сама иногда зову дочь Эмеральд.

– Ясно. Эмеральд. Она так решила.

Естественно. Теперь ясно, что произошло с Патрициями и Бетти. Они стали обзывать друг дружку Амбер, Бранди и Фанн.

– Со временем она может снова захотеть стать Жюстиной, – продолжил я. – Когда начинается серьезная жизнь, люди возвращаются к своим корням. Не желаете ли вы мне что-либо сообщить, до того как я приступлю к раскопкам в апартаментах?

– Что вы имеете в виду?

– Обнаружу ли я нечто такое, за что вы могли бы пожелать заранее принести извинения?

О чудо из чудес! Она меня поняла.

– Не исключено, что обнаружите. Только я никогда туда не захожу и не знаю, что это могло бы быть, – сказала Мэгги и, как-то странно взглянув на меня, спросила: – Вы настроены на ссору?

– Нет. – Однако я, может быть и бессознательно, не желал, чтобы она заглядывала мне через плечо. – Вернемся к вопросу об имени. Не могли бы вы рассказать мне о том, что вам известно, прежде чем я начну выявлять незнакомые для вас предметы и факты.

Она снова одарила меня тем же взглядом. Боюсь, мой голос действительно звучал слегка раздраженно. Неужели у меня начало развиваться стойкое отвращение к работе? Или я заранее злился, зная, что Мэгги станет лгать и искажать факты, пытаясь подогнать все, что ей известно, под свое видение мира? Клиенты всегда так поступают. Даже когда понимают, что правда так или иначе выплывет на поверхность. Люди. Иногда они меня просто приводят в изумление.

– Имя Жюстина я дала дочери в честь моей бабки.

Я все понял по ее тону. Любой ребенок вышел бы из себя, узнав, что получил имя в честь какого-то старого пердуна, которого никогда не видел и на которого ему абсолютно плевать. Моя мамочка выкинула точно такой же фортель со мной и с моим братом. Я никогда не знал, что наши имена

для нее значили.

– У вас на это были какие-то особые причины?

– Имя Жюстина постоянно присутствовало в семье. Кроме того, бабушка была бы обижена, если...

Обычная картина. Я не вижу в этом никакого смысла. Ребенка приговаривают к пожизненному страданию только из-за того, что кто-то мог обидеться. Три приветственных восточных клича: «Дураки! Дураки! Дураки!» Неужели родители не понимают, кто остается обиженным на долгие, долгие годы?

В апартаменты Эмеральд мы вошли через небольшую гостиную. В комнате стоял письменный стол с масляной лампой, рядом с ним – кресло. В помещении было еще одно кресло, диван, в который убирались постельные принадлежности, и неприметный открытый шкаф с полками. Повсюду царила стерильная чистота, и жилье выглядело даже более спартанским, чем следует из моего описания.

– Она когда-нибудь баловалась наркотиками?

Чуть поколебавшись, Мэгги ответила:

– Нет.

– Почему так неуверенно?

– Пытаюсь решить. Дело в том, что, когда ей было четыре года, ее похитил отец. Затем какие-то друзья убедили его, что ребенку лучше быть с матерью.

– Не мог ли он и сейчас предпринять нечто подобное?

– Скорее всего, нет. Он умер восемь лет назад.

– Да. Пожалуй, не мог.

Как правило, покойнички не борются за право воспитывать своих детей.

– У нее есть приятель?

– У девушки с Холма?

– Именно у девушки с Холма. Так сколько же их у нее?

– Кого?

– Да приятелей. Послушайте. Верьте или нет, но девушке с Холма сбиться с пути проще, чем обычной горожанке.

Я привел примеры из своей практики, включая рассказ о группе девиц с Холма, которые ради удовольствия и новых впечатлений подвизались в Веселом Уголке.

Мэгги Дженн испытала сильное потрясение и, казалось, была не в силах поверить, что ее ребенок может не соответствовать взлелеянному мамочкиным воображением образу. Ей не приходило в голову, что Эмеральд способна разбить сердце родительницы. Она явно отказывалась понимать, почему люди совершают мерзкие поступки, если от этого не зависит их жизнь. Проституция как развлечение не входила в круг ее жизненных представлений.

Кстати, только средний класс не верит в проституцию.

– Вы же выросли не на Холме.

– Я признаю это, Гаррет.

Я подозревал, каким способом моя прелестная Мэгги сводила концы с концами в период между разводом с мужем и появлением кронпринца. Все это можно уточнить без боль-

ших усилий. Но нужно ли мне это знать? Пока, видимо, нет. Быть может, позже, когда ее прошлое начнет сказываться на ходе моей работы.

– Садитесь в кресло и рассказывайте об Эмеральд, пока я буду трудиться.

С этими словами я приступил к поиску.

– Насколько я знаю, – начала Мэгги, – у нее не было постоянного молодого человека. Наш образ жизни не открывает широких возможностей для знакомств. Общество нас не приемлет. Мы сами по себе образуем класс.

И весьма классный класс, надо сказать. Сообщество любовниц вовсе не мало. На этом благословенном Холме считается, что каждый мужчина должен иметь любовницу. Это как бы сертификат его мужской мощи. Если любовниц две – тем лучше.

– Неужели у нее совсем нет друзей?

– Очень мало. Наверное, девочки, с которыми она вместе росла. Может быть, кто-то из соучеников. В ее возрасте очень ревниво относятся к социальному статусу. Сомнительно, чтобы кто-то здесь позволил ей приблизиться к себе.

– Как она выглядит?

– Похожа на меня за вычетом двадцатилетнего износа. И уберите с вашей будки эту идиотскую ухмылку.

– Я просто подумал, что если сбросить двадцать лет, то мне, видимо, придется искать существо, только что вышедшее из пеленок.

– Вот и не забывайте о пеленках. Я хочу, чтобы мою девочку нашли, а не...

– Хорошо. Хорошо. Хорошо... Между вами был напряг,

перед тем как она исчезла?

– Что?

– Вы не поссорились? Она не топала, визжа, что и через десять тысяч лет ее ноги не будет в этом доме?

– Нет, – со смешком ответила Мэгги. – Это я закатывала подобные сцены своей мамочке. Возможно, поэтому она и не пискнула, когда отец продал меня. Нет. Эмеральд не такая. Мой ребенок вовсе не похож на меня, Гаррет. Ее никогда ничего не волновало настолько, чтобы из-за этого затеять ссору. Поверьте, я отнюдь не привередливая и занудная мать. Эмеральд была вполне счастлива и довольна своей жизнью. Она напоминает мне щепку, плывущую по течению реки.

– Может быть, что-то во всей этой суете ускользнуло от моего внимания? Или я вдруг начал придумывать события, которые вовсе не имели места? Но я готов поклясться, вы говорили о том, что ваша дочь оказалась в скверной компании.

Мэгги хихикнула. Мэгги фыркнула. Мэгги ощутила неловкость. Все это было проделано очень мило. Я прикинул, как это могло выглядеть во времена Теодорика, и передо мной распахнулись необозримые горизонты.

Покончив с мимическим представлением, она сказала:

– Здесь я немного нафантазировала. Я слышала, что у вас были какие-то отношения с Сестрами Рока, и решила, что вы станете податливее, узнав еще об одной девице в беде.

Сестры Рока – уличная банда, состоящая только из девчонок. Над каждой из них, до их бегства на улицу, было совер-

шено надругательство.

– Отношения были только с одной из Сестер, которая, кстати, ушла с улицы.

– Простите. Я, кажется, переступила границы дозволенного.

– Границы чего?

– Совершенно ясно, что я задела ваши нежные чувства.

– Ну конечно. Майя была очень славная девочка. Я потерял ее, так как относился к ней недостаточно серьезно. Я утратил друга, потому что не прислушивался к нему.

– Прошу прощения. Одним словом, мне хотелось зацепить вас понадежнее.

– Итак, Эмеральд ни с кем регулярно не встречается.

Возврат к делам должен был отвлечь меня от грустных воспоминаний. Не скажу, что Майя была моей великой любовью, но все же она значила для меня немало. Она нравилась даже Дину и Покойнику. Мы с ней не расстались, просто она перестала появляться у меня, а наши общие друзья дали мне понять, что она не вернется, пока я не повзрослею. Согласитесь, это большой удар по самолюбию, особенно если учесть, что речь идет о восемнадцатилетней девчонке.

Письменный стол Эмеральд имел множество небольших отделений и несколько выдвижных ящиков. За время разговора я их осмотрел. Ничего особенного. Большая часть вообще пустовала.

– У нее есть друзья. Но она с трудом сходится с людьми.

Вот это совсем другое дело. Я подозревал, что проблемы Эмеральд не имеют ничего общего с ее общественным положением. Похоже, она просто потерялась в тени своей мамочки.

– При помощи друзей я смогу напасть на ее след.

– Ну конечно, – кивнула Мэгги.

Со стуком задвинув ящик стола, я отвернулся от этой женщины. Следует сосредоточиться на работе. Передо мной – ведьма. Тайком покосившись на нее, я подумал: а хочется ли мне в действительности заниматься поисками той, кто, по-видимому, вовсе не желает быть найденной?

Ага! Здесь что-то есть. Серебряный кулон.

– Что это? – задал я чисто риторический вопрос.

Я прекрасно знал, что держу в руках. Это был амулет в форме серебряной пентаграммы на темном фоне. В центре звезды изображена козлиная голова. По-настоящему следовало бы спросить, что эта штука делала там, где я ее обнаружил.

Мэгги взяла у меня амулет и внимательно его изучила. Я следил за ее реакцией. Никакой реакции не последовало. Она просто сказала:

– Интересно, откуда это взялось?

– Эмеральд интересовалась оккультизмом?

– Насколько мне известно – нет. Но что мы знаем о своих детях?

Нечленораздельно буркнув, я продолжил поиски. Мэгги,

как сорока из сказки, беспрерывно верещала, в основном о своей дочери. Я слушал ее вполуха.

В столе я больше ничего не обнаружил и перешел к полкам. Несколько книг демонстрировали, какое богатство Мэгги Дженн могла потерять. Переписка книги занимает массу времени, и она самый дорогой подарок, какой вы можете сделать вашему ребенку.

Я хмыкнул, взяв в руки третью книгу. Небольшой по формату, переплетенный в кожу и весьма сильно потертый томик. Лицевая сторона переплета была украшена козлиной башкой, тисненной серебром. Текст просматривался с большим трудом. Книга была очень старой.

Я обратил внимание, что текст отнюдь не на современном карентийском.

Эти дурацкие сочинения никогда не пишут на нормальном языке. Никто не воспримет их всерьез, если любой и каждый способен расшифровать тайны тысячелетий.

– Взгляните-ка, – бросил я Мэгги книгу.

Продолжая поиски, я время от времени посматривал на мою рыжеволосую работодателя.

– Все любопытнее и любопытнее, Гаррет. Моя дочь полна сюрпризов.

– Да.

Возможно. Весь мой визит был полон сюрпризов. И одним из них был длиннющий палец, настойчиво указывающий в сторону колдовства демонического толка.

Спальня и ванная выдали еще несколько связанных с оккультизмом предметов.

Значительно позже я спросил:

– Эмеральд была поборником чистоты?

Насколько я знаю, молодые люди редко отличаются чрезмерной аккуратностью.

– Не больше, чем другие. Почему вы спрашиваете?

Я ничего не ответил, войдя в роль следователя. Мы – перwokлассные сыщики – никогда не отвечаем на вопросы, связанные с нашими вопросами, особенно если они задаются работодателями, полицейскими или любыми людьми, которые могли бы помочь нам разобраться в ситуации. Однако жилье Эмеральд было слишком чистым. Можно сказать, ненормально чистым. Весьма любопытно. Не исключено, что здесь никто не жил и я участвую в спектакле. Я не мог избавиться от ощущения, что мне специально подбрасывают улики, ведущие в определенном направлении.

Прекрасно, сказал я себе. Займемся дедукцией. Улики есть улики и на что-то указывают, даже если они искусственные или фиктивные.

Я ни в чем не был уверен до конца. Единственное, что привлекало внимание, – отсутствие всякой реакции у Мэгги на признаки колдовства. Моя новая работодательница не выразила ни удивления, ни отвращения, ни тревоги.

Быть может, я подступаю к делу не с того конца?

Легкое постукивание по плечу, сопровождаемое словами:

– Здесь кто-нибудь есть?

– А?

– Вы вдруг замерли и куда-то уплыли.

– Случается, когда я одновременно думаю и что-то делаю.

Она подняла бровь. Я ответил ей тем же.

– Для начала у меня достаточно материала. Вы дадите мне список имен, когда мы решим финансовые вопросы.

Все шло как по маслу, пока я не потребовал уплаты половины гонорара вперед.

– Это незыблемое правило, Мэгги. На случай слабости человеческой натуры. Слишком много народу пыталось наколоть меня, получив желаемое.

Но это была не единственная причина.

Известно: чем слабее клиент торгуется, тем в более отчаянном положении он находится.

Моя славная Мэгги Дженн билась как львица. Наконец она сдалась:

– Я подошлю к вам Магвампа со списком как можно скорее.

Это привело меня в тихий восторг. Мне очень хотелось снова увидеть Магвампа. Может быть, вместо чаевых удастся подсунуть ему говорящего попугая.

Я остановился в тени дома немного подумать.

Как и вы, я не испытываю восторга, когда из меня делают мартышку. Но все почему-то постоянно пытаются поступить со мной именно так. В моем бизнесе это своего рода профессиональный риск. Я к этому привык. Более того, постоянно ожидаю. Но лично мне это совершенно не нравится.

Похоже, заварилась какая-то каша. Мною явно пытаются манипулировать. Не могу понять одного – как моя новая любовь Мэгги может верить, что я куплюсь на такую дешевку. Или она разбирается в жизни меньше, чем я мог предполагать?

Впрочем, от встречи с работодательницей я получил удовольствие. Побольше бы таких клиентов.

Теперь оставалось заняться тем, чем она не желала, чтобы я занимался: покопаться в прошлом и настоящем Мэгги Дженн. Исключительно в целях собственной безопасности. В нашем деле неизвестная угроза может прикончить вас столь же успешно и быстро, как и та, о которой вы знаете. Вот выясню, на каком я свете, тогда, возможно, смогу заняться и поисками Эмеральд.

Я взглянул на небо. Стемнело, но час еще был не поздний. Оставалось время кое-кого повидать и сделать первые шаги по пути дальнейшего просвещения. Но сначала доставлю

домой полученный от Мэгги Дженн задаток. Только идиоты таскаются по городу с таким грузом дольше, чем необходимо. Танфер кишит злодеями, которые с расстояния сотен ярдов могут с точностью до последнего медяка подсчитать содержимое ваших карманов.

Предложенные Мэгги Дженн объяснения сегодняшних событий казались весьма убедительными. Но визит Торнады все же продолжал меня занимать. Я потряс головой, однако туман, окутавший происходящее, не рассеивался. Он никогда до конца не рассеивается. Такова уж моя служба.

Я поискал глазами хвост. Он исчез бесследно. Наверное, парень притомился и отправился домой. Или крутые ребята из охраны Холма прошептали ему на ушко милый пустячок вроде: «Убирайся отсюда, и побыстрее, если не хочешь уползти медленно со сломанными конечностями». А может, он должен был всего лишь выяснить, куда я направлялся.

Я двинулся в путь. Толку от таких размышлений немного, стоит поберечь мозги.

Как хорошо, что я не забываю поддерживать физическую форму. У меня хватило дыхалки опередить на шаг банду охранников и избежать неприятных объяснений. Этим горлохватам совершенно плевать, что я прибыл сюда на вполне законных основаниях. Наверняка охрану вызвал Ичабод в пустой надежде, что эти типы способны усовершенствовать мой характер.

Я шел зигзагами, возвращался назад, использовал все из-

вестные мне приемы и, не обнаружив наблюдения, отправился домой.

Пристроив на место задаток и нацедив пива из бочонка, я уселся поболтать немного с Элеонорой. Похоже, ее волновало мое состояние духа.

– Да, – признался я, – я становлюсь весьма податливым, когда речь заходит о деньгах.

Приходилось говорить шепотом, чтобы не разбудить Попку-Дурака. Я даже прокрался на цыпочках в его комнату и насыпал в кормушку семян.

Вспоминай я почаще о том, что его надо кормить, возможно, мой авторитет в его глазах несколько возрос бы. Может быть.

– Ну и что с того? – продолжил я беседу. – Если это нехорошие люди, так они заслуживают, чтобы я выкачал из них бабки. – (Элеонора постоянно учила меня, что происхождение денег не имеет значения.) – Если же они окажутся порядочными, то получают полностью все, за что заплатили.

Более или менее. Иногда клиенты получают совсем не то, на что надеются. В результате одного такого дела Элеонора и поселилась под крышей моего дома.

Я не сразу перерос детское представление, что клиент за свои деньги должен получить именно то, что желает. Наверное, я старею и в силу этого пытаюсь выдавать клиентам только такие результаты, которых они, по моему мнению, заслуживают.

Итог, как вы понимаете, получается довольно неоднозначным. Но даже и при таком отношении мне поступает больше предложений, чем хотелось бы. Конечно, часть потенциальных нанимателей теперь старается избегать меня – особенно те, кто грабит людей не с помощью клинка, а посредством бумаги. Всякие пройдохи-адвокаты и другие крючкотворы. Многих из этого племени мне довелось привести в жалкое состояние.

По правде говоря, я усердно бегу от работы. Считаю, что никому не следует трудиться больше, чем он желает. Поймите меня правильно, я, естественно, не против иметь гарем и замок о пятидесяти комнатах. Но заработай на это один раз – и дальше придется вкалывать на их содержание. А я знаю, что ни замок, ни гарем не принесут мне в этом случае никакого удовольствия.

Прикончив несколько кружек пива и разработав общую схему действий, я заявил, обращаясь к Элеоноре:

– Отправляюсь-ка я в «Домик радости» Морли и поболтаю там с парнями.

В ответ она только ухмыльнулась.

– Но мне же надо послушать, что толкуют на улицах о Мэгги Дженн.

Элеонора не верила ни одному моему слову.

Да, пора подумать о том, чтобы сменить подружку.

Сам Морли Дотс никогда не меняется, чего нельзя сказать об окрестностях его жилища. Когда-то давным-давно это было одно из самых ужасающих мест в городе. Стоило вам потерять бдительность, и вас там вполне могли пришить за сумму, на которую не купишь и тарелки супа. Но Морли недолюбливал ссоры и иногда даже выступал арбитром в разборках уголовного мира. Так район, в котором он обитал, обрел некоторую респектабельность, и его даже начали именовать Нейтральной Зоной, а кое-кто – и зоной безопасности. Те, кто живет и работает в подполье, встречаются и договариваются здесь без боязни нарваться на неприятности, неизбежно поджидающие их в других районах Танфера.

Каждому городу необходимо спокойное место, где без помех можно вести дела.

– Ооо-уоо! – прокричал какой-то тип, вылетая из дверей заведения Морли, как раз когда я к ним подходил.

Я успел увернуться. Парень приземлился где-то посередине улицы. Бедняга попытался бежать, и у него это вполне прилично получалось, пока он не наткнулся на поилку для лошадей и не рухнул в нее. Из каменной ванны взвился зеленый фонтан зацветшей воды.

Второй человек, вылетевший из дверей, походил на морскую звезду. Он вращался в воздухе, широко раскинув ноги

и руки. Это оказался один из головорезов-официантов, работающих у Морли. Что-то у них перепуталось, ведь все официанты Морли по совместительству вышибалы, и, как правило, не им приходится ездить рожам по каменной мостовой. Официант с воем заскользил по булыжникам, подскакивая, как брошенный по воде камень, и врезался в парня, пытавшегося не захлебнуться в лошадиной поилке. Если хотите знать мое мнение, то сооружение этих корыт на улицах города является серьезнейшей ошибкой. Эти поилки примаанивают лошадей, а в Танфере и без них хватает чудовищ.

Опустившись на четвереньки, я подобрался к дверям и, осторожно заглянув, открыл истинную причину столпотворения.

Черный мужчина со сложением бегемота, фута на три выше меня ростом (он пригибался, чтобы не проломить потолок), развлекался тем, что очищал помещение. Парень рычал и ревел, разбрасывая посетителей и мебель. Тем, кто по чистой случайности вылетел за дверь, повезло. Они выбыли из игры. Тех же, кто пытался скрыться самостоятельно, верзила хватал за воротник и тянул назад – поразвлечься.

Пол у стен был усеян жертвами. Глаза великана ярко сверкали. Никто из простых смертных не мог утихомирить его. Некоторые, весьма искушенные в битвах, видимо, уже попытались и нашли себе место среди павших.

Я знал берсерка. Плеймет. Один из моих старинных друзей – кузнец и содержатель конюшен, религиозный человек,

самый милый из всех обитающих на земле людей. Он сворачивает с дороги, дабы ненароком не раздавить букашку. Я видел, как однажды он рыдал над трупом собачонки, раздавленной экипажем. Как и каждый из нас, он отслужил свое в Кантарде, но я уверен, что и там он избегал насилия в отношении кого бы то ни было.

Я подумал было уговорить его успокоиться и тут же оставил эту затею. Мы были хорошими друзьями, но несколько хороших друзей Плеймета, как я смог заметить, уже валялись среди павших.

За пять лет службы в Королевской морской пехоте я очень хорошо понял, что значит быть героем.

Я не мог представить, что же так вывело Плеймета из себя. Морли Дотс был, как всегда, элегантен, но, не как всегда, возбужден. Слегка темнокожий и очень красивый, он, на мой вкус, был одет чересчур щегольски. Все наряды на нем постоянно сидят как влитые, мои же через десять минут нѳски выглядят так, словно я в них спал.

Морли впал в такое отчаяние, что уже начал заламывать руки.

Думаю, и мне пришлось бы не по вкусу, если бы кто-то вдруг начал разорять мой дом. Вообще-то, «Домик радости» служит лишь крышей (Морли – профессиональный убийца и костолом), но тем не менее заведение процветает.

Кто-то невысокий и тощий вдруг вынырнул из толпы и прыгнул на спину Плеймета. Гигант взревел и закружился

на месте, но всадника ему сбросить не удалось. На его спине сидел Стручок – племянник Морли, которого мамаша спланировала брату, не в силах совладать с сынком.

Сначала Стручок стремился просто удержаться. Справившись с этим, он освободил одну руку и запустил ее себе за пояс. Плеймет кружился не переставая. Постепенно он начал понимать, что простое кружение, пусть даже сопровождаемое ревом и воем, не избавит его от нежелательного седока.

Он остановился, определил нужное направление по видимым ему одному звездам и решил двинуться спиной вперед к стене, чтобы размазать по ней Стручка.

У мальчишки, однако, имелись свои планы. Он решил стать героем в глазах родного дяди.

Мальчонка не был глупцом, он просто страдал от собственной эльфам самоуверенности.

Его рука вынырнула из-за пояса. В кулаке оказался зажат черный матерчатый мешок – набросить Плеймету на башку. Кое-кому эта идея не пришлась по вкусу.

Надо сказать, что мешок являл собой знак высокого уважения, которым пользовался здесь Плеймет. Парень вознамерился уничтожить мир, и никто не пытался его остановить, просто-напросто убив. Все в заведении желали только одного – поставить берсерка под контроль. Гарантирую, что такое отношение весьма нетипично для Танфера, где ничто не ценится так дешево, как жизнь.

Морли вступил в дело, как только понял, чего хочет пар-

нишка. Он не бежал и даже, казалось, не очень торопился, но тем не менее каким-то непостижимым образом оказался на месте в тот самый момент, когда Стручок натянул мешок, и через мгновение после того, как Плеймет начал пятиться к ближайшей стене. Морли подставил ногу к пятке гиганта.

Бум!!!

Плеймет неуклюже рухнул на пол. Стручок спрыгнул вовремя, избежав участи бутерброда. Везунчик. Вместо того чтобы превратиться в лепешку и затем собирать раздробленные кости, он вышел из заварушки целым и невредимым.

Иная участь ожидала Плеймета. Мой приятель хотел подняться, но Морли обрушил на него град ударов, таких частых, что мелькающих рук почти не было видно. Плеймету это явно не понравилось. Он, видимо, решил, что настало время снять мешок и взглянуть, кто доставляет ему такие неприятности. Морли начал еще стремительнее обрабатывать великана, в основном те части тела, удары по которым лишают обычного человека способности двигаться.

И вот наступил миг, когда Плеймет, погребенный под десятком тел, наконец прекратил борьбу.

Морли, тяжело дыша, взирал на Плеймета сверху вниз.

Я вошел в помещение, расплывшись в улыбке:

– Поздравляю. Вы все-таки уложили его.

Морли посмотрел на меня остекленевшими глазами. На какой-то миг он меня не узнал. А узнав, взвыл:

– Боже мой! Ты. После всего тебя здесь только и не хватало!

Я оглянулся посмотреть, кто посмел вызвать такое расстройство чувств у моего лучшего друга. Сейчас я ему покажу! Но парень оказался слишком быстр. Кроме меня, в дверях никого не было.

Я изобразил на физиономии обиду. Мне частенько приходится забегать по делу в заведение Морли, и его служащие постоянно изводят меня. Естественно, я не даю им спуска.

Облюбовав столик и выбрав стул, я расположился поудобнее и, рассмотрев как следует Плеймета, спросил:

– Что случилось? Чтобы этот парень обидел муху, его надо до ушей накачать наркотиками.

Морли сделал несколько глубоких вдохов, успокоился, придвинул стул и присоединился ко мне.

– Превосходный вопрос, Гаррет.

Плеймет не двигался. Рев, исходивший из-под горы тел, подозрительно напоминал храп.

Морли Дотс невысок по меркам взрослого человека. Но он не совсем человек. Его предками были темные эльфы. Кроме того, он никогда не позволял ничему человеческому в нем вставать на его пути.

Быть может, во всем виновата кровь гибрида, текущая в жилах Морли. Он соткан из контрастов. Его профессия противостоит его хобби. Заведение с вегетарианским меню стало притоном для половины отъявленных уголовников Танфера. Еще контраст: одна половина его клиентов – отпетые бандиты, другая – клоуны, желающие питаться только здоровой едой и с наслаждением поглощающие растительную массу неизвестного происхождения.

– Мальчишка повел себя прекрасно, – заметил Морли, бросив взгляд на Стручка.

Настоящее его имя – Нарциссио. Но так его называла только мамочка.

– Очень хорошо, – согласился я. – Типичный пример, когда храбрости больше, чем мозгов.

– Что ж, здесь он следует семейным традициям.

– Итак, что случилось?

Морли, мгновенно раскалившись добела, проорал:

– Эй, Яйцеголовый! Немедленно яви передо мной свою дурацкую жопу!

Я сильно изумился. От Морли очень редко можно услышать вульгарность. Он считает себя всего лишь эдаким шалуном-джентльменом. Эти шалуны-джентльмены скользкие,

будто смазаны свиным салом. Но злодей остается злодеем, и Морли один из худших, потому что ему постоянно удается выйти сухим из воды. Мне следовало бы прихватить его, и я не делаю этого только потому, что он мой друг.

Из кухни возникло существо разбойного вида. Оно было облачено в белый поварской наряд, но его послужной список был начертан шрамами на роже. Он был стар и казался тупым как пень. Так вот что случается с крутыми парнями, если они доживают до старости. Все ясно. Они становятся поварами или официантами. Но, честно говоря, я не представлял себе, как этот тип ухитрился дожить до преклонных лет и появиться здесь. Для такого, как он, пережить день – уже большое везение.

Может быть, боги любят ущербных?

Морли поманил его к себе.

Яйцеголовый неохотно двинулся к нам, бросая короткие взгляды в сторону Плеймета, который открывался взгляду по мере того, как люди вылезали из куча-мала и отправлялись собирать кости своих товарищей.

– Ничего себе заваруха! – начал Морли.

– Ага, босс, заваруха что надо.

– Как ты думаешь, почему я не могу избавиться от мысли, что это целиком твоя вина? Не потрудишься ли объяснить, почему передо мной сразу возникло твое лицо, как только мой друг поинтересовался, что здесь случилось?

Неужели сегодня действительно день чудес? Дотс никогда

раньше не называл меня своим другом.

– Наверное, потому, босс, что вы знаете о моей любви к хохмам, – пробормотал Яйцеголовый.

– Значит, это одна из твоих шуточек, – нахмурился Морли.

Плеймет спал, как дитя, но он мог проснуться в любой момент и начать крушить все заново.

– Значит, это было большое ха-ха? – продолжал Морли допрос суровым тоном и так громко, что его наверняка было слышно на улице.

Он был сердит. Яйцеголовый пришел в ужас.

– Так что же ты сотворил? – прогремел Морли.

– Подкинул ангельской травки в его салат? – Яйцеголовый задал вопрос, как уличенный во лжи ребенок, изыскивающий новую тактику спасения.

– И много?

Превосходный вопрос. Ангельская трава получила свое название не потому, что отправляет ваши фантазии в рай. Просто если вы не будете соблюдать осторожность при ее потреблении, то сами отправитесь в лучший мир. Добавить ее в салат – превосходный способ избавиться от любого, поскольку трава похожа на шпинат, только чуть-чуть голубоватого оттенка.

– Полдюжины листочков. – Яйцеголовый хотел отвести взгляд в сторону, но был не в силах оторвать глаз от Морли.

– Полдюжины? Достаточно, чтобы убить практически лю-

бого.

– Он ведь не совсем человек, босс. Словно гора. Я думал, что...

– Вот в этом-то и вся суть, – заговорил Морли тихо, почти нежно (это значит, что он готов к убийству), и Яйцеголового начала бить дрожь. – Я же предупреждал тебя, когда начинал, что ты не должен думать. Твое дело – резать овощи. Убирайся!

– Послушайте, босс. Я мог бы...

– Тебя больше здесь нет, Яйцеголовый. Вон дверь. Ты предпочитаешь выйти самостоятельно или желаешь, чтобы тебя вынесли? Решай побыстрее.

Яйцеголовый глотнул воздух широко открытым ртом и направился к выходу, с трудом выдавив:

– О... Конечно.

– Он уносит на себе поварское обмундирование, – заметил я.

– Пусть. Я не хочу устраивать сцен по мелочам.

Пришлось прибегнуть к фокусу с бровью.

– Ненавижу увольнять людей, Гаррет.

Не опуская брови, я округлил глаза: и это говорит самый опасный наемный нож в городе? За кого он меня принимает?

– Я вынужден сделать это, – продолжал он нести околесицу, – заботясь о процветании своего бизнеса. К тому же я задолжал ему жалованье за восемь дней.

Прежде чем я успел прокомментировать его слова, Морли

спросил:

– Что на этот раз привело тебя ко мне, Гаррет?

– А как насчет тарелочки той штуки из неочищенного риса с черными грибами, зародышами гороха и другой чепухой?

Я бросил на стол деньги.

Пришла его очередь с интересом взглянуть на меня округлившимися глазами. Он собрал монеты и изучил их, как будто опасаясь фальшивки.

– Ты будешь питаться? Здесь? И готов за это платить? – С этими словами он прикусил монету клыками – классический прием проверки полноценности металла.

– Я ни за что не опущусь до того, что стану претендовать на привилегии, ссылаясь на нашу дружбу. Настало время чудес. Ты обратил меня в свою веру, и я возродился к новой жизни. С этого момента не стану вкушать ничего, кроме болотного тростника и коры хинных деревьев, посыпанных гравием.

Морли носком ботинка пошевелил руку Плеймета.

– Жив, но я не могу объяснить почему, – сказал он, вернувшись к тому месту, где я жадно поглощал черные грибы; правда, чеснока в рисе было гораздо больше, чем грибов. – Пытаешься отпугнуть вонюю девиц?

– Для этого мне не нужен чеснок. У меня природный талант.

Он не был в настроении почесать язык. Наверное, и мне не слишком захотелось бы поболтать, если бы мое жилье вдруг приобрело такой же вид, как его заведение.

– Итак, во что ты снова влип, Гаррет? Что тебе от меня надо?

– Я занят обнаружением пропавшего человека.

Обожаю слово «обнаружение». Я рассказал Морли все, опуская лишь те моменты, о которых подлинный джентльмен не должен упоминать, и закончил словами:

– Мне хочется услышать, что тебе известно о Мэгги Дженн. Похоже, она ведет со мной какую-то игру.

– Каждый с каждым ведет свою игру. Не думаю, что ты встречался с подлинной Мэгги Дженн.

– А?.. Как?..

– Обожаю глубокомысленные замечания. Думаю, на тебя пал выбор только по причине твоего неведения.

– Благодарю. Может, теперь ты зажжешь факел и, раздув пламя, рассеешь окружающую меня тьму?

– Нет. Пожалуй, я не совсем прав. Никто не может быть вовлечен в дело, затрагивающее интересы королевского семейства без... впрочем, с другой стороны...

– Прекрасно. Но я-то этого не знаю. Именно поэтому я здесь.

– Нельзя полностью исключить, что ты провел вторую половину дня с любовницей короля, но я считаю это маловероятным. После того как ее Тедди откинул копыта, Мэгги Дженн удалилась в добровольное изгнание на остров Пэз. Может, у Мэгги и была дочь, но я о ней ничего не слышал. Правда, ребенок такая штука, о которой все предпочитают помалкивать. С другой стороны, домик на Холме вполне смахивает на подарок, преподнесенный Теодориком своей девке. Любопытно.

Любопытно? Слишком мягко сказано.

– Я, Морли, в полной растерянности. Не вижу в деле никакого смысла.

– Только потому, что у тебя нет ключа.

– У меня нет ключа, замка и самих треклятых дверей. Со мной ведут игру? Прекрасно. Я принимаю ее. Такое случается постоянно. Но женщина заплатила за то, чтобы я обнаружил ее дочь.

– Заплатила? И хорошо?

Я так и не понял, улыбнулся он или просто криво ухмыль-

нулся.

– Ну, скажем так – прилично. Достаточно, чтобы ожидать от меня какого-то результата. Даже на вершине Холма деньгами просто так не швыряются.

– Тонкое наблюдение.

– Если бы Мэгги Дженн вернулась, – продолжал я, – что бы она стала делать?

– Ну, во-первых, у нее нет никакого резона возвращаться. Там она живет не хуже королевы. Здесь же у нее не будет ничего, кроме забот и неприятностей.

Бросив взгляд на Плеймета, Морли заметил:

– Жаль, что ты не появился раньше. Этот тип постоянно следит за событиями в королевском семействе.

– Всю неделю он будет способен только выть от головной боли.

– А ты торопишься?

Я немного пораскинул мозгами:

– Вообще-то, не очень. Непосредственной опасности для себя я не вижу. Любопытно решить головоломку. Мэгги тоже, похоже, не шибко торопится, хотя и говорит, что беспокоится.

– Ты принял ее рассказ за чистую монету?

Я никогда полностью не покупаюсь на рассказы клиентов. Какие-то неизвестные мне законы природы заставляют их наполовину врать.

– Возможно. Во всяком случае, частично. Но создается

впечатление, что даже и правдивая часть используется для иной цели.

– Я пошевелю щупальцами, чтобы прозондировать почву. А ты тем временем загони в угол Торнаду.

– Угу, я намеревался сделать это. – Честно сказать, я не питал больших надежд, что из нее удастся что-нибудь выжать. – Хотя идея не шибко аппетитная.

– Да, девица тот еще фрукт, – хохотнул Морли. – С ней можно совладать: представь дело так, будто мысль поделиться сведениями родилась в ее головке.

– Хитроумно. Но как?

– С большим трудом.

– Подобный совет я мог бы получить от своего попугая, сэкономив на этом рыбьем корме.

– Судя по твоему лепету, Дина нет в городе, а Покойник дрыхнет. Ты соскучился по общению. Я всего лишь хотел, чтобы ты чувствовал себя как дома. Вот что бывает, когда пытаешься поступать по-дружески!

На его роже расплылась дьявольская улыбка темного эльфа.

– Если хочешь быть настоящим другом, разузнай все о Мэгги Дженн, – сказал я.

– Ладно, так и быть, постараюсь, – произнес он серьезно, уже без улыбки.

Морли сделает все, что в его силах, так как считает себя в долгу передо мной. Я с ним в этом согласен и действую как

ростовщик-акула.

– Мысль о постели становится мне все роднее, – сказал я. – Денек сегодня выдался нелегкий.

В ответ он буркнул что-то невразумительное. К нашему столу подошел его племянник. Не поняв намеков, что ему следует убрать от нас подальше свои большие уши, он придвинул стул и уселся верхом. Вокруг нас, негромко жалуясь на ушибы и вывихи, двигались служащие Морли. Они пытались привести помещение в относительный порядок.

– Как поживает мистер Большая Шишка? – поинтересовался Стручок.

Я выругался.

Как-то Морли, пребывая в настроении Яйцеголового, прислал мне попугая. Вообще-то, это не в его характере, и я подозреваю, что аферу разработали другие лица. Птицу передали мне с заверениями, что она люто ненавидит кошек и натаскана бросаться на них сверху. Я принял подарок, поскольку у Дина развилась дурацкая страсть коллекционировать потерявшихся кошек.

Стручок с укоризной взглянул на меня. Он единственный в мире находит прелесть в этом сквернословие, в этом цыплаке из джунглей. Парень любит птичку. Покойник, правда, тоже использует Попку-Дурака. Куда бы я ни направлялся, он способен послать вслед за мной это горластое пернатое существо.

Я пытался отдать чудовище в любые руки. Желающих не

находилось. Я предоставлял ему возможность улететь. Он не возжаждал свободы. Я был готов предпринять самые героические меры – лишь бы избавиться от птицы.

– Стручок, если ты так беспокоишься о попугае, то почему бы тебе не забрать его совсем? Ему так нужен дом, где бы его все ценили.

– Нет, он не возьмет, – осклабился Морли. – Это твоя птица, Гаррет.

Я приуныл. В этой битве победа осталась не за мной.

Дотс вновь обнажил в оскале все свои остроконечные зубы.

– Мне приходилось слышать, что некоторые попугаи живут добрую сотню лет.

– Некоторым, быть может, это и удастся. Но только на воле.

Наверное, можно отдать мистера Большую Шишку в качестве гуманитарной помощи голодающим крысякам, подумал я, но вслух произнес:

– Ну, я пошел, дружище.

Морли захохотал мне вслед.

На улице оказалось хоть глаз выколи. Плохо.

Скверно и то, что я не заметил их приближения. У меня не было возможности подготовиться.

Тем не менее я дал бой. Мне удалось серьезно повредить несколько черепов тяжелой дубинкой, которую я всегда ношу с собой, отправляясь в город. Я даже забросил одного парня в единственную на всей улице стеклянную витрину. Но смыться я не сумел. Мне так и не представилось возможности использовать те козыри, которые я обычно прячу в рукаве.

Кто-то сбоку опустил мне на голову дом. Думаю, что это был дом. Должен был быть дом, потому что ничем другим такой удар нанести невозможно. Я отпал, продолжая размышлять кто и почему.

Обычно, схлопотав по крыше, я прихожу в себя очень медленно. На сей раз все было иначе. Минуту назад я пребывал в стране грез и вот уже дергаюсь вниз лицом, завернутый во что-то мокрое, и в нескольких дюймах от моего носа уплывает назад пол. Меня несли четверо парней. Неизвестно откуда на пол падали красные капли, хотя я хорошо помнил, что вина не пил. Голова разламывалась так, как никогда с первого дня творения.

Пара милых женских ножек вышагивала почти рядом с моим лицом, так что при желании я мог укунить любую из них. При иных обстоятельствах я мог бы полнее оценить эти стройные конечности и посвятить часы их изучению. Но каждый, увы, вынужден исходить из существующих реалий и смотреть на мир в должной перспективе.

Дела мои обстояли не блестяще. Положение, в котором я оказался, было не совсем обычным. Я постарался забыть о боли и немного подумать.

Ага! Оказывается, меня завернули в мокрое одеяло. Это открытие не сделало меня счастливее. Мне вовсе не хотелось быть шутком на чьем-то празднике. Я ревел, выл, извивался, дергался и сучил ногами. Но это ни на кого не произвело ни малейшего впечатления. Я исхитрился увидеть, что находится выше этих роскошных ножек. Все до самого верха было не менее роскошным. Я даже мог полюбить ее. Но не сейчас и не здесь, а, возможно, у жаркого камина, на медвежьей шкуре, с бутылкой «Танферского золотого»...

Зато как выглядели носильщики, мне совсем не понравилось. Совсем не та шпана, с которой мы плясали в темноте. Те были стандартной дешевкой, готовой на все ради выпивки. На этих же клоунах напялена грязная, потертая униформа.

Как-то невесело.

Они все вели себя не так, как подобает разумным людям. Не отвечали на вопросы. Не отвечал ни один, за исключени-

ем Мисс Ножки. Да и та только издавала какие-то исполненные печалью звуки.

Наконец меня внесли в длинный зал.

Длинный зал? А откуда здесь такая вонь?

Все, кроме меня, остановились. Я же продолжал вопить и дергаться. Дело становилось все серьезнее. Я понял, где нахожусь. Это было безумное отделение в «Бледсо» – имперской благотворительной больнице.

Империя уже давно перестала существовать, но дела ее продолжали жить, а императорская семья все еще надеялась, что ее призовут назад. Она поддерживала больницу, обслуживающую самых безнадежных бедняков.

Психушка – отвратительное место. Туда засовывают вас навеки. Не имеет значения, что это сделано по ошибке.

– Эй! Отпустите меня! Что, дьявол бы вас побрал, происходит? Разве я похож на безумца?

Последний вопрос был явно не по делу. Я выглядел как классический экземпляр сумасшедшего. Кроме того, они уверены: был бы я здоров, не попал бы к ним в лапы.

Боже, такой грязной шутки со мной еще никто не вытворял.

С громким стуком распахнулась дверь. Дуб и железо девяти дюймов толщиной. Я ясно узрел свою судьбу.

Один из носильщиков что-то проревел. Какие-то люди разбежались в стороны. Парни швырнули меня через дверной проем, естественно задев моим телом за раму. Призем-

ление было крайне жестким. Мисс Ножки проводила меня жалостливым взглядом. Дверь захлопнулась прежде, чем я сумел убедить ее в том, что произошла ужасная ошибка.

Покатавшись по полу, я освободился от обертки, вскочил и забарабанил в дверь. Я исчерпал весь свой подходящий к ситуации лексикон, но сделал это без того энтузиазма, который мог бы проявить, если бы голова не болела так сильно. Впрочем, я не надеялся на успех, понимая, что зря трачу время. Но ритуал всегда следует соблюдать.

Услышав позади себя шум, я обернулся и увидел по меньшей мере с десятков человек, не сводящих с меня глаз. Я посмотрел, что происходит в палате за их спинами. Там топталось еще множество народу, заинтересованного появлением в их обществе нового лица. Некоторые внимательно изучали мою одежду. Пациентам явно не меняли наряд последний десяток лет, а не мылись они, очевидно, с начала века. Палата и являлась источником вони, которую я почувствовал еще в зале. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять – весь приветственный комитет состоит из естественных обитателей данного заведения. Это можно было прочесть по их глазам.

Я еще немного поорал и побарабанил в дверь. Медицинское обслуживание не улучшилось ни на йоту.

Слава богу, что они не бросили меня к буйным. Возможно, у меня оставались шансы на выздоровление.

Какой-то старичок, в котором по виду было не более пя-

тидесяти фунтов весу, приковывлял ко мне:

– Как вы поживаете? Меня зовут Айви.

– Пять минут назад, Айви, я поживал просто прекрасно.

– Как вы поживаете? Меня зовут Айви.

– Он больше ничего не говорит, приятель.

Верно. Я обучаюсь довольно быстро. Айви даже не смотрел на меня.

– Понял, – ответил я.

Парень, футов девяти ростом, захохотал и выдавил:

– Ты, приятель, не обращай внимания на Айви. Он псих.

– Как вы поживаете? Меня зовут Айви.

Это была только самая верхушка айсберга. Она оказалась не такой страшной. То, что я пока не успел увидеть, наверняка более жутко.

Кто-то, немного поразмышляв, вдруг заорал моему собеседнику:

– Ты что-то разболтался, безмозглый!

– Да? Что ты понимаешь? Это место не для меня. Кто-то подсунил мне наркотики и определил сюда. Я здесь проснулся.

О боже! Товарищ по несчастью. Я начал проникаться к нему сочувствием и проникался до тех пор, пока какой-то идиот не завизжал:

– Паузиффл! Паузиффл-физ!

Мой товарищ по несчастью согнул ноги в коленях, ссутулился и, рыча, начал носиться кругами по палате, очень по-

хожий на гориллу. Его вой мог привести в ужас даже баньши.
– Как вы поживаете? Меня зовут Айви.

К шуму, учиненному великаном, присоединились разноголосые вопли других обитателей палаты. В общем бедламе я уловил крик, который мне уже доводилось слышать на одном из островов в Кантарде. Так кричал раненный в живот солдат, оставшийся на ничейной земле. Он умолял добить его. Солдаты обеих сторон охотно откликнулись бы на его просьбу, если бы сами не опасались пасть жертвой снайпера. Поэтому каждый лежал, слушал, стиснув зубы, и благодарил своего ангела-хранителя: ведь любой из нас мог оказаться на месте несчастного.

Я посмотрел на дверь. Возможно, мне все же удастся уговорить отпустить меня?

А может быть... Содержимое моих карманов оказалось нетронутым. Те, кто бил меня, видимо, торопились избавиться от своей жертвы побыстрее. Настоящее сборище придурков.

Пациенты постепенно приблизились ко мне, решив изучить внимательнее. В основном те, кто одной ногой все еще пребывал в реальном мире. Многие из них выглядели испуганными, словно мышки. Они бросились врассыпную от одного взгляда. Другие же... Некоторые, как и я, видимо, попали сюда по ошибке. Но в отличие от меня им следовало находиться не на воле, а в отделении для буйных, и мне очень хотелось, чтобы они отошли подальше.

Уверенность в незаконности моего помещения в психушку только окрепла, когда я обнаружил, что мои карманы не опустошили. Если бы все шло согласно закону, вся моя собственность была бы изъята и я никогда бы больше не увидел ее.

У меня появилась надежда. Очень маленькая – размером с таракана.

Окружающая обстановка не очень вдохновляла. Палата – сто футов шириной, три сотни футов длиной и высотой в два этажа. На полу ряды и ряды тюфяков.

До потолка добрых двадцать футов. В стене напротив двери пробиты оконца настолько маленькие, что взрослый человек не смог бы сквозь них протиснуться, даже если бы и удалось распилить толстую металлическую решетку. Вдобавок ко всему эти амбразуры располагались очень высоко. Возможно, днем через них и поступает кое-какой свет. Сейчас же палата освещалась (если это можно так назвать) отсветом, проникающим из окон на стене со стороны дверей, то есть оттуда, где находились охрана и медперсонал, наблюдавший за пациентами.

– Как выживаете? Меня зовут Айви.

– Я, Айви, живу просто превосходно. Что ты думаешь о том, чтобы убраться побыстрее из этого сортира?

Айви изумленно взглянул на меня. Почесал в затылке и заковылял прочь.

– Эй! Здесь есть желающие бежать?

Мое обращение не вызвало, прямо скажем, всеобщего восторга. У большинства пациентов, сообразил я, настолько поехала крыша, что вытащить их отсюда можно только силой, а остальные решили, что крыша поехала у меня.

Но что это? Неужели кто-то откликнулся на призыв к мятежу?

Гигант, который предупреждал меня относительно умственных возможностей Айви, восстановил свои мыслительные способности. Подойдя ко мне, он произнес:

– Ничего у тебя не выйдет, Ловкач. Если б было можно, половина здешних ребят давно бы свалила.

Я огляделся. Ситуация лучше не стала.

– Здесь кормят?

Великан ощерился улыбкой боцмана, снисходящего до беседы с салагой:

– Дважды в день. Не важно, хочешь ты жрать или нет. Только там железные прутья. Разуй глаза.

Я пожал плечами. Я разул глаза. Железные прутья не оставляли никакой надежды.

– Дела настолько плачевные, что лучше немного соснуть и лишь после этого начать волноваться, – сказал я и принялся искать глазами свободный тюфяк.

Следовало немного подумать. И прежде всего о том, как

я оказался в такой замаске.

Мне хотелось завопить так же громко, как мои сотоварищи-психи.

– Тебе придется встать в очередь за постелью, – предупредил мой доброжелатель. – Заведешь друзей, глядишь, кто-то и поделится. Если нет, будешь ждать, пока кто-нибудь не помрет.

Он проговорил это небрежно, как само собой разумеющееся. Удивительно. Полное воплощение закона природы: выживает сильнейший.

– Славная ночлежка, – бросил я, усаживаясь рядом с дверью.

Здесь был самый малонаселенный район. Во всяком случае, можно протолкаться локтями. Я притворился спящим.

В палате не было видно мертвецов и отсутствовал трупный запах. Значит, персонал поспешно выволакивает жмуриков. Интересно, можно ли, используя это, изобрести трюк, с которым надзиратели пока не знакомы.

Продумав варианты мятежа, я решил, что шансы на успех минимальны. На месте персонала я просто поморил бы нас немного голодом, пока бы все не успокоилось.

– Как выживаете? Меня зовут Айви.

Мое притворство не ввело Айви в заблуждение. Я решил вытащить его из этого дома страданий.

Меня осенило. Неожиданный вариант первоначальной идеи мятежа. Отправившись на поиски своего сообщника, я

обнаружил его сидящим у стены.

Опустившись рядом с ним на твердый деревянный пол, я заметил:

– Весь зад в занозах.

– Пошли кого-нибудь за креслом.

Остряк.

– Что-то очень тихо. Почему бы это?

– Наверно, потому, что сейчас середина ночи, чтоб ты сдох!

И выражается красноречиво.

– У нас здесь один главный крикун, – заметил я, если, конечно, не считать моего собеседника; впрочем, сейчас все молчали. – Я слышал, здесь много любителей повопить. Особенно ребят, не способных совладать с воспоминаниями о Кантарде.

Лицо его потемнело.

– Да. Есть такие. Если они чересчур расходятся, в них вливают наркотики. Как только один начинает вопить, остальные тоже вступают.

Интересно.

– Не смог бы ты прямо сейчас завести хотя бы одного? – спросил я.

Внимательно изучив меня, он спросил:

– Куда ты гнешь, Ловкач?

Он справедливо полагал, что должна быть весьма веская причина, чтобы учинить подобный трюк.

– Хочу слинять отсюда.

– Забудь. Ничего не выйдет.

– Может быть. Но они не очистили моих карманов, перед тем как бросить сюда. Можно попытаться рискнуть.

Он ударился в размышления. От усилий его лицо приобрело еще более темный оттенок.

– Да... Да! У меня есть дела на свободе. Да. Если ты сумеешь открыть эту чертову дверь, я рискну.

– Как ты думаешь, кто-нибудь из этих парней способен помочь?

– Многие уйдут, если стены рухнут. Но почти никто не поможет их крушить.

– Ладно, можешь для начала заставить этих ребят завопить?

– Само собой.

Он поднялся, пошел вглубь палаты и, с кем-то пошептавшись, вернулся ко мне. За ним следили десятки глаз. Человек, которого он навестил, начал вскрикивать. По моей спине поползли мурашки. Это был стон потерянной души.

– Нормально? – поинтересовался мой главный сообщник.

– Превосходно, теперь найди парней, которые согласятся активно помогать.

Он снова удалился, и в действие вступил я:

– Эй, там! Заткнитесь! Не мешайте спать!

Парень не замолкал, а я очень опасался, что он меня послушается. Я глянул в сторону наблюдательных окон. За ни-

ми находились какие-то люди, но шум их совершенно не интересовал. Неужели они настолько равнодушны? Необходимо, чтобы меня заметили.

Я заорал на крикуна. Кто-то заорал на меня. Я, в свою очередь, на него. Какой-то гений во весь голос потребовал, чтобы мы оба заткнулись. Шум нарастал. Мы напоминали собой стаю обезьян. Некоторые пациенты начали двигаться. Они бродили без цели, тихо, как тени.

Шум наконец достиг ушей типа на дежурстве. Он посмотрел через окно. Положение дел в палате его, по-видимому, не обеспокоило.

Я завопил громче, чем главный крикун, угрожая придать ему, если он не заткнется.

– Как вы поживаете? Меня зовут Айви.

– Пакуй чемодан, Айви. Мы получаем счет в этой гостинице для психопатов.

Появился верзила и спросил:

– Я нашел с дюжину желающих, Ловкач, этого достаточно?

– Более чем. Теперь я хочу, чтобы все отошли от двери. Боюсь, когда они войдут, оставаться там будет крайне неприятно.

Во всяком случае, я на это надеялся.

– Они не дураки, Ловкач, сообразят, что заваривается каша.

– Плевать. Не имеет значения. Мне только надо, чтобы

открыли дверь.

Он хмыкнул, совершенно уверенный, что я затеял дурацкое дело.

Я еще громче заорал на крикуна.

Теперь в наблюдательном окне виднелось несколько человек, включая Мисс Ножки.

Я хихикнул про себя, уверившись, что нахожусь на пути к спасению. Ни одна женщина не может трудиться в «Бледсо», если она не испытывает жалости к пациентам. Я взревел и, промчавшись по тюфякам, начал душить самого громкого крикуна.

Мой сообщник схватил меня за рукав, делая вид, что оттаскивает от жертвы. Я дал ему очередные инструкции. Парень оказался неплохим актером.

Я же был само совершенство. Сцена выглядела абсолютно реалистично. К моему удивлению, ни один из коллег-пациентов не сделал попытки остановить меня.

Я только слегка придушил свою жертву. Он всего-навсего потерял сознание.

Промчавшись в другой конец комнаты, я принялся душить следующего горлопана.

Скоро по всему помещению начали носиться люди. Большинство психов вошло в раж. Это, конечно, не мятеж. Настоящее насилие отсутствовало. Но столпотворение было вполне реальным.

Краем глаза я заметил, как женщина спорит с мужчинами.

Она на чем-то настаивала, а те отказывались.

Превосходно.

Крошечный, не более трех футов ростом полукровка-орк скорчился у дверей.

Наверху милосердие, видимо, восторжествовало.

Я делал все, чтобы представление не прекращалось. Возможно, некоторые и пострадали, но мне, в отличие от Мисс Ножки, было, мягко говоря, не до милосердия. Если я буду разыгрывать из себя хорошего парня, то никогда не смогу выбраться отсюда. А если мне не удастся выбраться, то я не сумею проломить черепки тем клоунам, что меня сюда загнали.

Верзила снова возник рядом со мной.

– Они идут, – сообщил я ему, – а тебе не следует так часто появляться рядом со мной.

Он выглядел чрезвычайно опечаленным, и я не знал почему.

Бросив взгляд на дверь, я предупредил своего высокорослого союзника:

– Спокойно. Нам вовсе не надо вступать с ними в объяснения.

Около дверей никого не оставалось, кроме крошечного гибрида. Он еще пожалеет, что вызвался нам помочь.

– Сколько надсмотрщиков может появиться?

Гигант пожал плечами:

– Смотря насколько они встревожены. Но не меньше восьми-десяти. Так что не зевай.

Он подставил мне подножку. Я заплел его ногу. Мы покатались по полу, стараясь хорошенько стукнуть друг друга. Похоже, моему партнеру это очень нравилось.

– Они обычно ногами вышибают все дерьмо из буянов, – проинформировал он, не прекращая борьбы.

– Я догадывался, что это должно входить в программу. Впрочем, кровотечение у меня прекратилось, и я готов ко всему.

Разумеется, я без восторга ждал, когда меня начнут пинать. Конечно, все могло повернуться как угодно, но я все же лелеял надежду, что дела пойдут по плану и моему телу не придется вступать в контакт с сапогами.

Чтобы победить, в это следует верить.

Я просто обязан был победить. Никто не знал, где я. Дина нет в городе, Покойник дрыхнет, и пройдут недели, прежде чем меня хватятся. Потребуются еще недели, чтобы напасть на мой след, если кто-нибудь вообще захочет этим заниматься.

Я не мог терять столько времени. Те часы, что я провел здесь, – уже перебор. Покойник, конечно, мог хихикнуть и заявить, что я приобрел полезный жизненный опыт, – как обычно, когда у меня выдается особенно скверный день.

Если мне не удастся вырваться, то этот день окажется самым скверным в моей жизни, открывающим бесконечную полосу не менее отвратительных дней.

Женщина не отходила от наблюдательного окна. Я продолжал выть и раскидывать пациентов, слегка придушив самых шумных.

Меня обескураживало, что почти половина обитателей палаты никак не участвовала в происходящем. Многие даже не открыли глаза, продолжая лежать с полным безразличием.

Господи, как это страшно! Если я сейчас не убегу, то через двадцать лет стану таким же.

Подобная перспектива вдохновила меня, и я завыл сильнее. Теперь я пытался орать на разных языках, пуская при этом пену изо рта. Все получалось очень естественно. Возможно, в будущем, когда я стану слишком стар для теперешней работы, мне это сможет пригодиться. Незаменимые

способности для человека, намеревающегося основать новую религию.

Дверь распахнулась.

Волшебство! Чудо из чудес! Эти придурки все-таки открыли дверь.

Я двинулся вперед. Санитары-надсмотрщики ввалились внутрь. Видимо, они чувствовали неладное и подготовились ко всему. Все служители психушки были вооружены дубинками и небольшими щитами и казались не ниже двенадцати футов. Первым делом они встали плечом к плечу, образовав тесную группу.

Несколько месяцев назад, слегка отупев от неумеренного возлияния пива, я прикупил кое-что у третьеразрядного чародея, именовавшего себя Устрашающий. Звали-то его Милтон, но, согласитесь, какой идиот поверит в искусство чародея по имени Милтон? Я уже успел убедиться в его истинных способностях, когда, к своему разочарованию, пустил в дело парочку приобретенных у него заклинаний. Его товар продавался с гарантиями, но воспользоваться ими было невозможно – Милтон постоянно пребывал в бегах.

В моих карманах уцелело несколько маленьких пузырьков – все, что осталось от волшебных покупок. Если верить Устрашающему, они очень полезны при столкновении с недружелюбной толпой. Не знаю, мне не довелось их испытать. Я даже не помнил инструкций Устрашающего, наверное, был в то время мертвецки пьян.

Вот еще одна причина, чтобы мне выбраться отсюда, подумал я. Совершенно необходимо найти старика Милтона и предъявить ему потребительский иск.

Из всех наставлений я помнил одно – ударить бутылочкой обо что-нибудь твердое, а самому отскочить в сторону.

Я выполнил первую часть инструкции и швырнул бутылку. Сосуд пролетел мимо когорты санитаров и, отскочив от стены, покатился под ноги наступающим. По бутылке топали ногами, но она не желала разбиваться.

Все ясно, мой ангел-хранитель принялся за дело. Послав ему проклятие, я сделал вторую попытку.

Второй пузырек разбился. От стены заклубился серый туман и вскоре достиг санитаров. Кто-то выругался. И тут же проклятия переросли в общий вой.

Тем временем мой крошечный доброволец-гибрид проскользнул в дверной проем, чтобы не позволить дверям захлопнуться. Ему придется нелегко, если надзиратели войдут в раж.

Однако они уже потеряли стремление успокоить психов. Санитары были слишком увлечены почесыванием, протираанием глаз и испусканием воплей.

Что ж, быть может, Устрашающий и не совсем жулик.

Вдохнув полную грудь свежего воздуха, я ринулся в атаку. Мне было стыдно, что я использовал столь подлый трюк. Почти стыдно. Я не мог отказаться от него. Если я надолго задержусь в компании Айви и его приятелей, то неизбежно

запою тем же голосом, что и они.

Серый туман беспокоил меня не очень сильно. Конечно, по коже пошел легкий зуд. Но что такое зуд по сравнению с чудовищной головной болью и целым акром ушибов!

Кто-то закричал в коридоре. Они оставили человека защищать дверь, и теперь тот вопил на моего крошку, обороняющего выход.

Полукровке крепко досталось. Он надышался серым туманом даже больше, чем санитары.

И все-таки он не покинул пост и справился со своей миссией.

Я врезался в дверь с такой силой, что чуть не вывихнул плечо. До чего же больно, господи! А проклятая дверь поддалась лишь настолько, что я с трудом смог протиснуться, перешагнув через воющего гибрида.

– Получи! – взревел я, врезав изумленному надзирателю промеж глаз.

За моей спиной к дверям с топотом двигалась толпа пациентов. Те, кто не задержался свести счеты со своим любимым санитаром.

Естественно – мне всегда везет! – на нашем пути возник еще один взвод надсмотрщиков.

Издав вопль, которому могли позавидовать и баньши, я продолжил атаку. Господи, пока я выберусь на свободу, наверняка сорву голосовые связки.

Эти надзиратели были более крутые и злобные, чем пер-

вая шайка. Я насчитал восемь человек. Такой счет меня устраивал, все шансы были на моей стороне – я озверел настолько, что был готов расправиться с целым батальоном.

– Ничего личного, ребята, – заявил я, но тут же изменил точку зрения, узрев двух клоунов, которые волокли меня. – Ну, теперь держитесь!

Вначале никто не пришел ко мне на помощь. Неожиданность нападения позволила мне справиться с несколькими санитарями, но затем остальные вступили в дело и начали перебрасываться Гарретом, как мячом. Моих сторонников, наверное, часто бивали, и несчастные неуверенно топтались в стороне, пока не возник мой девятифутовый друг.

– Ох! – воскликнул я, разбив чей-то кулак своим лбом. – Что тебя задержало?

Тут-то и началась настоящая битва. Замелькали ноги, кулаки и тела. Я содрал кожу рук до локтей, молотя по подвернувшимся под удар скулам и челюстям. Да и моим скулам и челюстям крепко досталось. По счастью, форма носа не подверглась существенной трансформации.

Однако все это было ничего на фоне одолевавшей меня головной боли.

Воспользовавшись случаем, я возблагодарил природу, что одарила меня такими прекрасными зубами, и погрузил их в тело санитаря, которого, судя по его действиям, вовсе не заботило состояние моего здоровья.

Когда перестали летать пух и перья и немного осела пыль,

на ногах оставались лишь я и мой крупногабаритный друг. При этом мне требовалась помощь стены.

Я заковылял мимо павших надзирателей к дверям в другом конце зала. Они оказались заперты и выглядели такими же массивными, как и дверь палаты. Вся работа впустую. Я обменялся взглядом с большим парнем.

Он ухмыльнулся:

– Я же говорил.

Утерев с лица кровь и ослабившись еще шире, мой друг добавил:

– Им не сразу удастся навести порядок. Здесь валяется большая часть ночной смены.

– Прекрасно. Мы на шаг ближе к свободе. Давай-ка оттащим этих в палату.

Вдруг мы сможем использовать их в качестве заложников.

Неожиданно у нас оказалось множество помощников. Расхрабрившиеся ребята с удовольствием били надсмотрщиков по головам, если они вдруг начинали подавать признаки жизни.

Я проверил стену зала, которую еще не успел изучить. Еще одна банковская дубовая дверь. Естественно.

– Похоже, сегодня не мой день. – Конечно, начинался он неплохо, но к концу мрак явно начал побеждать. – Кто-нибудь знает, когда появится новая банда, чтобы утихомирить нас?

Мой приятель пожал плечами. Активная часть кампании

закончилась, и он начал терять интерес к делу.

Я извлек из кармана два небольших складных ножа и подумал, что инцидент может вызвать общественный интерес. Наверняка раздадутся требования провести расследование с целью выяснить, каким образом ножи и волшебные артефакты попали к психически больным людям. Как будто кто-нибудь сомневается, что любой пациент, продемонстрировав наличные, может приобрести все, чего пожелает его нездоровая душа.

Расследование несло с собой луч надежды. Если оно будет достаточно серьезным, то потребуются мои показания. И тогда типы, которые за взятку безосновательно бросают в психушку таких героических личностей, как я, будут выведены на чистую воду. Держи карман шире! Эти злодеи сразу поймут, что мои свидетельства могут положить конец их карьере, и предпримут все меры, чтобы подыскать более покладистых свидетелей.

Я передал большому парню нож:

– Настрогай-ка мне чего-нибудь деревянного. Если мы сумеем запалить приличный костер, то наверняка прождем себе выход через дверь.

Он ухмыльнулся без недавнего энтузиазма. Похоже, у парня кончается завод.

Однако идея поджога привела в восторг других. Мы начали разрывать тюфяки и тащить тряпки к двери.

И тут на меня накатило еще один вал вдохновения. Прав-

да, он несколько запоздал, не так это бывает с героями приключенческих романов. Я могу объявить себя гением только потому, что эта очевидная мысль осенила меня первым. Ребята из романов планируют такой вариант с самого начала. Это один из их стандартных трюков.

Персонал «Бледсо» носил хоть и грязную, но все же униформу.

Я организовал костры в обоих концах зала. За ними приглядывал Айви. Его словарный запас не расширялся, но сам парень стал более оживленным. Ему так нравились пожары, что он даже понял, когда я сказал:

– Используй побольше конского волоса. Нам надо много дыма.

Источником конского волоса служили тюфяки.

Айви улыбался от уха до уха. Законченный псих, одним словом.

Теперь ход был за служащими больницы. Они не могли взять нас измором, пока полыхал пожар, который следовало тушить.

Я нашел парня следить за Айви и не позволять ему разжечь слишком высокое пламя. Мне уже и без того казалось, что полы прогорят насквозь гораздо раньше, чем двери.

Когда дым стал достаточно густым, я выбрал санитаря примерно одного со мной роста и стал меняться с ним одеждой. Бездвижный парень безропотно пошел на обмен.

Мои соратники быстро подхватили идею. Скоро они об-

лачилились в униформу. Я специально позаботился, чтобы Айви и большой приятель обзавелись мундирами. Хотел найти подходящую одежду и гибриду, защищавшему вход, но полукровка был так мал, что затерялся бы и в рубашке.

Теперь, когда шансы на успех дела возросли, у меня появилась масса помощников.

Мы уже почти задыхались от дыма, когда кто-то из персонала решил, что больше медлить нельзя.

Мобилизовав всю наличную живую силу, они ворвались одновременно через обе двери, выплеснув перед собой воду из ведер. Поначалу служители сконцентрировались на огне и, справившись с ним, начали крушить всех, кто попался им под руку. Проникнув в палату, они первым делом бросились вытаскивать из нее павших товарищей.

Расслабляться было рано – благополучный исход оставался под вопросом.

Дым причинил мне вреда больше, чем можно было ожидать. Когда меня вытащили наружу и я решил, что настало время исчезнуть, мои ноги заявили решительное «нет».

– Не поднимайтесь. Вы еще не полностью оправились.

Чтобы не выдать себя, я не стал смотреть вверх. Мои друзья, валяющиеся рядом, повинаясь инстинктивной мудрости психов, последовали моему примеру. Настоящая команда единомышленников! В коридоре лежало больше двенадцати человек, большинство – обитатели палаты. Остальные мои соратники пали под ударами сил вторжения.

Ко мне обратилась хозяйка очаровательных ножек.

– Прежде всего избавьтесь от дыма в легких, – посоветовала она.

Не поворачиваясь, я откашлялся и произвел еще ряд звуков. Она отошла, видимо, позаботиться о других, подающих

признаки жизни. Врач-женщина? Что вы на это скажете? Мне не доводилось слыживать о таком. Впрочем, почему бы и нет?

Я отполз к стене и, опершись спиной, начал потихоньку вставать на ноги. Одновременно, подняв голову, я стал отыскивать путь к спасению. В глазах все двоилось, когда я пытался изучить окружающую обстановку сквозь льющиеся слезы. Вновь почувствовав под собой ноги, я попрактиковался в искусстве стоять без помощи верхних конечностей.

Пока я приходил в себя, избранный мною путь к спасению еще не был перекрыт. Оттолкнувшись от стены, я поволочился к выходу. Где-то далеко-далеко, у горизонта, футах в двадцати от меня была дверь, выходящая на лестничную клетку. Из-за двери доносился такой шум, будто там совокуплялась по меньшей мере дюжина громовых ящеров. Я не стал раздумывать о причинах шума. Все равно без толку. Раздумывать было нечем, мозгов не осталось. То, что от них сохранилось, целиком заполняла одна мысль – прочь отсюда!

Я ковылял к цели, даже ни разу не упав по-настоящему, когда она – владелица дивных ножек – перехватила меня.

– Что вы делаете? Я же вам сказала... О!..

Я расплылся в своей самой обаятельной улыбке:

– Ого-го!

– Боже мой!

– Не надо дергаться. Я самый обыкновенный городской парнишка.

Возможно, она не слышала меня из-за шума на лестничной клетке. Может быть, ей мешали крики и гам, царящие в зале и палате. Так или иначе, она моего намека не поняла. Закудаhtала и завыла, словно ее действительно собиpался похитить какой-то псих.

Я схватил ее за руку, больше для того, чтобы не свалиться, заметив про себя, что имею дело с блондинкой. Это, кстати, один из самых моих любимых окрасов, но мне недоставало сил, чтобы довести это до ее сведения. Кровотечение давно прекратилось, но с головой по-прежнему было неладно. Отравление дымом вовсе не способствует улучшению здоровья.

– Уймись! – рявкнул я. – Мы немного прогуляемся, сестренка. Я не хочу, чтобы кто-то пострадал, но все же это не главная забота. Ясно? Если продолжите свое вытье...

Обладательница ножек заткнулась. Кроме красивых нижних конечностей, она владела голубыми глазами, тоже очень симпатичными. И премолой головкой. Сейчас головка отчаянно кивала, соглашаясь со мной.

– Я освобожу вас у выхода на улицу. Возможно. Если будете вести себя достойно и не сделаете попытки причинить мне новые неприятности.

Отлично сказано, Гаррет. Все же твое происхождение иногда сказывается.

Но я был готов вспыхнуть в любую секунду.

Надеюсь, она будет хорошей девочкой и вспыхивать мне

не придется. Вспышка означает пламя. Забудь о пламени, Гаррет. Пламя означает дым. А ты надышался им сегодня на всю оставшуюся жизнь.

Я прижался к женщине, как будто она была моей милашкой:

– Мне нужна ваша помощь.

До чего же у тебя черное сердце, Гаррет. Но пусть это останется твоей единственной любовной встречей.

Она вновь согласно кивнула и тут же сделала мне подножку. Противная девчонка!

Мы оба упали.

И в этот момент через дверь, ведущую на лестничную клетку, ворвалась моя подружка Торнада, разбрасывая по пути еще оставшихся в деле служителей.

– Чтоб ты сдох, Гаррет! Я вламываюсь сюда, чтобы спасти твою шкуру, и что же вижу? Ты изготавился трахнуть какую-то девку на глазах у всего мира!

С этими словами она схватила меня за воротник и оторвала от моей последней мечты, которая после падения оказалась подо мной. Поставив меня на ноги, Торнада принялась молотить пузатого и волосатого служителя, который, очевидно, требовал от нее соблюдать правила выписки пациента.

Между ударами она приговаривала:

– Я всегда должна быть у тебя на первом месте, Гаррет.

Не имело смысла объяснять, кто здесь кого повалил. С

Торнадой в объяснения не пускаются. Она существует в созданных ею самой реалиях.

Пока Торнада забавлялась с волосатым служителем, я спросил у дамы-доктора:

– Что же такая милая девушка делает в подобном заведении?

Она не ответила, хотя я и извинился за то, что обращался с ней несколько грубовато.

– Ради всего святого, Гаррет! Кончай разводить болтовню. Нам надо сваливать.

Я последовал совету Торнады, поскольку она схватила меня за руку и поволокла за собой. Мы двинулись вниз по лестнице, время от времени спотыкаясь о стонущих служителей. Торнада пронеслась здесь как стихийное бедствие.

– Надеюсь, я не доставил вам слишком много беспокойства, – пробубнил я, таща, в свою очередь, за собой милого доктора. – Увы, я не могу здесь задерживаться только потому, что этого хочет некий тип, которому я наступил на мозоль.

Я придал лицу мрачное выражение и добавил:

– Когда я прихвачу его, то добьюсь, чтобы он сделал солидное пожертвование в пользу больницы. Во всяком случае, достаточное, чтобы покрыть убытки.

Торнада не замедляла шага и не отпускала меня.

Обладательница ножек наконец заговорила:

– Вы это серьезно?

– Он всегда серьезен, когда ему хочется кого-нибудь трахнуть, – пробурчала Торнада.

Как я, так и моя новая подруга проигнорировали этот выпад.

– Да, вполне серьезен. Моя работа – разыскивать для клиентов людей и предметы. Только сегодня утром одна леди с Холма поручила мне найти ее дочь. Я едва успел приступить к делу, как на меня напала банда негодяев. Придя в себя и увидев вас, я решил, что уже умер и попал в рай, населенный ангелами. Меня смущало лишь то, что страшно болела голова. В раю такого быть не могло.

– И я, дуреха, рисковала жизнью ради такого гада, – проворчала Торнада. – Сейчас твоя головка заболит еще сильнее.

Леди док одарила меня таким взглядом, словно она хочет мне верить.

– Он густо мажет мед, правда? – все-таки спросила она.

– Разбрасывает навозной лопатой, – пробурчала Торнада, возвращаясь к своей невежественной деревенской сущности.

Увы, никому не дано из грязи в князи...

– Если у вас возникнет потребность встретиться со мной, отправляйтесь прямиком на Макунадо-стрит. Спросите там, где живет Покойник.

Дама ответила мне слабой улыбкой:

– Возможно, я так и поступлю. Не исключено. Посмот-

рим, что из этого выйдет.

– Фейерверк чувств. Настоящий фейерверк. Поверьте.

– Сохрани себя для семейной жизни, милый, – предложила Торнада. – А то для жены ничего не останется.

Улыбка исчезла с лица доктора.

Невозможно завоевать их всех. Особенно когда ваши же друзья начинают мешать вашим играм.

Мы вышли на улицу у фасада «Бледсо». Я попытался устремиться в ночь быстрой иноходью, желая исчезнуть прежде, чем здесь появятся служители лечебницы в мстительном расположении духа.

Когда мы отдалились на несколько шагов, Торнада заметила:

– Мне редко доводилось видеть тебя в столь недостойном положении, Гаррет. И когда ты только остановишься?

Я бросил взгляд на «Бледсо». Больница была еще совсем рядом, и один ее абрис заставлял меня содрогаться.

– Нам надо смываться, пока не началось преследование.

– Ты полагаешь, они не знают, где тебя искать? Ты назвал этой девке свой адрес.

– Поосторожнее! Ты говоришь о моей единственной подлинной любви. Она никогда не предаст меня!

Я не дал Торнаде заметить моих скрещенных пальцев.

– А ты думаешь, они действительно станут искать тебя? – сменила она тему.

Сейчас вряд ли. Любое их действие привлечет внимание,

чего они не могут себе позволить.

Но вслух я ничего не сказал, лишь пожал плечами. Очень удобный, ни к чему не обязывающий жест.

Я сделал это не сразу – вдруг больничная банда решит начать преследование; но, когда мы отошли подальше, я взял руку Торнады в захват, именуемый «пройдем-ка со мной».

– Эй! Что ты делаешь, Гаррет?

– Мы с тобой сейчас усядемся, как юные влюбленные, вот на эти ступени, и ты начнешь нашептывать мне милые пустяки о том, что происходит. Врубается?

– Нет.

Я слегка усилил захват.

– Ох! Как это похоже на мужчин! Никакой благодарности. Спасти его и...

– Мне сдается, я и сам вполне с этим справлялся. Садись. Торнада уселась, продолжая ворчать. Я не отпустил ее руки. И не отпущу, пока не получу ответы на интересующие меня вопросы.

– Расскажи мне, дорогая, пожалуйста, обо всем.

– О чем? – прикинулась она тупой деревенской девкой.

– Я тебя знаю. Не трать на меня понапрасну свое артистическое дарование. Трюк «я дурочка» со мной не работает. Расскажи-ка лучше о Мэгги Дженн, о ее пропавшей дочери и о том, почему, едва начав работу, я становлюсь объектом нападения. Еще мне интересно, почему меня уложили без сознания и отправили в психушку с такой быстротой, что за-

были опорожнить карманы. Никак не пойму, как это могло произойти, если только моя подружка Торнада была в курсе, чем я занимаюсь. Теперь же я удивляюсь и тому, как моя подружка Торнада узнала, что мне нужна помощь, чтобы выскочить из «Бледсо». Вот и все, что я желаю уяснить.

– Ах это... – Она задумалась, явно пытаясь что-то изобрести.

– Торнада, брось! Попробуй сказать правду. Хотя бы для разнообразия.

Она бросила на меня возмущенный взгляд а-ля Торнада и начала:

– Я работала на гомика по имени Грэндж Кливер...

– Грэндж Кливер? Разве такие имена бывают? Признавайся, в нашем мире не существует типа, которого обзывают Грэндж Кливер.

– Кто здесь рассказывает – ты или я? Если хочешь сидеть и слушать эхо своего лепета – валяй. Меня это вполне устраивает. Только не жди, что останусь торчать здесь, развесив уши. Всем известно, как ты надуваешься, когда садишься на своего конька и начинаешь молоть чушь.

– Я? Надуваюсь?

– Как воинствующий святоша реваншистской церкви, проповедующий с амвона.

– Ты ранишь мое сердце.

– Иногда мне это доставляет удовольствие.

– Итак, ты работала на типа, чье имя не согласился бы

носить даже самый последний гном.

– Ага. Его мамочку и папочку, возможно, звали Тревор и Найджел. – Она еще раз упрямо, в стиле Торнады, взглянула на меня. – Я работала на него, по нраву тебе его имя или нет. Он поручил мне следить за Мэгги Дженн – опасался, что она может попытаться убить его. Так он говорил.

– Убить? Почему?

– Он не сказал, а я не спрашивала. Парень все время в таком настроении, что интересоваться неразумно.

– И никаких предположений?

– Да ты что, Гаррет? Я получаю три марки в день за то, что выполняю свою работу и не сую нос в чужие дела. Я же не хочу, чтобы меня покалечили.

Ну вот, ее рассказ незаметно перешел в дискуссию о моральной ответственности, которую мы вели уже по меньшей мере раз пятьдесят. По мнению Торнады, все идет правильно, если ваша жизнь в безопасности. А в остальном хоть трава не расти.

Она явно пыталась отвлечь меня от главной темы.

– Думаю, все это не имеет значения, Торнада. Продолжай. Объясни лучше, как ты здесь оказалась.

– Это очень просто. Я большая дура и считала тебя своим другом – человеком, не заслуживающим, чтобы с ним грязно обращались.

– Послушай. Мне кажется, в твоём повествовании не хватает некоторых деталей. Как насчет того, чтобы нарастить

немного мяса на голый скелет?

– Ты, Гаррет, иногда ну просто как прыщ на мягком месте. Понимаешь, что я хочу сказать?

– Да. Я уже слышал об этом, – ответил я выжидательно, не отпуская захвата.

– Хорошо, хорошо. Я работала на этого Кливера. В основном следила за бабушкой Дженн, но выполняла и другие поручения. Это было вроде постоянной работы, Гаррет. Хорошие бабки, но и бесконечные дела. Сегодня я поняла почему. Кливер выдвигал меня в первые ряды на общее обозрение, а сам со своими клоунами проделывал трюки, оставаясь в тени.

Я что-то буркнул, но без сочувствия. Не испытываю жалости к тем, кто не учится на собственных ошибках. Торнада и раньше позволяла клиентам использовать ее в своих играх. Она большая, красивая женщина, а женщину нашей профессии вряд ли кто-то может воспринять серьезно. Этот Грэндж Кливер, видимо, решил, что она подходящий для его целей лох. Но на сей раз лохом оказался он сам.

– Я все знаю, Гаррет. Все знаю. Ты уже слышал это. Наверное, и в будущем услышишь. Но иногда попасть в такую ситуацию оказывается прибыльным делом.

Торнада хотела сказать, что, разыгрывая из себя деревенскую дурочку, сама использует своих незадачливых клиентов. Пока те посмеиваются над Торнадой, она прикарманивает их серебряные канделябры.

Я проделал свой знаменитый трюк с бровью.

– Знаю, знаю. Но мне необходимо продолжать в том же духе, пока я не создам себе репутацию.

– Представляю.

Она была просто одержима идеей создать себе самую отвратительную репутацию.

– Спасибо за теплую поддержку. Ну да ладно. Во всяком случае, я сумела ускользнуть, пока не стало слишком поздно.

– Ускользнуть?

– Да, ускользнуть. Понимаешь, этот Кливер как-то сказал: «Слушай, Торнада, было бы здорово, если бы мы могли посадить кого-нибудь к Мэгги Дженн». На случай, если она меня узнает. Но когда я сказала, что постараюсь использовать тебя, он сморщился, будто у него начался приступ кровавого поноса. Тут ворвался один из дружков Кливера, словно собираясь с разбега трахнуть его. Меня выставили из комнаты так поспешно, что надо было как можно скорее подыскать место, откуда все было бы слышно.

Подозреваю, что Торнада постоянно подслушивает.

– Никогда не сталкивался с Кливером, – произнес я. – Как получилось, что он заимел против меня зуб?

– Откуда, к дьяволу, мне знать? – Она смачно сплюнула. – У тебя образ прямолинейного простофили. Может быть, дело в этом?

– Думаешь? – усмехнулся я.

Торнада постоянно пыталась протащить эту мысль.

– Значит, ты так решила. Трудно поверить. Обычно требуется...

– Я вовсе не такая дура, как ты думаешь, Гаррет, – заявила она (впрочем, не пытаясь привести доказательства своей правоты). – Так вот, Кливер призвал головорезов с улицы, а не своих обычных сообщников. Ему нужны были только мускулы. Он объяснил, что встретился с большой проблемой по имени Гаррет, и поинтересовался, не могут ли они разрешить ее. «Как насчет того, чтобы отправить его в „Бледсо“?» – спросил он. Головорезы согласились и затем долго ржали и шутили, вспоминая, как им приходилось сплавлять туда парней, которые не нравились Кливеру. У него какие-то связи с больницей. Не исключено, что через ту блондинку, на которой ты лежал, когда я явилась тебя спасать.

– Да. Возможно. – Я ни на секунду в это не поверил, впрочем, как и она.

– Так или иначе, я не могла сразу скрыться, не вызвав подозрений. Покончив с этим, я тут же бросилась в больницу.

Я представлял, почему ей потребовалось так много времени. Решив покинуть Кливера, она должна была собрать все ценное, что могла унести. Доставить вещи в хранилище. Прежде чем отправиться ко мне, она наверняка проверила, нельзя ли загрузиться еще раз.

Знала, что торопиться некуда и что я останусь на месте.
Крыса.

– Итак, ты с воплем кинулась спасать меня лишь для то-

го, чтобы узнать, что я благодаря своему природному уму и хитрости уже значительно продвинулся по пути своего освобождения.

– У тебя получалось неплохо, – согласилась она, – но ты ни за что бы не выбрался, если бы я не смела с пути парней у лестницы на первом этаже.

Что на это скажешь, ведь все же Торнада – женщина? Пришлось оставить за ней последнее слово.

– Можешь перестать жать мою руку, – заявила она. – Ты больше уже ничего не выдавишь.

– Неужели?

Деревня все сильнее выпирала из нее. Торнада вновь начала натягивать свой камуфляж.

– Пораскинув мозгами, я решил, что было бы не вредно узнать, откуда тебя знает Мэгги Дженн. И меня разбирает любопытство относительно Грэнджа Кливера. Я никогда о нем не слышал. Мы сэкономим массу времени, если ты мне поведаешь, где он живет, человек он или еще кто, связан ли с мафиозной Организацией и все остальное в этом роде. Детали, Торнада. Я тот парень, что интересуется мелочами.

А Торнада – та женщина, что усядется в фургон и возьмет вожжи, не поинтересовавшись, запряжены ли мулы. Прошлое и будущее для нее не существуют. Она не строит планов и не заботится о последствиях. Она не дурочка и не сумасшедшая – просто это ее стиль жизни.

– Ты не парень, Гаррет, а прыщ на заднице, и не просто

прыщ, а настоящий чирей королевских размеров.

– Согласен. Я все время это слышу. В первую очередь от тебя. Ты в конце концов привьешь мне комплекс.

– Тебе? Никогда. Чтобы получить комплекс, Гаррет, надо обладать чувствами. В тебе же чувства не больше, чем в старом вонючем ботинке. Вот Грэндж Кливер полон настоящих чувств, – ухмыльнулась она.

– Ты собираешься сказать мне что-нибудь путное? Или будешь сидеть, ослабившись, как жаба на коровьей лепешке?

– Я же объяснила тебе, Гаррет, – хихикнула Торнада, – Грэндж Кливер – парень, который носит серьги.

– Множество мужиков носят серьги. Быть может, твой Кливер – кровожадный пират.

– Ты так думаешь? Он также парень, который носит парик, красит морду и таскает женский прикид. Я слышала, как он хвастал о своей работе в Веселом Уголке – говорил, что клиенты получали от него необычайное и неповторимое удовольствие.

– Бывает.

В Веселом Уголке в Танфере случается все. Для меня сообщение Торнады не было сенсацией, однако Кливер чересчур легкомысленно выдавал свои секреты. Чрезмерная откровенность может породить такие неприятности, с которыми трудно будет справиться. Сознательно нарываться на неприятности по меньшей мере глупо.

– Он человек?

– Да.

– И не скрывает своих извращений?

– Во всяком случае, дома. Я не видела, чтобы на улицах он гонялся за мальчиками. Почему ты спрашиваешь?

– Он кажется слишком неосторожным. Ты имеешь представление, как с гомиками обращаются в армии? Услышишь – не поверишь. Кто не может скрыть свои склонности, долго не живет. Кантард – не то место, где приветствуются сексуальные меньшинства.

– Мне кажется, Гаррет, что Грэндж не служил.

– О, ты обращаешься к нему по имени?

– Он требует, чтобы все звали его Грэндж.

– Подлинный демократ?

– Да.

– Хорошо. Итак, Торнада. Если он человек мужского пола, то обязательно должен был где-нибудь служить. Армия не допускает исключений.

– Может быть, он уклонился от призыва?

– Розыск дезертиров никогда не прекращается.

И это действительно так. Беглеца ищут всю жизнь. Когда дело доходит до призыва в армию, никто не пользуется привилегиями. Никакого фаворитизма. В конечном итоге тем, кто уклонился от службы, приходится платить дороже.

Вы обратили внимание, как ловко Торнада сбила меня с темы разговора? Я-то заметил и был уверен, что ей есть еще

что сказать об этом гомике. Торнада – неиссякаемый запас сведений.

– Вернемся на главную магистраль. Что общего между Кливером и Мэгги Дженн? Если он сильно голубой, то какой у него может быть интерес к женщине?

– Думаю, она его сестра.

– Что-что?

– Ну, может быть, кузина. В общем, они в каком-то родстве. И у нее есть нечто такое, что он желает заполучить, считая по праву своим.

– И она решила его убить?

С каждой минутой дело становилось все более мерзким.

Ненавижу семейные войны. Худший вид войн. Участвуя в них, вы оказываетесь в одиночестве на ничейной земле, без компаса и карты. Любой ваш ход будет ошибочным.

– Что он хочет получить?

– Не знаю. – Торнада напустила на себя страдальческий вид человека, утомленного потоком бессмысленных вопросов маленького ребенка. – Я всего-навсего работала на парня. Не спала с ним, не была ни его личной секретаршей, ни партнером. Не вела для него дневник. Я просто получала деньги и делала то, что он велел. Спасать же тебя явилась только потому, что чувствовала себя вроде как бы ответственной за ту ситуацию, в которой ты очутился.

– Ответственность целиком лежит на тебе. Ты повела со мной двойную игру. Не знаю, в чем тут суть, но не исключаю,

что ты все еще продолжаешь свои игры.

Я уже устал от Торнады – это еще один из ее талантов. Она сознательно доводит вас до умопомрачения, и вы отпускаете ее на все четыре стороны, веря, что делаете это по собственной инициативе и даже с чувством вины.

– Ну и что ты собираешься предпринять? – спросила она.

Я отпустил ее руку.

– Высосать несколько кружек пива и устроить себе хороший сон. Как только сниму этот клоунский наряд и истреблю вшей.

– Составить тебе компанию?

Да, такова моя подруга Торнада.

– Не сегодня. Сейчас мне просто хочется выспаться.

– Хорошо. Пусть будет так.

Она исчезла, прежде чем я успел среагировать на оставшуюся после нее самодовольную улыбку. Прежде чем сумел сообразить, что она покинула меня, так и не сообщив ничего полезного, – например, где я могу найти этого дружелюбного парня по имени Грэндж Кливер.

«Сейчас мне просто хочется выспаться» – моя обычная фраза, когда я работаю и смыкаю веки часа на три за ночь.

Боги продолжали свои шутки – по пути домой на меня никто не напал. Я долго не мог уснуть, ожидая, что вот-вот кто-нибудь начнет ломиться в дверь. Где-то там, наверху, а может быть, внизу, а может, и в середине какой-то не пригодный ни к чему другому божок создает себе имя, изгаляясь надо мной самыми разнообразными способами. Если он преуспеет в этом деле, его могут повесить в чине и назначить директором всех сточных ям рая.

Я так и не отдохнул как следует. Проснулся взвинченный и принялся проклинать Дина за то, что он уехал из города. У меня не осталось никого, кому можно было бы отравить существование.

Всю глубину своего гения я вдруг оценил, начав готовить мерзопакостный завтрак из лепешек. Оказывается, я забыл спросить Торнаду о парне, следившем за мной по дороге на Холм.

Кто-то постучал во входную дверь. Что за черт? Впрочем, уже почти наступило время для цивилизованных визитов.

Стук был настолько деликатным, что я едва расслышал его. Слегка поворчав, я бросил лепешки на сковородку и направился открывать.

То, что я увидел, посмотрев в глазок, изумило меня. Я широко распахнул дверь, чтобы сияние светловолосой красоты озарило меня всего, с головы до ног.

– Не ожидал увидеть вас так скоро, док, – проговорил я, изучая улицу за спиной милашки на случай, если она приволокла с собой взвод не понимающих шуток служителей «Бледсо».

Я никого не заметил, но это ничего не значило. На Макунадо-стрит царила такая толчея, что среди прохожих мог скрыться весь персонал больницы.

– Вы сами пригласили меня.

Она выглядела так, будто явилась прямо с работы. Наверное, бедняжке пришлось потрудиться две смены, разгребая следы содеянного мною.

– Ваша рослая подруга заставила вас забыть обо всем?

– Я просто не ожидал, что вы примете мое приглашение. Послушайте, я в самом деле сожалею о вчерашнем безобразии. Просто зверею, когда со мной играют в такие игры. Отправить в психушку, ха!

– Вы могли бы выбрать и более уважительные слова, – скривила она губки.

– Прошу прощения. Попытаюсь.

Я тут же поведал, как люди отзываются о моей профессии. Надо сказать, что подавляющая часть отзывов мне совсем не льстила.

Гостя несколько утешилась.

– Грязный трюк, сыгранный с вами, и заставил меня прийти. А чем здесь так пахнет?

Я торопливо обернулся. Из кухни валили клубы дыма. Испустив вопль, я помчался к источнику запаха. Леди Прекрасные Ножи величественно последовала за мной.

Я вывалил обуглившиеся лепешки в мойку. Они посылали дымовые сигналы, возвещая о моей непригодности в качестве шеф-повара. Проклятие. Я настолько плохой кулинар, что вполне мог бы работать на кухне у Морли, благо там открылась вакансия.

– Ничего, их можно использовать для ремонта крыши, – пробормотал я.

– Слишком хрупкие.

– Вы думаете? А кстати, вы завтракали?

– Нет. Но...

– Хватайте передник, детка. Протяните мне руку помощи. Маленький кусочек порадует роточек. Так что вы хотели у меня узнать?

Она действительно взяла мой фартук. Удивительная девушка!

– Мне не понравилось то, что вы говорили прошлой ночью, и я решила все проверить. Записей о вашем поступлении в больницу не было, хотя служители, которые вас несли, заверили меня, что вас доставила Гвардия и все документы в полном порядке.

Я издал нечленораздельные, но грубоватые звуки, присту-

пая к формированию нового поколения лепешек.

– Проверить было несложно. Один из высших офицеров Гвардии – старый друг нашей семьи. Полковник Уэстмен Туп.

Я икнул несколько раз, прежде чем сумел спросить:

– Полковник Туп? Они сделали его полковником?

– Он очень высокого мнения о вас, мистер Гаррет.

– Еще бы.

– Уэст сказал – его люди вас в «Бледсо» не посылали, хотя и пожалел, что такая мысль не пришла ему в голову.

– Это в его духе. Туп игрив, как клубок кобр.

– Он хорошо отзывался о вас как о профессионале. Но одновременно посоветовал мне быть осторожной во всем остальном.

Оказывается, и в ее серьезном тоне можно уловить смех.

– Как вы отнесетесь к бекону? – спросил я.

– Вы только начинаете его жарить? Бекон следовало первым отправить на сковороду.

– Я всегда все жарю отдельно и, таким образом, за раз сжигаю только один продукт.

– Весьма смелый подход.

– Уменьшает расходы.

Мы приготовили завтрак вместе, вместе его съели. Я с умилением наблюдал за гостьей. Леди, кажется, не возражала.

Когда мы начали убирать со стола, она сказала:

– Я не потерплю подобных вещей. Не потерплю коррупции, когда все становится возможным.

Чуть отступив назад, я посмотрел на нее другими глазами:

– Вы, видимо, недавно там работаете? Трудно найти другое место, столь же коррумпированное, как «Бледсо».

– Да. Я там новенькая. И постепенно узнаю, как прогнило все в этом заведении. Каждый день там что-то происходит. То, что случилось с вами, – пока самое худшее. Вы же могли провести там остаток жизни, без всякого на то основания.

– Естественно. И был бы не одинок в своем несчастье. А вы, оказывается, идеалистка и борец со злом.

В последнее время Танфер буквально кишит подобными людьми.

– Вам не следует говорить таким тоном, будто я полоумная.

– Прошу прощения. Но большинство утопистов мало что смыслят в жизни. Они происходят из богатых семей и ничего не понимают в людях, существование которых зависит от «Бледсо», не понимают, как живут те, кто работает там. А для этих людей весь смысл работы в больнице – получение взяток и продажа гуманитарной помощи. Они, в свою очередь, не поймут, отчего вы поднимаете вокруг этого шум, или решат, что вы намерены таким образом извлечь для себя пользу где-то там, в высших сферах.

Она бросила на меня полный отвращения взгляд:

– Вчера кто-то уже высказал подобное предположение.

– Вот видите. Держу пари, что вы тут же полезли на стену, вместо того чтобы отнестись ко всему спокойно. И теперь все в больнице считают вас сумасшедшей. А денежные парни наверху наверняка даже психопаткой. Их беспокоит ваша связь с Гвардией, и они думают, как все устроить. Для коррумпирования реформаторов требуется время.

Усевшись с чашкой чая и добавив в него немного меда и мяты, она задумчиво протянула:

– Уэст сказал, что вам можно доверять.

– Очень мило с его стороны. Не знаю, могу ли я сказать это о нем.

– Суть дела вот в чем. – Она внезапно помрачнела. – Уже сейчас я для кого-то представляю опасность. Не так давно из больницы исчезли медикаменты на несколько тысяч марок. Я приняла на работу двух санитаров. Это люди, известные мне лично, которым я доверяю.

– Понимаю.

Учитывая ее связь с Гвардией, это были люди Тупа. На него работал один тип по имени Шустер – очень неприятная личность. Шустер руководил тайной полицией.

Если этот человек заинтересовался «Бледсо», то могут полететь головы, а многие получат пинок под зад. Шустер не позволяет бюрократическим барьерам и юридическим тонкостям встать на его пути. Он добирается до сути и приводит в чувство заблудших.

– Вам следует быть предельно осторожной, – сказал я. –

Если они решат, что вы привели соглядатаев, то мгновенно забудут о своих манерах.

Она внимательно изучала меня, потягивая чай. Я чувствовал себя не очень уютно. Нет, в принципе, я не возражаю, чтобы красивая женщина меня оценивала. Я для этого и рожден. Но у этой красавицы на уме было что-то совсем иное.

– Я не столь наивна, как вы полагаете, Гаррет.

– Вот и хорошо. Это избавит вас от ненужных переживаний.

– Вы, случайно, не помните, кто принимал вас в лечебнице?

– Нет. Я был в отключке. Но знаю имя принца, который оплатил это. Его зовут Грэндж Кливер.

– Кливер? Грэндж Кливер?

– Вы его знаете?

– Один из попечителей больницы. Получил назначение благодаря императорской семье. – Изучив меня еще немного, она добавила: – Я сказала, что не так наивна, как вы могли подумать. И понимаю, что могу сейчас находиться в опасности.

А может, и нет, насколько я могу судить.

– И?..

– Возможно, необходимо, чтобы рядом со мной кто-то оставался до тех пор, пока не осядет пыль.

– Неплохая идея.

– Вы согласны помочь мне?

Я был согласен, но вовсе не на это.

– Итак, вам нужен телохранитель.

– Уэст утверждает, что вы не предадите.

– Возможно, он прав. Но есть одна трудность.

– Какая?

В ее голосе слышалось беспокойство.

– Я никогда не берусь за работу телохранителя. И у меня уже есть один клиент. Я не могу позволить себе отказаться от своих обязательств, как бы мне того ни хотелось. К тому же персонал больницы имеет на меня зуб. Я не осмелюсь там появиться.

Мне показалось, что она пришла в ярость.

– Что вы мне можете посоветовать?

Она не пыталась переубедить меня, и я был оскорблен в лучших чувствах. Посетительница оказалась ужасно деловой.

А вот Мэгги Дженн обязательно постаралась бы уговорить меня.

– Один из моих друзей – Плоскомордый Тарп – мог бы согласиться на эту работу. Я бы назвал еще несколько парней. Беда в том, что у лучших специалистов такая внешность, что их профессию можно увидеть за милю.

Но тут на помощь явилась моя муза и вдохновила меня.

– Моя подруга, которую вы видели вчера, ищет работу.

Личико гостьи просветлело. Видимо, она в уме уже про-

играла возможные отрицательные последствия соседства с телохранителем мужского пола.

– А она справится с делом?

– Лучше меня. У нее отсутствует совесть.

– Ей можно доверять?

– Не вводите ее в искушение. Семейное серебро может случайно оказаться в ее карманах. Но свою работу она знает.

– Она такая крутая?

– На завтрак она обычно употребляет ежей, не сняв с них шкуры. Так что не пытайтесь проверять ее на прочность. Она не знает, когда следует остановиться.

– Я хорошо ее понимаю, – улыбнулась гостя. – Когда отходишь от традиций, появляется искушение доказать мальчишкам, что ты можешь все делать лучше, чем они. Я переговорю с ней. Где ее можно найти?

Найти Торнаду совсем не легко. Ей так нравится. Есть люди, с которыми ей лучше не встречаться.

Я все объяснил посетительнице. Поблагодарив меня за завтрак, советы и помощь, она направилась к выходу. Я совсем размяк под влиянием ее очарования. Когда я пришел в себя, она была уже в дверях.

– Эй! Подождите! Вы же не представились.

Она рассмеялась:

– Чэстити¹, Гаррет. Чэстити Блейн.

Все еще смеясь над моим дурацким видом, она выскольз-

---

¹ Chastity (англ.) – невинность, девственность.

нула на улицу и прикрыла за собой дверь.

Днем в «Домике радости» Морли довольно уныло. В последнее время он открыт круглые сутки – Морли из чувства ложной гражданственности решил, что сено и зерно должны быть доступны всем в любое время дня и ночи. Меня это очень обеспокоило. Заведение может начать привлекать к себе лошадей.

Я пригласил себя к стойке бара:

– Приготовь мне бифштекс с кровью, Сарж. И дай знать Морли, что я здесь.

Сарж хрюкнул, поскреб внизу живота, поддернул штаны и задумался, вместо того чтобы приступить к делу. Мысли высказывались вслух и сводились к следующему: почему, собственно, я полагаю, что Морли хоть на ломаный грош интересуется, где я нахожусь, – здесь или в преисподней, на давно уготованном мне месте.

– Тебе, Сарж, стоит открыть школу хороших манер для юных леди из высшего общества.

– Вали в задницу. Щас все сделаю.

Я уселся за стол. Мой бифштекс прибыл раньше, чем Морли. Это был слегка недожаренный толстый кусок первой классной вырезки. Вырезки из баклажана. Мне удалось затолкнуть кусок в глотку, задержав дыхание и зажмурившись. Не так плохо, если на него не смотреть и не нюхать.

Из кухни возник Рохля – один из дружков Саржа. Из-под расстегнутой рубашки на полфута свисало покрытое черной порослью брюхо. Он остановился и громогласно высморкался в фартук. На его шее на веревочной петле болтался какой-то ключ.

– Что это за хреновина, Рохля? – поинтересовался я. – Запираешь двери, чтобы клиенты не смылись? Почему бы просто не привязывать их к стульям?

– Я, Гаррет, теперь здесь главный виночерпий.

Самые страшные мои подозрения начали оправдываться. Их подтверждало и обоняние, не только слух. Дыхание Рохли было насыщено винными парами. Парень явно нелегально прикладывался к запасам хозяина.

– Морли говорит, нам надо заиметь более классных посетителей.

Видимо, прошли времена, когда Морли почитал за счастье заманить в свое заведение дюжину уголовников.

– Ты, Рохля, самый подходящий человек для этого.

– Вали в задницу.

У этих ребят, похоже, был один учитель риторики.

– Хочешь винца, Гаррет? У нас тут по счастливой случайности кое-что имеется, может, не такое клевое, как «Намбо арсенал», но все же...

– Рохля!

– А?

– Это всего-навсего испорченный виноградный сок. То,

что называют вином, – всего лишь прокисший сок. Мне плевать, как ты его именуешь: «сухим», «мокрым» или как-то еще. Ты можешь до Судного дня вести со мной снобистские беседы о вине, но это не изменит главного. Только посмотри, как превращается сок в отвратительное пойло. В нем начинают развиваться плесень и всякая другая гадость. Особенно это относится к винам, которые заимели вы. Винам, которые по карману алкашам и по вкусу крысюкам.

Подмигнув мне, Рохля прошептал:

– Здесь я с тобой, Гаррет. Если бы боги хотели, чтобы порядочные люди пили эту жижу, они б не изобрели пиво.

– Чтобы здесь подавали пиво, тебе следует внушить Морли, что оно самая полезная часть ячменного супа.

Нашу беседу прервало появление самого Морли.

– Вино – средство для предприимчивого ресторатора получать навар с типов, что ходят по улицам держа нос по ветру, – глубокомысленно заметил он.

– С какой стати ты захотел увидеть этих ребят на своей танцевальной площадке?

– Наличие, Гаррет. – Он уселся напротив меня. – Прямо, просто и грубо – вопрос денег. Хочешь иметь больше – ищи способы изъятия бабок у тех, у кого они уже есть. У нашей нынешней клиентуры средств явно недостает. Очень часто. Но я заметил, что к нам заглядывают любители приключений из других социальных групп. И решил придать заведению определенный имидж.

– Зачем?

В ответ он бросил на меня удивленный взгляд.

– Не заставляй учинять тебе допрос, Морли, а то скоро взвоешь от моих вопросов.

– Осмотрись, и ты отыщешь ответ.

Последовав совету, я увидел Рохлю, Саржа и еще парочку местных типов, убивающих время.

– Не очень аппетитно, – заметил я.

– Это все проделки старого дьявола по имени Время, Гаррет. Каждый день мы становимся на фунт тяжелее и на шаг медленнее. Настал час взглянуть правде в лицо.

– Возможно, ты и прав, если имеешь в виду Рохлю и Саржа.

У Морли-то не было и унции лишнего жира, и я сопроводил свои слова знаменитым трюком с бровью.

Он истолковал его правильно и пояснил:

– Человек может порости жирком и между ушами. Пропадает энергичный стиль мышления, мозг становится вялым.

Взгляд его давал понять, что слова эти в первую очередь относятся ко мне.

– Человек может начать думать, как корова, еще и потому, что не ест ничего, кроме корма для скота. – Я подчеркнул внимательно посмотрел на ошметки баклажанного филе. Оно оказалось даже хуже, чем я ожидал.

– Сегодня мы проверяем нашего нового повара, – ухмыльнулся Морли.

– На мне?

– Кто может быть лучше? Правда, Рохля? Мы же не можем разочаровывать Гаррета. Едва войдя в дверь, он уже настроился на разочарование. Парень постоянно недоволен, ворчит и поет. Никак ему не угодим.

– Вам следует отравить меня, – буркнул я.

– Охотно, если это улучшит твоё настроение.

– Вот это идея! – восторженно откликнулся Рохля. – И почему мне раньше не пришло в голову?

– Потому что у тебя нет ни единой мысли. А если одна мыслишка и затерялась в пустынном пространстве твоей башки, то она никак не может найти выход, – тихо пробормотал я, но Рохля все же услышал.

– Эй, Сарж! У нас ещё остался крысиный яд? Скажи Уиггинсу принести этому парню Гаррету специальный десерт – сюрприз шефа.

Я дал понять, как отношусь к их чувству юмора, и произнес, обращаясь к Морли:

– Мне надо припасть к колодцу твоей мудрости.

– Может, хочешь порыдать на моем плече о неверности одной из твоих девиц?

– А это, однако, мысль. Надо будет попробовать. Может, немного сочувствия...

– Сочувствия от меня ты не дождешься.

– Тогда не слушай моих стонов, я буду выслушивать твои откровения.

– То есть речь идет о деле Мэгги Дженн?

– Да. Имя Грэндж Кливер тебе что-нибудь говорит?

Мгновенно помрачнев, Морли посмотрел на Рохлю. Тот обменялся взглядами с Саржем. Затем все трое по мере сил приняли индифферентный вид.

Морли спросил:

– Ты хочешь сказать, что Дождевик вернулся?

– Дождевик?

– Единственного известного мне Грэнджа Кливера все звали Дождевиком. Он был скупщиком краденого. Очень крупным. Сам не брезговал кое-какими делишками. Где ты услышал его имя?

– От Торнады. Она работала на этого парня.

– Эта девка не самый надежный свидетель.

– Ты мне это говоришь? На сей раз она выдала забавную историю, как Кливер решил последить за Мэгги Дженн. Торнада полагает, что Кливер – брат Мэгги или другой близкий родственник.

Морли, бросив еще один взгляд на Рохлю, задумался.

– Никогда не слышал об этом. – Он хихикнул, однако в его смешке я не почувствовал юмора. – Скорее всего, это не так. Но если Торнада права, то многое проясняется, включая появление Мэгги Дженн в городе.

– Ты изменил свое мнение?

– О чем?

– Ты говорил, что она удалилась в добровольную ссылку.

Да бог с ней. Скажи лучше, о чем ты сейчас думаешь.

– Несколько лет назад Грэндж Кливер, он же Дождевик, слыл известным скупщиком краденого.

– Разве может быть известный скупщик краденого? Или ты скупщик, или ты известен. Одно исключает другое.

– Известен среди тех, кто пользуется услугами скупщика, продавая или покупая у него оптом и в розницу. Дождевик действовал нагло. Ходили слухи, что он лично срежиссировал несколько крупных ограблений, пользуясь какими-то связями и информацией. Он разнес и дома на Холме. В то время там не было так много охранников. Теперешние отряды охранников-головорезов – во многом результат тех налетов.

– Не подводит ли это нас к Мэгги Дженн?

– Не исключено. Я только что сообразил, что расцвет деятельности Дожевика совпадает со знаменитой любовной историей Мэгги Дженн. Особенно с тем временем, когда Теодорик всюду таскал ее с собой, не давая и ломаного гроша за то, что скажут люди.

– Ты должен признать, что никто не мог подозревать в ней наводчицу.

– Именно. Ее достаточно ненавидели за нарушение социального статуса.

Все это страшно интересно, но никаким боком не касается работы, за которую мне сейчас платят. Возможно, я заблуждался. Кливер отправил меня в психушку вовсе не потому,

что детали моего туалета не гармонировали по цвету. Я каким-то образом представлял для него угрозу.

– Так ты говоришь, у Мэгги Дженн не было дочери? – решил уточнить я.

– Я только сказал, что не знал об этом. И сейчас не знаю. Но сдаётся мне, что я вообще очень слабо информирован о Мэгги Дженн.

– Что слышно на улицах?

– Слишком рано, Гаррет. Танфер – большой город. А если в нем действительно возник Дождевик, люди, что его помнят, замкнут рот на замок.

– Да.

Город действительно велик, и где-то в нем находится исчезнувшая девушка.

Где-то в Танфере обретаются десятки исчезнувших девушек. Еще несколько пропадают каждый день. Просто на сей раз для разнообразия есть человек, который хочет разыскать дочь.

Я направился к выходу.

– Гаррет.

Я замер. Мне был знаком этот тон. Сейчас из-под маски должен раздаться голос подлинного Морли.

– Что?

– Будь крайне осторожен, имея дело с Дождевиком. Он сумасшедший. И при этом очень опасный сумасшедший.

Я прислонился к дверной раме и задумчиво произнес:

– В этом деле, Морли, мне все время попадаются странные люди.

– Как это?

– У каждого из них несколько лиц. Моя Мэгги Дженн и та, о которой рассказывала Торнада, не похожи на женщину, обрисованную тобой. Грэндж Кливер, на которого работала Торнада, не похож на твоего Кливера и не имеет ничего общего с Кливером, о котором я слышал из другого источника. Тот Кливер – один из директоров больницы «Бледсо» и связан с королевской семьей.

– Последнее для меня новость. Но что из этого следует?

Действительно. Что из этого следует? Я подумал, что источник коррупции, из-за которой так дымилась Чэс, может находиться где-то на самом верху.

Я не могу понять психологии преступников, крадущих в больнице у бедных и незащищенных. С моей точки зрения, воровать у нищих и беспомощных бессмысленно. Морли с его цинизмом наверняка сказал бы, что как раз у них и следует воровать, потому что они беспомощны. Никто не обратит внимания на их беду. Но, с другой стороны, сколько же времени нужно воровать у бедняков, чтобы сколотить приличные деньги?

Думаю, поэтому большинство воров предпочитают выбирать жертвы среди состоятельных людей.

Я решил отправиться домой и за кружкой (или полдюжиной кружек) пива подумать, как лучше справиться с работой. Грэндж Кливер отходил на второй план. Не исключено, что я займусь им, когда найду пропавшую дочь Мэгги. У меня должок перед этим клоуном. Но прежде всего – Эмеральд.

Вспомнив о долге, я подумал, что агентура в «Бледсо» уже сообщила шефу о моем блестящем и смелом побеге. Теперь мне, пожалуй, следует пуще прежнего прикрывать свою спину.

Если долго внушать себе что-нибудь, то оно обязательно произойдет. Я уже полностью созрел, чтобы стать параноиком. Но судьба уготовила мне совсем другой удар.

– Как вы поживаете? Меня зовут Айви.

Вскрикнув, я подпрыгнул и оказался наравне с парящими голубями. По пути вниз я вполне мог успеть сгруппироваться и сделать обратное сальто, но был слишком занят – изрыгал ругательства. Приземлившись, я оглянулся и, клянусь богами, увидел перед собой моего старого товарища по тюрьме Айви.

Моему взору открылся не только Айви. Позади него высался с ухмылкой на роже верзила, помогавший мне во время бегства.

– Значит, парни, вам тоже удалось смыться? Здорово.

Случайно, не знаете, сколько пациентов сбежало? – лепетал я, безуспешно пытаясь проскользнуть мимо парочки.

Пришлось лезть из кожи вон, демонстрируя общительность. Так ведут себя с непредсказуемыми и потенциально опасными людьми. Всегда поступайте так с теми, кого вы не знаете. Грубыми можете быть только с хорошими друзьями, убедившись, что они не превратят вас в фарш. Для этого нам и дается воспитание.

Ухмыляющийся дурень осклабился еще шире:

– Почти все подорвались, Гаррет. Похоже, вся палата.

– Как же это получилось?

Когда я уходил из больницы, мне показалось, что персонал начинает овладевать ситуацией.

– Некоторые ребята, из тех, что переоделись в униформу, отдышавшись, вернулись врезаться надзирателям, а многие из оставшихся в палате дрались, как берсерки.

– Нам повезло, что они не психанули раньше.

Однако теперь все эти психи оказались на свободе. Я вновь попытался обойти их, но рослый друг все время ухитрялся вставать на моем пути.

Я обратил внимание, что им было известно мое имя, хотя я и не думал представляться.

– Как же вы, ребята, попали сюда?

Сюда – то есть на Макунадо-стрит, всего в двух кварталах от моего дома. Такое чудовищное совпадение может происходить лишь каждый третий високосный год. А нынешний

год, насколько я помнил, был самым обыкновенным.

Физиономия верзилы залилась краской, и он признался:

– Шныряя по больнице в поисках выхода, мы слышали ваш разговор с доктором Чэс. С тех пор мы бродим по улице и не знаем, куда идти и что делать. Я спрашивал Айви, но он ничего не смог предложить.

При упоминании его имени лицо Айви просветлело, и, вновь представившись, чтобы мы о нем не забыли, он вернулся к созерцанию улицы. Он выглядел скорее удивленным, а не испуганным, и я подумал, что не пройдет много времени, как Айви снова окажется в «Бледсо». Такая же судьба наверняка ждет и большинство остальных беглецов.

– Значит, вы меня здесь искали?

Верзила кивнул, потупившись, как застенчивое дитя.

– Вы выглядите как парень, который всегда знает, что надо делать.

Я мысленно обругал себя за глупость, но вслух произнес:

– Хорошо. Я втянул вас в это дело. Идем. Накормлю вас, устрою на ночь и попробую помочь найти работу.

Да. Я знаю. Все говорило за то, что они успеют изрядно навонять, прежде чем удастся выдворить их из дома. Однако у меня в рукаве был припрятан козырной туз. Покойник не обладает изысканными манерами и не отягощен чувством социальной ответственности. Гости предпочитают не задерживаться, когда он вступает с ними в контакт.

Интересно, не пора ли его разбудить. Мне определенно

нужен совет логхира.

Я впустил гостей в дом. Верзила нервничал, как ребенок, попавший в незнакомое место. Айви был любопытен, как кошка. Попка-Дурак, естественно, учинил дьявольский шум. Айви вошел к попугаю, а я задал верзиле труднейший вопрос:

– У тебя есть имя? Я не знаю, как к тебе обращаться.

Мистер Большая Шишка между тем поносил Айви за то, что тот не принес ему еды.

Мне начинало не хватать Дина еще по одной причине. До своего отъезда именно он ухаживал за моим пернатым врагом, и я никак не мог привыкнуть, что это теперь моя обязанность.

Попка-Дурак вошел в раж:

– Караул! Насилуют! Спасите! Умоляю, мистер, не поступайте со мной так!

Он ухитрялся выкрикивать все это голосом маленькой девочки. Мистер Большая Шишка – единственный живущий в неволе попугай, способный запомнить более четырех слов. И какой-то умник обучил его этим воплям. Убежден, если соседи когда-нибудь услышат его стенания, я ни за что не сумею убедить толпу линчевателей, что кричал попугай. А птичка останется немой как рыба до тех пор, пока я не буду болтаться в петле.

Тем временем мой рослый друг покачивался с задумчивым видом, пытаясь припомнить свое имя. Его мыслитель-

ные способности, судя по всему, подвержены сезонным колебаниям. Когда он помогал мне в «Бледсо», была, по-видимому, середина лета. Сейчас же пришла поздняя осень или наступала ранняя зима. Меня утешало лишь то, что я не собирался долго иметь с ним дело. Иначе сам бы сошел с ума.

Паузиффл!

Айви прикрыл дверь в маленькую комнату. Попка-Дурак немедленно сорвался на визг. Айви улыбался. Кажется, теперь я знаю, как поступить с птичкой. Она может составить компанию несчастному больному существу, которому так нужен друг.

Несчастное больное существо отправилось исследовать помещение, в то время как его друг мучительно продолжал искать ответ на серьезный вопрос.

– Ага! – Его лицо просветлело. – Скользящий! – Еще больше радости на физиономии. – Да! Точно – Скользящий. – Его улыбка затмила широкую ухмылку Айви.

– Скользящий?

Что за имя? Скорее прозвище. На мой взгляд, парень скользящим не казался.

Айви сунул голову в мой кабинет, окаменел и вскрикнул от ужаса, первый раз изменив своему стандартному набору из шести слов. Судя по тому, как он стоял, его взору представила Элеонора. Эта картина очень многое может сказать тем, кому безумие открыло глаза.

Скользящий расправил плечи, гордясь, что вспомнил, как

его зовут.

– Проходите-ка, ребята, в кухню, – сказал я. – Выпьем пивка и перекусим немного.

Я подозревал, что они ничего не ели со времени бегства из лечебницы. Свобода имеет свои недостатки.

Скользкий кивнул, просияв улыбкой. Айви же меня полностью проигнорировал. Он пересек зал, вошел в комнату Покойника и получил удар посильнее, чем от призраков, изображенных на картине рядом с Элеонорой. Покойник совсем не похож на плюшевого медвежонка и не возбуждает чувства мгновенной любви.

Я вытащил Айви за шиворот и препроводил в кухню. Там мы уселись закусить – холодный ростбиф, маринованные огурчики, сыр и горчица, от которой глаза лезут на лоб. Все это заливалось пивом. Я больше пил, нежели ел.

Когда Скользкий и Айви немного снизили темп и оказались способны не только жевать, но и дышать, я спросил:

– Скажите-ка, парни, вы умеете что-нибудь делать?

– А?.. – подал голос Скользкий.

Айви же высасывал очередную кружку пива – пятую по счету. Я начинал догадываться о характере его безумия. Обыкновенный алкоголик.

– Чем вы занимались, прежде чем вас поместили в психушку?

Скользкий вступил в двенадцатираундовую схватку с памятью.

Айви, осушив свою порцию, вновь направился к леднику. Я без труда усадил его, поймав за руку.

– Не надо перебора, Айви.

Несчастный страдалец с минуту молча рассматривал свою тарелку, а затем поднес ко рту ломоть мяса. Благополучно проглотив его, он поверг меня в изумление, вдруг заявив:

– Не забывайте есть, Гаррет. Запомните мои слова. Когда пьешь – надо обязательно закусывать.

Я уставился на него. Скользкий же, посмотрев на Айви, взвыл:

– Будь я проклят, Гаррет! Будь я трижды проклят! Он залопотал! Что мы сделали? Я раньше никогда не видел его говорящим.

Это событие, по-видимому, подхлестнуло и интеллектуальные способности Скользкого. Он начал болтать с Айви, пытаясь отвлечь того от еды. Но Айви не желал отвлекаться. Он не сводил глаз с тарелки, старательно выбирая самые вкусные кусочки. Всего лишь раз он поднял глаза, да и то лишь для того, чтобы бросить жадный взгляд в сторону ледника. Объект его внимания – бочонок – покоился там в одиночестве.

– Итак?

Скользкий посмотрел в мою сторону:

– Что – итак?..

– Я спросил, чем ты занимался до того, как тебя поместили в «Бледсо».

– Зачем вам это? – поинтересовался он.

До гения этому человеку было очень далеко.

Следовало поторопиться, пока он вновь не ушел в зиму.

– Я хочу это знать, потому что, возможно, смогу подыскать человека, готового платить тебе за твои таланты.

В Танфере и в обычных, и в криминальных кругах нет недостатка в свободных рабочих местах – наши молодые люди вынуждены проводить пять лет в Кантарде, и многие остаются там навсегда.

– В основном я работал телохранителем. Когда начинал, был первоклассным секьюрити, но потом подхватил на юге какую-то болячку, и все пошло прахом. Я стал временами отключаться, начал совершать ошибки. Провалил отличную работу, которую получил благодаря моему росту. Нашел новую, почти такую же хорошую, но и ее провалил. Следующее место было уже похуже, но и там ничего не вышло. Так продолжалось довольно долго. Отключки случались все чаще и чаще. Появились провалы памяти. Я ничего не помнил. Правда, у меня было чувство, что я совершал недостойные поступки. Может быть, даже ужасные поступки. Но меня, видимо, не ловили, так как я всегда приходил в себя дома. Иногда с царапинами и ушибами. И вот однажды, оказавшись в нужное время в нужном месте, я снова получил превосходную работу. Затем не помню, что произошло. Однажды, проснувшись, я обнаружил, что нахожусь там, где вы меня встретили. Не помню, сколько времени там пробыл и

как оказался.

Мне довелось видеть его во время выпадения сознания. Паузиффл. Возможно, тот приступ был не сильным. Вполне вероятно, что иногда парень становится берсерком.

Впрочем, в таком случае его поместили бы в палату для буйных. Разве не так?

– Чем ты занимался в армии?

– Ничем. Я не был в армии среди этих маршировок.

Я все понял по его тону и пламени во взоре.

– Ты был в морской пехоте?

– Абсолютно точно. Первый батальон. Корабельная морская пехота.

Впечатляюще. Быть морским пехотинцем – это кое-что. Скользкий принадлежал к элите элит. Еще интереснее, как это он по прошествии многих лет смог оказаться в городском клоповнике. Этот парень должен быть крепче дубленой кожи.

А с другой стороны, разве сотни крепких парней не ломались, попав в трудное для себя время в сложные обстоятельства?

– А вы?

– Морская пехота. Разведка.

– Ого! Здорово!

Он протянул руку, и мы сшиблись ладонями – дурацкий обычай, оставшийся со времени пребывания в Корпусе.

Нам еще тогда внушали, что мы никогда не перестанем

быть морскими пехотинцами.

– Если сумеешь совладать с головой, я, возможно, смогу использовать тебя в своей работе.

Слегка помрачнев, он поинтересовался:

– А чем вы занимаетесь? Когда не разоряете лечебницы, устраивая там побоище, как в кабаке.

Я все объяснил. Затем еще раз. Он ничего не понял, пока я не сказал:

– Это вроде как бы быть на войне наемником – разница в том, что я помогаю найти пропажу или найти выход из трудного положения тем, кто не может справиться с этим самостоятельно.

Основную идею Скользкий все-таки уловил, но, правда, так до конца и не понял, ради чего я проявляю мужество. В его представлении я являлся каким-то рыцарем на белом коне.

Пришлось изложить все в терминах, доступных его пониманию:

– Большинство моих клиентов до ушей загружены бабками. Они нуждаются во мне, а я выжимаю из них, сколько могу.

Даже Айви воспрянул духом, услышав это, но продолжал смотреть на ледник, как будто именно там находятся райские врата.

Пришлось подняться, откопать бутылку вина, хранившуюся в доме от начала времен, и поставить ее перед Айви.

Когда наконец он отлип от горлышка, я спросил:

– А ты, Айви? Что делал ты на войне?

Он попытался ответить. Честно старался изо всех сил, но язык его заплетался, и бедняга лишь нечленораздельно мычал. Я предложил ему еще раз приложиться к бутылке и расслабиться. Он так и сделал. Как ни странно, мой совет оказался продуктивным.

– Итак? – Я слегка потряс его, начиная ощущать чувство вины (накачался с двумя юродивыми, вместо того чтобы отправиться на поиски пропавшей дочери). – Что ты делал, когда был там, на юге?

– Гле-гло-глубокая раз... разведка. Рейнд... же... ры.

– Вот это да... – пробормотал Скользкий.

Гражданским его чувств не понять.

Я кивнул, стараясь скрыть изумление. Айви вовсе не вписывался в образ героя. Впрочем, я встречал много подобных парней. Тех, кто, прослужив в элитных частях, ухитрились выжить. Эти ребята знали, как постоять за себя.

– Было очень трудно?

Айви молча кивнул. Любой другой ответ был бы ложью. Тяжелые, ожесточенные и кровавые бои шли сплошной чередой. Избежать их было невозможно. «Милосердие» было незнакомым словом. Даже теперь, когда война через много лет после нашего в ней участия, казалось, была выиграна, бои продолжались, хотя и не в прежнем масштабе. Солдаты Каренты преследовали отдельные отряды разбитых венаге-

тов и старались прибрать к рукам беспризорную республику, созданную Слави Дуралейником.

– Глупый вопрос, – заметил Скользкий.

– Знаю. Но иногда мне приходилось наткаться на типов, которые утверждали, что им страшно нравилось быть в Кантарде.

– Значит, они все время оставались в тылу. Или врут. А может, просто сумасшедшие. Те, кто действительно не представлял себе иной жизни, просто там оставались.

– В общем, ты прав.

Айви вдруг заговорил тонюсеньким голосом:

– Те-теперь, когда... мы отту...да ушли, для них осво... освободилось много места.

С ним я тоже согласился.

– Расскажите нам побольше о том, чем вы занимаетесь, – сказал Скользкий. – Кого вы так сильно обозлили, что он решил отправить вас в «Бледсо»?

– Я уже ни в чем не уверен.

У меня не было причин что-либо скрывать, и я поведал им все в деталях. Они слушали спокойно, пока я не упомянул Грэнджа Кливера.

– Пойдите, пойдите. Как его? Кливер? Связано с Дождевиком... Кливер.

– Да, так его иногда называют. Чего ты разволновался?

– Моя последняя работа, та – самая лучшая. Я выполнял поручения как раз этого размалеванного типа.

– И?.. – Я вдруг ощутил нечто вроде приступа зубной боли.

– И я совершенно не помню, чем в тот день занимался, но очнулся в клоповнике. Уверен, это дело рук Дождевика.

– Интересно. Почему ты так уверен?

Подумать только, несколько минут назад он был не способен вспомнить свое имя.

– Теперь, когда мы об этом заговорили, я припоминаю, что сам помогал таскать парней в психушку. Парней, которых Дождевик почему-то не хотел замочить, но которые ему все-таки мешали. Он часто повторял, что на его пути встают только сумасшедшие и место им в клоповнике.

– Все! – Я поднял руку, но он продолжал говорить без умолку. – Мне кажется, теперь я просто обязан побеседовать с мистером Кливером.

Скользкий побледнел. Моя идея, похоже, не встретила всеобщей поддержки.

Мне не терпелось предпринять наконец какие-нибудь действия, вытекающие из контакта с Мэгги Дженн. Но какие именно? За ее дочерью тянулся след мистических артефактов, указывающих, что Эмеральд увлеклась древней черной магией.

Изобилие этих безделушек наводило на подозрение, не подстроено ли все это специально. Но кто и зачем (и я еще должен во всем этом копаться), а с другой стороны, их так много, что вряд ли они подсунуты нарочно. Неужели тот, кто это сделал, был настолько туп и полагал, будто его фальшивки примут за чистую монету?

Скорее всего, да. Большинство преступников Танфера не отличаются силой мышления.

Я решил следовать дорожным указателям, будь они подлинными или фальшивыми. Если фальшивые – тот, кто их подкинул, окажется способен мне кое-что рассказать.

Нельзя в этом расследовании просто так отбросить оккультную версию. Мои сограждане готовы купить все, если продавец устроит для них убедительное шоу, поэтому у нас здесь существует тысяча разнообразнейших культов. Многие из них склоняются к темным сторонам веры. Иные посвящены колдовству и преклонению перед демонами. Иногда скусающие девицы из богатых семей, желая развлечься,

тоже не прочь заняться этим.

Может быть, стоит изучить характер Эмеральд? Ее достоинства и недостатки? Впрочем, успеется. Судя по рассказу мамы, девица была вполне нормальной и обладала хорошим здоровьем. И вряд ли в ее возрасте она все еще страдала от синдрома девственности. Большинство подростков излечиваются от этой болезни раньше, чем успевают вывести прыщи с лица.

Если вам нужна информация, всегда полезно хорошенько потрясти эксперта. Бесспорно, улица – прекрасный источник сведений, но там приходится заниматься поиском жемчуга в огромной куче мусора. Чистая потеря времени. Другое дело, если вы знакомы с человеком, который на «ты» со всеми интересующими вас жемчужинами.

Сколько я помню, люди почему-то звали ее Красулей. Она была в основном человеком, однако в ее жилах текло достаточно крови гномов, чтобы наградить ее долголетием. Когда я был маленьким мальчиком, она уже была вздорной старухой. Уверен, что с той поры ее нрав несколько не улучшился.

Ее лавочка была дырой в стене в моем бывшем районе. Стена находилась в темном и зловонном проулке, и не живи там Красуля, его избегали бы не только человеческие существа, но и запойные крысюки.

Проулок оказался гаже, чем я его запомнил. Слой отбросов стал глубже, грязь более скользкой, а вонь сильнее. Ясно почему: в наши дни все стало хуже, чем в былые времена.

Танфер разваливается на глазах. Он утопает в собственных отходах. И всем на это плевать.

Нет, некоторые проявляют заботу. Но заботу явно недостаточную. Существуют десятки фронтов и групп – и сотни рецептов спасения. Но каждый фронт или группа сосредотачивают усилия на том, чтобы очистить свои ряды от раскольников и еретиков – что, естественно, проще, чем очистить улицы и улучшить состояние города.

Впрочем, мне ли жаловаться? Хаос только способствует моему бизнесу. Увы, как ни странно, я не могу смотреть на беззаконие как на достижение.

Неудивительно, что друзья меня не понимают. Я и сам себя не всегда могу понять.

В проулке все же оказалось несколько крысюков, хотя он был настолько ничтожен, что даже не заслужил никакого названия. Чтобы добраться до дверей обители Красули, мне пришлось перешагнуть через валяющегося на земле любителя бутылки.

Когда я вошел, зазвонил колокольчик. Если в проулке было просто темно, то в дыре, именуемой жильем Красули, царилась тьма. Я тихонько закрыл дверь и, выждав, пока глаза привыкнут к темноте, осторожно двинулся вперед, опасаясь что-нибудь уронить и разбить. Я хорошо помнил этот дом.

– Будь я проклята, если это не отпрыск Гарретов! А я-то думала, что мы избавились от тебя много лет назад, отправив на войну.

– Рад снова видеть тебя, Красуля.

Ой! Что же я сделал? Она ненавидит свое прозвище. Но, очевидно, на сей раз старуха пребывала в снисходительном настроении и никак не отреагировала на обращение.

– Ты выглядишь отлично. Спасибо, что помнишь меня. Я отслужил свою пятерку и вернулся домой.

– А ты уверен, что не скрылся от призыва? Все Гарреты мужского пола никогда не возвращались с войны.

Лучше бы она не напоминала. Ни мой брат, ни отец, ни отец отца не вернулись домой. Казалось, существовал закон природы – если твое имя Гаррет, ты получаешь почетную привилегию погибнуть за Корону.

– Я побил судьбу, Тилли, – (по-настоящему Красулю звали Тилли Нукс), – и заставил ее вспомнить старый закон вероятности, действующий одинаково для всех, включая венагетов.

– Или оказался умнее и хитрее остальных мужчин своего рода.

Мне уже приходилось слышать подобные высказывания, правда, Тилли всегда говорила о моих родичах злее, чем остальные. У нее были основания сердиться. Мой дед Гаррет (задолго до того, как я появился на свет) бросил Красулю ради другой, помоложе.

Однако вся горечь и язвительность не мешали ей относиться к нам, малолеткам, как к собственным внукам. Мой зад до сих пор хранит воспоминания о ее хлысте.

Красуля появилась в лавке через дверь, прикрытую занавесью из шнуров с нанизанными на них большими бусинами. В ее руках была лампа, бросавшая свет только в мою сторону. Зрение, доставшееся Тилли от предков-гномов, позволяло ей прекрасно видеть в темноте.

– Ты, Тилли, вовсе не изменилась.

И это было сущей правдой. Она оставалась точно такой, какой я ее запомнил.

– Не вешай мне лапшу, Гаррет. Я чувствую себя так, будто на мне проскакали тысячу миль и я сотню раз изошла потом.

И это тоже было сущей правдой.

Так выглядят прожившие семьдесят нелегких лет. Волосы редкие и седые, череп под ними поблескивает в свете лампы. Кожа на лице висит складками, будто старуха недели за две похудела вдвое. Она была бы бледна, если бы не испещряющие ее коричневые печеночные пятна, большие и маленькие. Тилли двигалась медленно, но весьма решительно. Ходьба причиняла ей боль, но старуха не желала уступать болезням. Я припомнил, что обсуждение недугов постоянно являлось основной темой ее бесед. Она вечно жаловалась, но, по существу, не менялась, оставаясь широкой в бедрах, с висячими складками жира по бокам. Судя по ее формам, можно было предположить, что она родила по меньшей мере десяток ребятишек, однако мне не доводилось слышать о ее отпрысках.

Тилли внимательно смотрела на меня, пытаясь изобра-

зить улыбку. Во рту у нее оставалось не больше пары зубов, но глаза сохранили живость, и ум оставался острым, как всегда. Улыбка ее при этом оказалась утомленной и слегка циничной.

– Итак, чем мы обязаны столь высокой чести после многих лет разлуки?

Надеюсь, она не начнет обсуждать со мной свое люмбаго.

«Мы», кроме нее, состояло из пестрой кошки – самого вороватого существа данного вида из всех, что мне приходилось встречать. Как и хозяйка, животное было ужасно древним. Кошечка смотрела на меня с таким видом, будто тоже узнала.

Врать Красуле невозможно. Она сразу же распознает ложь. Я понял это еще до того, как мне исполнилось шесть лет.

– Дело, – ответил я.

– Слыхивала я, каким «делом» ты занимаешься.

– У тебя такой тон, словно ты его не одобряешь.

– То, как ты ведешь его, – не более чем дурацкая игра.

Она не принесет тебе ни богатства, ни счастья.

– Возможно, ты и права.

– Что ж, присядем, – сказала старуха и опустилась на пол в позу лотоса.

Этим искусством Красуля поражала меня, когда я был малышом. Изумила она меня и сейчас.

– Так какое дело привело тебя ко мне?

Кошка улеглась на скрещенные ноги хозяйки. Я попытался вспомнить ее имя, но не смог. Будем надеяться, что оно мне не понадобится.

– Не исключено, что оно связано с колдовством. Я ищу пропавшую девушку. Единственный ключ, который я пока обнаружил, – колдовские принадлежности, спрятанные в ее комнате.

Красуля невнятно буркнула. Она не стала спрашивать, почему эти находки привели меня к ней. Старуха была крупным поставщиком колдовских ингредиентов – куриных губ, жабьей шерсти, лягушачьих зубов и всего такого.

– И она их оставила, убегая?

– Видимо.

Красуля поставляла первоклассное магическое сырье, и я не мог понять, как ей это удавалось. Она никогда не покидала дом, чтобы пополнить запасы, а мне не доводилось слышать о существовании оптовых торговцев этим добром. Ходили слухи, что Красуля, несмотря на ее образ жизни, очень богата. Я верил этим перешептываниям. Старуха продавала свой товар уже многим поколениям магов и наверняка сумела где-то припрятать сундуки, полные золота.

– Не думаю, что так могла поступить настоящая колдунья.

– Я тоже.

Когда-нибудь шайка негодяев, проигнорировав уроки истории, попытается ограбить Красулю. У них ничего не получится, и попытка завершится крайне болезненно. Старуха,

видимо, сама весьма могущественная ведьма.

Впрочем, Тилли никогда не признавалась, что она колдунья или что обладает сверхъестественным могуществом. Об этом гласили факты. Одно то, что ей удалось дожить до старости, плавая среди акул, говорит о многом.

Я рассказал все с самого начала, не опуская никаких деталей. В этом не было необходимости. Тилли оказалась прекрасной слушательницей.

– В деле замешан Дождевик? Не нравится мне это.

Ее физиономия помрачнела, превратившись в сморщенную черносливиную.

– Вот как? – выжидательно проронил я.

– Мы давно его не видели. Возвращение Дождевика – плохая новость.

– Вот как?

Красуля любит поговорить. Если ее не прерывать, а лишь молча слушать, она иногда способна прокашлять нечто действительно важное. Но не исключено, что она воспользуется предоставленной возможностью поныть о своих болезнях и недомоганиях.

– Все как один твердят мне, – продолжил я, – что это очень плохой человек, но в то же время стесняются объяснить почему. Трудно испугать того, кто провел пять лет нос к носу с лучшими парнями венаетов или сшибался рогами с людьми, подобными Чодо Контагью.

Чодо одно время был королем преступного мира Танфера.

– Чодо использовал пытки, убийства и угрозы насилия всего лишь в качестве инструментов. Дождевик же мучает людей потому, что это доставляет ему наслаждение. Думаю, он не желает привлекать внимания и поэтому отправляет жертв в «Бледсо». Иначе мы находили бы их куски по всему городу.

Она продолжила рассказ, и передо мной встал портрет садиста. Еще одна ипостась Кливера.

Я начал было сомневаться, стоит ли мне встречаться с чудовищем. Но при здравом размышлении пришел к выводу, что я все же должен сделать это хотя бы для того, чтобы объяснить ему, что отсутствие симпатий к человеку не может служить достаточным основанием для отправления его в психушку.

Красуля продолжала болтать, щедро делясь слухами, фактами, фантазиями и предположениями. Она знала ужасно много о Дождевике тех давних времен, но ничего не могла сказать о сегодняшнем Кливере.

– Ну хорошо. – Я попытался унять ее словоизвержение. – Что ты можешь сказать о существующих ныне колдовских культах? О черной магии, которая способна привлечь скучающего подростка. Что происходит в этом плане?

Красуля на сей раз очень долго молчала. Я даже подумал, что ненароком коснулся чего-то запретного. Наконец она произнесла:

– Не исключено.

– Не исключено? Не понимаю. – Я не мог поверить, что, занимаясь столько лет торговлей магическими принадлежностями, она не знает ситуации на рынке.

– Я не монополистка в этой области. В городе есть и другие продавцы. Никто не может сравниться со мной по количеству и ассортименту, но торговля идет. Недавно в нашем деле появились совсем новые люди, но в основном они ориентируются на клиентов-нелюдей. Тебе следует поговорить с Виксоном и Уайтом. В отличие от меня они не задают вопросов покупателям, и их клиентура состоит из богатых людей.

– Мне нравится, когда ты начинаешь изъясняться таким языком.

– Что? Не делай поспешных умозаключений о людях только на основании их местопребывания, мой мальчик. Ты можешь встретить гениев на Дне и идиотов на Холме.

– Не понимаю, что ты хочешь этим сказать.

– Ты и в детстве был немного туповат.

– Я предпочитаю, чтобы при мне выражались напрямую. В таком случае удастся избежать недоразумений.

– Ну хорошо. Я не знаю и не хочу знать, за чем ты охотишься, но сильно подозреваю, что Виксон и Уайт имеют целую когорту клиентов, исповедующих действительно отвратительный демонический культ. Начинай с Виксона и Уайта. Они готовы продать самые неприятные вещи любому, лишь бы у того были деньги.

– Это все, что мне надо. Место, с которого можно начать.

Ты помнишь Мэгги Дженн?

— Я припоминаю скандал.

— Что она собой представляет? Не может ли она оказаться связанной с Дождевиком?

— Что она собой представляет? Ты полагаешь, они были друзьями?

— Я думаю, что у тебя есть мнение на этот счет.

Если бы не оказалось, это произошло бы впервые.

— Ходили тысячи историй. В некоторых из них, на мой взгляд, содержалось зерно истины. Да, они были связаны. Это весьма серьезно беспокоило Теодорика. Однажды он даже грозился убить Дождевика. Это испугало его настолько, что он скрылся из города. Я даже слышала, что Теодорик намеревался открыть на него охоту, но вместо этого оказался убитым сам.

— Думаешь, есть связь между бегством Дождевика и убийством короля?

— Чистое совпадение. Каждый король обзаводится выводком врагов. Дождевик болтал после смерти Теодорика, что у него были другие причины для бегства из города. Поговаривали, что он сделал психами нескольких умных парней. Интересно, что привело его назад в Танфер?

Она упомянула об умных парнях. Это могло иметь отношение к отходу от дел Чодо. Несколько честолюбцев пытались этим воспользоваться, но дочь Чодо руководила империей еще более твердой рукой, нежели отец. Она могла без

труда разобраться с Дождевиком, сделай тот хоть один опрометчивый шаг.

А со стороны закона у нас теперь новая Гвардия, которая с удовольствием бы наложила руку на любого злодея – если можно найти такого без протекции наверху. Дождевик их вполне бы устроил.

Опасаясь, что Красуля попросит на прощание поцеловать ее, я начал продвигаться к выходу.

– Значит, Виксон и Уайт?

– Что слышал. Навещай меня чаще, чем раз в двенадцать лет.

– Обязательно.

Как всегда в момент обещания, я искренне считал, что так оно и будет.

Она мне явно не поверила. Все правильно. Я и сам уже начал сомневаться.

Увы, не первый раз приходится совершать непростительные ошибки. Вот и теперь я забыл спросить у Красули, в каком месте разместили свою вывеску Виксон и Уайт. Я вспомнил об этом, отойдя на три квартала, и сразу заспешил обратно. И получил лишь то, что заслужил.

Лавки на старом месте больше не было. Не существовало даже самого проулка. Меня заворожили. Теоретически зная о таких вещах, никогда не ждешь, что это может случиться с тобой.

Справившись с разочарованием, я отправился в ближайшее местечко, где у меня были знакомые, и спросил, слышали ли они о Виксоне и Уайте. Это всегда срabатывает. У кого-нибудь из ваших знакомых оказывается знакомый, которому известно то, что вас интересует.

Так и произошло. Знакомый бармен по имени Шримп слышал о Виксоне и Уайте от клиента. Мы со Шримпом выпили пива, за которое мне пришлось расплатиться, и я отправился в экспедицию. Заведение Виксона и Уайта разместилось довольно далеко, на Западной стороне.

Магазин был закрыт. Никто не отзывался на стук. По всей видимости, хозяева лавки арендовали это помещение. Виксон и Уайт были настолько богаты и заносчивы, что считали ниже своего достоинства обитать там, где работали.

Эта часть Западного района принадлежит богачам. Лавки здесь обслуживают клиентов, не знающих, куда деть свои бабки. Это – не мой круг. Таких людей я никогда не мог понять, будь они покупателями или продавцами.

Я все время внимательно следил, не появится ли вдруг вооруженный патруль. Стража должна быть поблизости, а то все эти дорогие лавки падут жертвой ограбления. Интересно, не участвует ли в охране Организация. У некоторых магазинов были даже стеклянные витрины. Значит, в этом месте действительно мощная охрана.

Заведение Виксона и Уайта, похоже, обслуживало дилетантов-чернокнижников из высших классов общества. Сами же Виксон и Уайт приобретали свой товар у Красули, утраивали ее розничные цены, полученное число снова умножали на три и реализовывали продукт наиболее безумным клиентам. В этом районе города магазины посещают люди, которые обожают хвастаться перед знакомыми, сколько они заплатили за свои покупки.

Почувствовав, что мои классовые предрассудки начинают порождать неукротимое желание разбить витрину, я поспешил убраться восвояси.

Делать было нечего, и я не испытывал ни малейшего желания отправиться домой, где мне составит компанию лишь попугай с психопатическими склонностями. Надеюсь, сквернослов сейчасдохнет от голода.

А не навестить ли Плеймета – проверить, как он себя чув-

ствует? Он уже вполне мог прийти в сознание.

Плеймет внешне выглядел не хуже обычного.

– Что за черт! – выпалил я. – Кто ты такой? Близнец самому себе?

– Гаррет!

Он выскочил из стойла, широко раскинув руки. В одной из них он держал вилы, которые использовал для того, для чего они обычно употребляются в стойлах. Плеймет не казался угнетенным или больным. Он крепко обнял меня, выражая симпатию. Парень не переставал демонстрировать благодарность за то, что когда-то давным-давно я спас его от разорения.

– Полегче, дружище. Я существо хрупкое, в отличие от некоторых.

Мои ушибы все еще давали о себе знать.

– Так ты слышал о неприятности, в которую я попал?

– Слышал? Я был там и потрясен, что ты способен ходить.

И как только они исхитрились притащить тебя домой?

– Мне немного не по себе. Но кто-то ведь должен позаботиться о животных.

– Ну так пошли за ребятами с консервного завода.

Мы с лошадьми не уживаемся друг с другом. Никто не принимает меня всерьез, но я твердо знаю, что весь этот вид животного мира только и ждет, чтобы разделаться со мной.

Эти проклятые пожиратели овса готовы напасть, как только я повернусь к ним спиной, если в этот момент никто за ними не наблюдает.

– Гаррет! Какие жестокие слова ты произносишь.

– Ты слишком хорошо обо всех думаешь.

Они наверняка сумели обдурить Плеймета. Он их защищает, а эти чудовища, издевательски похрапывая, топчутся в стойлах и косят глазом, снимая с меня мерку для савана. Плеймет по-настоящему любит этих монстров и считает, что я поддразниваю его шутками дурного вкуса.

Когда-нибудь он все поймет. Но будет слишком поздно.

– Много работы? – спросил я.

Он махнул рукой на кучу навоза:

– Надо выкинуть солому и удобрения. У лошадок не бывает выходных.

– Да, отложить невозможно. Но все же, быть может, у тебя найдется время на пару кружек пива? За счет твоего старого друга. Куча дерьма никуда не денется.

– Точно. Если я ее не уберу. – Он помрачнел. – И ты платишь? Надо думать, тебе от меня нужна большая услуга.

– Что?

– Ты, должно быть, потребуешь гигантскую услугу. Раньше тебе никогда не приходило в голову заплатить за пиво.

– Ты не прав, – вздохнул я. – Но спорить у меня настроения нет.

Эту битву я вел без перерыва уже много-много лет. Все

мои друзья утверждают, что я появляюсь только тогда, когда мне от них что-то надо. Не так давно мне пришлось оплатить еду и выпивку Плеймета ради того, чтобы он познакомил меня с каретником.

– Так ты идешь? – спросил я.

Беда с парнями такого размера, как Плеймет, в том, что они не могут ограничиться двумя кружками пива. Для них это лишь капля в потоке, которым они должны залить свою жажду. Если такой тип задумает серьезно вас ободрать, вам придется посылать за цистерной.

Он сам выбрал место. Это оказалось потрепанное, темное, маленькое заведение об одну комнату, обставленную мебелью стиля «пора на выброс». Все здесь знали Плеймета, каждый подходил его поприветствовать. Далеко не сразу нам удалось приступить к беседе, и каждый вновь прибывший считал своим долгом прервать ее.

Мы ели. Мы пили. Я должен был платить. С каждым его глотком мой кошелек издавал жалобный стон.

Хотя заведение было всего лишь дырой в стене, они подавали прекрасное темное пиво, сваренное, скорее всего, здесь же; а те, кто работал на кухне, явно имели более чем шапочное знакомство с кулинарным искусством.

Я поглощал кусок за куском ростбиф, в сравнении с которым бледнело поварское мастерство Дина.

Цены тоже оказались весьма умеренными – естественно, для тех, кто не кормил полк солдат в составе одного гигант-

ского существа, привыкшего полноценно питаться только за чужой счет.

– Как получилось, что таверна не забита до отказа? – поинтересовался я.

Плеймет одарил меня задумчивым, но преисполненным негодования взглядом и произнес:

– Предрассудки, Гаррет, предрассудки...

– Ах вот как...

Плеймет, мечтавший в свое время служить в церкви, пользовался каждым случаем наставить меня на путь истинный.

Предупредив таким образом, он, видимо, готов был оглушить приятеля заявлением, что забегаловка принадлежит одному из крысюков – существ, которых я не люблю даже сильнее, чем лошадей, хотя, признаюсь, без достаточных оснований. И я был приятно удивлен, когда Плеймет сказал:

– Таверна принадлежит кентаврам. Семье беженцев из Кантарда.

– Откуда же еще? – Лишь благодаря героическим усилиям мне удалось сохранить серьезность. – Я понимаю, почему они с трудом создают себе клиентуру.

Кентавров не любят. Долгое время они несли службу во вспомогательных частях армии Каренты. Но когда наемник по имени Слави Дуралейник бежал, провозгласив Кантард независимой республикой, племя кентавров целиком последовало за ним. Не исключено, что еще совсем недавно се-

мейство участвовало в боевых действиях против Каренты. Когда все рухнуло, куда им оставалось бежать? Только в города Каренты, солдат которой они только что убивали.

Не понимаю, почему их у нас вообще принимают. Конечно, экономика способна поглотить их, когда вся молодежь находится на военной службе. Но молодые люди так или иначе должны вернуться. Венагетов изгнали из Кантарда. Славии Дуралейник разгромлен. Кажется, разгромлен.

Кентавры. Это ж надо!

Оставив свои мысли при себе, я поспешил сменить тему и рассказал Плеймету о деле Мэгги Дженн. Не опустил я и постыдный эпизод о пребывании в «Бледсо». Плеймет, в отличие от Торнады, не станет разносить весть об этом по всему миру. Он всего лишь мягко улыбнулся и даже не воспользовался возможностью проехаться по поводу состояния моего рассудка. За это я и люблю парня. Ни один из остальных моих друзей не смог бы устоять перед соблазном пошутить.

– И зачем же я тебе потребовался? – спросил он.

– Потребовался? Да без всякой причины.

– Ты пришел ко мне, привел сюда, накормил и залил пивом. Наверняка что-то от меня хочешь.

– Когда-то это было смешно, приятель. Тысячу лет назад. Вывести меня из себя. Просто так, для развлечения. Некоторое время эта шутка действовала, пока окончательно не поросла плесенью. Вам, ребята, давно бы пора попробовать завести другую песню.

– Так тебе и вправду ничего не надо?

– Ничего, черт возьми. Я уже получил все, что мне требовалось, – приятную компанию и способные внимать уши.

Плеймет пробормотал невнятно:

– Может быть, он не представляет, что мне известно, – и громко добавил: – Тогда я постараюсь тебе помочь без просьбы.

– Да?

– Я немного знаю, что происходит в сфере колдовства. Некоторые мои клиенты принадлежат к этому миру.

Я был удивлен. Он придерживался доморощенного варианта ортодоксии, который оставлял очень мало места для колдунов, хотя это довольно бессмысленно – слишком сильно черная магия и демонизм распространены в городе. Впрочем, я полагаю, что суть любой религии – в отсутствии смысла. Иначе ее бы никто не исповедовал.

Это еще одно проявление веротерпимости и широты взглядов моего друга Плеймета.

– Ну хорошо. Принимаю твою помощь. Не появились ли недавно новые кружки чернокнижников?

– Конечно появились. В таком большом городе, как Танфер, секты постоянно создаются и постоянно рассыпаются. Человеческая натура такова, что чье-нибудь эго обязательно оказывается оскорбленным и...

– Ну да. Ты не слышал о сектах, которые пополнились бы новообращенными молодыми женщинами?

– Нет.

– Проклятие! Ну что ж – нет так нет. Расскажи о Мэгги Дженн. Морли говорил, что ты на короткой ноге с королевским семейством.

– А что ты уже знаешь?

Пришлось еще раз повторить все, что мне было известно.

– Могу добавить совсем немного, – сказал он. – У нее действительно была дочь. Я думал, что девочка умерла, но, значит, это не так. Пока Мэгги не подобрал Теодорик, она, скорее всего, была дорогой профессиональной проституткой – под другим именем, естественно, – но доказательств этому нет. Морли ошибается насчет ссылки. Она действительно проводит большую часть времени на острове Пэз, но делает это по своей воле. Один месяц в году она должна оставаться в доме на Холме, иначе потеряет его. Когда Мэгги в городе, она держится тише воды и ниже травы, не желая привлекать внимания врагов.

Я понимающе кивнул, одновременно подав сигнал доставить нам еще по кружке прекрасного пива. Я уже налился настолько, что произносимые мною слова несколько смазывались по краям, но этот супермен по имени Плеймет никак не желал начать спотыкаться о свой язык.

– Гр-Грэндж Кливер, – выговорил я. – Д-Дождевик. Что скажешь о нем?

– Довольно долго о нем было не слышать. Странно, что он вновь вернулся в город.

– Возможно. Думаю, между ним и Мэгги Дженн есть какая-то связь.

– Будь с ним осторожен, Гаррет. Он сумасшедший. Кровавый псих. Его называли Дождевиком, потому что он оставал вкруг себя десятки рыдающих вдов. Обожа л пытат ь лю дей.

– Нормальный средний, обычный и привычный психопат, обитающий в соседнем доме. Что общего между ним и Мэгги Дженн?

– Не могу поклясться, но из того немногого, что мне известно, заключаю, что он был ее сутенером.

– Сутенером? – Я подумал немного и повторил еще раз: – Сутенером.

В этом действительно что-то было.

Я бросил на стол еще несколько монет, чтобы Плеймет смог расплатиться:

– Наслаждайся жизнью. Мне надо пораскинуть мозгами.

Плеймет позволил себе несколько замечаний по поводу моего мыслительного аппарата, замечаний, ставших столь модными среди друзей Гаррета. Я проигнорировал его.

Последняя информация полностью меняла всю картину. Если я, конечно, не ошибаюсь в своих рассуждениях.

А это тоже не исключено.

Вы полагаете, пуганая ворона и куста боится? Сильно ошибаетесь. Сколько раз вашего покорного слугу молотили только потому, что у него не хватало здравого смысла заняться другим делом? Впрочем, достаточно, чтобы не покидать дом без оружия для самообороны. И достаточно, чтобы не терять бдительность: вдруг кто-то еще раз вздумает похвастаться физической силой.

Несколько лишних кружек эля не помешали мне заметить засаду, организованную на Макунадо-стрит. Мне удалось это только потому, что улица в столь позднее время оказалась пустынной. Обитатели нашего славного города ощущают опасность за тысячу ярдов и заранее разбегаются, как мелкая дичь при появлении в лесу тролля.

Движения на улице было не больше, чем в разрушенном здании по соседству с моим домом. Стояла такая тишина, что я не сразу обратил внимание на укrywшихся в засаде.

Наконец я уловил какое-то перемещение на противоположной стороне Макунадо. Скрытно подобраться к противнику я не мог, поэтому, тихо отступив назад, избрал круговой путь.

Неожиданно для самого себя я ощутил радостное возбуждение. Перспектива разбить несколько черепов весьма меня вдохновила. Вообще-то, это на меня не похоже. Но на сей

раз битва мне навязывалась. Если засада, конечно, не плод моего воображения.

Я подобрался к парню сзади, распевая народный гимн крысюков. Насколько я знаю, они горланят всегда одну и ту же рабочую песню. Наверное, потому, что у большинства из них нет никакой работы... Искусственный акцент и вполне натуральный пьяный рев притупили бдительность врага. Вместо того чтобы подготовиться к бою, он просто обругал меня.

Я, покачиваясь, приблизился к нему и врезал дубинкой точнехонько между глаз. «Глимп!» – он отступил назад на полусогнутых. Я схватил его за ворот, бросил на колени и, скользнув за спину, завел под подбородок дубинку.

– Все отлично, красавчик. Сейчас я отклонюсь назад, и ты узнаешь, что значит быть повешенным.

Для убедительности и чтобы лишить его притока воздуха, я чуть-чуть усилил нажим. Теперь он будет думать только о том, чтобы как следует вдохнуть, и окажется более покладистым, если постоянно держать его на голодном кислородном пайке.

– Ты все усек?

Он все усек и подтвердил это хрипом, для чего я чуть-чуть освободил ему дыхалку.

– Вот и прекрасно. Начинаем следующий акт драмы, в ходе которого ты мне поведаешь, кто тебя послал, сколько дружков тебя сопровождают и где это они попрятались.

Следует отдать парню справедливость. Он изо всех сил старался сохранить лояльность по отношению к своим корешам. Такое качество нынче нечасто можно встретить среди уличной шпаны. Прежде чем он сдался, мне пришлось чуть ли не придушить его.

Парень сломался после того, как я прошептал ему на ушко:

– Я считаю, что лучший вид блефа – его отсутствие. Если ты мне сейчас не поможешь, мне просто придется отловить другого парня.

Блеф чистейшей воды.

Он начал издавать какие-то звуки. Похоже, мне все-таки удалось уговорить его пойти на сотрудничество.

Я чуть-чуть ослабил нажим дубинки и по-отечески посоветовал:

– Тебе будет легче говорить на выдохе. Если ты этого не сделаешь, я могу рассердиться. Вы, ребята, потрепав меня прошлой ночью, полностью истощили мое терпение.

Хоп! Я быстро придавил его, чтобы он и не думал о том, о чем вдруг начал думать.

– Ну и кто тебя послал? – спросил я, не прерывая процесса удушения.

– Клифер, – с трудом прохрипел он. – Парень по имени Клифер.

– Сюрпризы, сюрпризы... – пробормотал я. – А он, случайно, не объяснил причину?

Последовал слабый хрип, означающий «нет» и «это никого не колышет». Парень по имени Клифер, видимо, отстегивал неплохие бабки.

– А сколько твоих приятелей почтили меня своим появлением?

– Семь.

– Семеро? Я польщен. Твой Клифер очень высокого мнения о моей персоне.

Я тоже о себе крайне высокого мнения, но враги частенько не разделяют его.

Мой приятель проклокотал нечто, видимо принимая точку зрения моих врагов. Похоже, он слишком быстро приходил в себя. Пришлось его снова придушить.

Увы, с возрастом мы становимся все нетерпимее.

Мы тянули резину, пока я не выяснил, где прячутся его друзья и какова общая стратегия операции. Оказывается, они должны были захватить меня и доставить в логово босса. Мой дружок Грэндж Кливер, продавец живого товара, вознамерился поболтать со мной.

– А что? Мне эта идея по душе. Так мы и поступим, хотя, быть может, не станем придерживаться его первоначального плана.

Я еще раз придушил парня – и на этот раз достаточно сильно, чтобы он полностью отключился. Он очнется с головной болью, по сравнению с которой страдания, причиненные мне его бандой, покажутся милой безделицей.

Забавно, но я не испытывал по этому поводу никаких угрызений совести.

Итак, я отправился в поход, вышибая по пути начинку из поджидавшей меня шпаны. Я разбивал им головы, пока это занятие не перестало приносить мне удовольствие. Интересно, как летописцы преступного мира опишут результаты побоища. Вдруг, претерпев в пересказе обычные преувеличения, они напутают тех, кто в будущем попытается стать на моем пути.

Не исключено, впрочем, что никто этим легендам не поверит. Все почему-то считают, что тяжелую работу выполняет для меня Морли Дотс.

Уложив самого низкорослого из всей команды (такой малыш наверняка гибрид) и перебросив его через плечо, я направился в «Домик радости» Морли.

Иногда всем требуется дружеская поддержка.

Морли взъерошил малышу волосы:

– Он сумасшедший, Гаррет, и тебе следовало именно его оставить лежать в тишине рядом с твоим домом.

Мы находились в кабинете Морли на втором этаже его заведения. Пожиратели овощей вовсю веселились внизу.

– И это после того, как я решил его пощадить. Неужели кто-то из тех парней доводится тебе родственником, упрямец? Или любовником?

Маленький гибрид сверкнул глазами.

– А мне этот парень нравится, – заявил Морли и, бросив суровый взгляд на Стручка, отыскивающего подходящее место на теле пленника, чтобы прижечь его, прикрикнул: – Прекрати!

– Почему?

– Потому что пока он формально наш гость.

– Ну ясно. Если бы я оказался гостем человека, который уложил всю банду, но пощадил меня, то изрядно бы волновался. Взгляните на этого идиота. Он уже прикидывает, как лучше причинить нам вред, будто мы, а не он сидим по уши в дерьме.

– Нарциссию! Следи за своим языком!

– Парнишка в чем-то прав, Морли, – заметил я. – Клоуну следовало бы испугаться сильнее.

– Все еще впереди, Гаррет. Это только потому, что он не городской.

Я был с ним полностью согласен. Но решил проверить, насколько ход его мыслей совпадает с моим.

– Почему ты так думаешь?

– Да потому, что он не боится. Впрочем, погоди. Он, похоже, начинает понимать, в чьи руки угодил. Весь напрягся. Очевидно, ему ничего не сказали, приглашая на работу. Просто сунули бабки в карман и велели помочь захватить тебя.

– Вынужден с тобой согласиться. – Я попытался изобразить злобную ухмылку, какая появилась бы у ребят из буйной палаты, если бы их вдруг выпустили порезвиться.

Морли действительно был прав. Наш гость наверняка должен был слышать о Морли Дотсе, даже если ничего не знал обо мне. Возможно, Торнада не ошибается, считая сложившуюся репутацию важным инструментом нашей работы.

– Сдается мне, у него начинают возникать позывы к сотрудничеству, – заметил Морли.

– Итак, – начал я, – будешь ли ты проходить у нас под счастливым седьмым номером или предпочтешь присоединиться к остальным шести?

– Счастливый седьмой меня вполне устроит.

– Нет, ты только взгляни, Морли. Парень не утратил чувства юмора. Отличный признак. Хорошо, Счастливчик. В чем состоял ваш план? – Обращаясь к Морли, я добавил: –

Было бы крайне жаль не реализовать его.

– Это твоя лучшая мысль за много, много лет, – улыбнулся тот без малейшей доли юмора.

Он был готов отправиться вместе со мной. Я был поражен, как поспешно Дотс согласился оказать мне помощь. Я припомнил взгляды, которыми он обменялся с Саржем и Рохлей. Неужели между ним и Дождевиком имелись какие-то старые счеты?

Я страшно беспокоюсь, когда Морли становится сговорчивым. Каждый раз это кончается тем, что я остаюсь внакладе.

– Сколько ты готов затратить на операцию, Гаррет?

Я подумал о соглашении с Мэгги Дженн, вспомнил размер аванса:

– Совсем немного. У тебя возникли какие-то идеи?

– Оцени репутацию Дождевика. Нам придется прибегнуть к помощи специалистов, чтобы успокоить его, если он решит разбушеваться.

– Специалистов? – Начиналась торговля. – Кого же это?

– Тройняшек.

Естественно. Его вечно безработных родственников.

Не знаю, какие они специалисты, но успокоить человека эти создания могут. В Дорисе и Марше не меньше шестнадцати футов, и они способны уложить мамонта одним ударом. Этих наполовину гоблинов, наполовину троллей можно остановить лишь миной-ловушкой в виде нескольких барре-

лей пива. Ради того, чтобы надраться, они готовы бросить все дела.

Последний из тройни – существо небольшое, размером с Морли, – болтун, годный лишь служить переводчиком своим братьям.

– Нет, Морли. И без них мы похожи на бродячий цирк. Мне и надо-то всего лишь поговорить с парнем и выяснить, почему он решил вмешаться в мою жизнь.

Морли, глядя на Счастливчика, протянул:

– Эх, Гаррет! А я-то было посчитал, что у тебя начал прорезываться здравый смысл. С Дождевиком разговаривать нельзя. Он понимает лишь грубую силу. Или ты врежешь ему промеж рогов, или он залепит тебе пинок. Если, конечно, он кардинально не изменился.

Я скорчил рожу.

– В чем дело?

– Мой бюджет немного напряжен.

– Тоже мне новость!

– Эй! Полегче!

– Желаете сохранить деньги? В таком случае не копай под Дождевика. Запри двери, припрячь свой денежный мешок и моли бога, чтобы Кливер не придумал, как до тебя добраться. После сегодняшнего вечера он займется тобой вплотную.

Я и без него это знал. Кливер представлял собой одно большое эго без вожжей и узды. А я дал ему повод быть мною

недовольным.

Какой ты все же осел, Гаррет! Сам порождаешь все свои неприятности. Тебе надо бы научиться лучше уживаться с людьми.

– Интересно, как он узнал, что я выбрался из «Бледсо», – пробормотал я себе под нос.

Морли и Стручок как по команде подняли головы, почувствовав, что сейчас последует история, которой они еще не слышали. Чтобы они не приставали, пришлось посвятить их в некоторые малоприятные подробности. В результате они узнали больше, чем мне бы хотелось.

– Да... – Морли, скользнув по мне своей отвратительной улыбкой, изрек: – Торнада.

Поистине дьявольская улыбка. Он был уверен, что догадка верна. А я и не подумал о тех, кто уже знал всю историю моих злоключений.

То, что известно Торнаде, за ночь может распространиться от моря до моря. Она обожает проводить время в компании, напиваясь и болтая. Прежде чем она успокоится, любая история в ее устах приобретает совершенно чудовищные формы.

– Если ты действительно считаешь, что нам не обойтись без тройняшек, так бери их.

– Ты подал мне более привлекательную мысль.

– Да?

– Используем клоунов, которых ты приютил у себя. Пусть

отрабатывают свое содержание. Тем более что, по твоим словам, у большого к Кливеру должок.

— Прекрасная идея. Счастливчик, в каком направлении мы движемся? — спросил я.

— Имей в виду, — добавил Морли, — я окажусь для тебя опаснее, чем Кливер, если мой друг Гаррет останется разочарованным.

— На запад, — прокаркал гость, стараясь, чтобы голос не дрожал от страха.

Я не осуждал его. Он оказался между теми молотом и наковальней, о которых толкует поговорка.

— Запад — это прекрасно, — заметил я. — Запад означает, что по пути мы сможем заскочить ко мне.

Я полагал, что дружки Счастливчика уже очистили территорию.

Морли и его команду посещение моего жилища как-то не вдохновило. Они, конечно, были головорезами, но никакой головорез в здравом уме не станет вступать в зону, где Покойник может читать мысли. Им не хотелось рисковать, несмотря на все мои заверения, что тот спит.

— Он сильнее лает, чем кусает, — сказал я.

— Неужели? — ухмыльнулся Сарж.

Морли и Рохля поддержали Саржа. Стручок воспринял это как сигнал повторить милые выражения старших товарищей. Мне пришлось уступить.

Я обнаружил Айви в маленькой комнате у дверей – он вел диспут с Попкой-Дураком. Попугай в этом споре выглядел более разумным. В помещении витал мощный дух пива и бренди. Кто из них двоих выпил больше? Никто не знает. Попка-Дурак может сосать спиртное не прекращая, пока вы его не остановите.

Похоже, Айви твердо решил, до того как я его вышвырну, прикончить мои алкогольные запасы. Пришлось предупредить:

– Полегче, парень. Ты ничего не оставишь к завтраку.

Айви сразу приобрел несчастный вид. Было заметно, как он изо всех сил пытается разжечь костер своих мыслей. Однако, по-моему, огонек даже не затлел. Все же он, кажется, уловил, что мои запасы алкоголя не бесконечны.

– Где Скользящий?

Верзила нигде не было видно. Со второго этажа, правда, доносился шум, но эти звуки не могли принадлежать человеческому существу.

Через открытую дверь я заглянул в кухню. То, что я увидел, заставило меня заговорить с самим собой. Друг Скользящий пытался справиться с моей продовольственной кладовой так же, как Айви – с запасами выпивки.

Вот и твори после этого добрые дела.

Стоит вам появиться на свет, как вам начинают читать проповеди. Но только взгляните, что происходит, когда вы действительно пытаетесь помочь своему ближнему! Вас спускают под гору, и при этом без всякой смазки.

И где только проповедники набираются своих безумных идей? Сколько щек подставили они лично? Если они такие хорошие, почему ходят без пластырей на мягком месте?

– Где Скользкий? – на сей раз более сурово спросил я.

Айви медленно пожал плечами, не поняв ничего, кроме моего тона. Затем он принялся объяснять Попке-Дураку ортодоксальную догму транссиркумстаниации. Попка-Дурак делал замечания, с которыми я не мог не согласиться.

Пришлось отправиться на поиски. Рев, доносившийся сверху, заслуживал внимания.

Распластавшись на спине на кровати Дина, Скользкий издавал храп, напоминавший рев совокупляющихся громовых ящеров. Я замер в благоговейном трепете. Этот верзила не может быть человеческим существом. Он не менее чем полубог. Симфония храпа состояла из жужжания и рева, чавканья и бульканья. Казалось, он способен издать одновременно на одном дыхании любую известную разновидность храпа.

Когда ко мне вернулась способность двигаться, я направился к себе в комнату. Терпеть не могу прерывать работу истинных художников своего дела. В комнате я, подойдя к окну, посмотрел на Морли с его командой и толпу, постоян-

но кишащую на Макунадо. Куда торопятся все эти создания? Что выгнало их на улицу в столь неурочный час? Интересно, быть может, жизнь так кипит только в моей округе? Не могу припомнить другого столь же оживленного места, хотя город в целом ужасно перенаселен.

До меня доносился каждый звук виртуозного храпа Скользкого. И мне не избавиться от этого рева, пока он гостит в моем доме.

Вот и твори после этого добрые дела.

Бросив взгляд на моих парней, Морли не вымолвил ни слова, а лишь покачал головой. Даже я начал удивляться, как они ухитрились пережить военную службу. Особенно Айви. На его плече восседал Попка-Дурак, перемежая грязные ругательства выкриками вроде: «Эгей, ребята! Мы кровожадные пираты!» Само собой это привлекало всеобщее внимание – именно внимание вам больше всего необходимо, когда вы хотите тайно напасть на парня, который называет себя Дождевиком.

Мой пленник показал на чудовищно уродливое здание из камня и кирпича, заявив, что именно там расположилась штаб-квартира Дождевика.

– Ты получил то, за что заплатил, Гаррет, – заявил наконец Морли, еще раз обзрев Скользкого и Айви. – Тебе стало жалко денег на тройняшек.

– Не напоминай мне об этом.

Скользкий хоть и не спал, но, казалось, был готов захрапеть. Под его крышей царила холодная зима. Айви все еще пытался убедить в чем-то пернатого бандита, но тот решил, что расправился с Айви, и предался воспоминаниям о днях, проведенных под парусами.

Морли посмотрел по сторонам, высматривая Стручка. Его пальцы сжались, будто он испытывал тот же соблазн, что и я.

– Валяй, не стесняйся, – предложил я.

– Не могу. Но я что-нибудь придумаю, – ухмыльнулся мой друг.

– За время нашего с ним знакомства я кое-что узнал о мистере Большая Шишка.

На сей раз я оказался мудрее, чем обычно, и, предвидя, что попугай может стать обузой, прихватил с собой фляжку бренди, которую не сумел отыскать Айви.

Морли рассмеялся, он прекрасно знал, что за штука Попка-Дурак.

– Чтобы использовать Айви, нам следует вывести из строя птичку, – заявил я.

– Он был разведчиком, так и пошли его в разведку, – предложил Морли. – На пару со Стручком.

– Ты негодяй, – сказал я и тут же поинтересовался: – Любопытно, как они поступили с парнем, который спроектировал это здание?

Сооружение, без сомнения, когда-то служило небольшой фабрикой, укомплектованной слепым персоналом. Здание

было просто отвратительным. Меня поразило, какого безобразного эффекта можно добиться, используя столь неприятные строительные материалы.

– Возможно, сожгли на костре, не придумав достойного наказания за столь чудовищное преступление, – хихикнул Дотс.

Он подшучивал надо мной, изображая из себя сноба-эльфа.

Его вкусы в искусстве и архитектуре отличались от человеческих. Насколько я знал, безумец, спроектировавший эту фабрику, был одним из предков Морли.

Я поделился своими знаниями вслух, добавив:

– Наверное, это здание включено в список архитектурных сокровищ эльфов.

Морли скривился. Он не был польщен. Сграбастав Стручка и Айви, он приказал им разведать обстановку.

– И оставьте птицу здесь. У нее не хватает ума держать клюв на замке.

Они отправились на дело. Остальные отошли в укрытие послушать скулеж пленника, которого я все еще не отпустил на свободу.

– Я сейчас занят, парень. Кормлю своего попугая, – объяснил я ему. (Попка-Дурак начал сосать бренди.) – Я отпущу тебя сразу, как только выясню, что ты нас не купил.

Вообще-то, я не думал, что он обманул. Ни один разумный человек не выберет для своего штаба столь ужасное со-

оружие. Кливеру же, как мне описывали его характер, такое уродство как раз могло понравиться.

Возвратились Айви и Стручок. Парнишка сказал:

– В доме есть люди, их имен я не спросил. Те, кого мне удалось увидеть, выглядели достаточно антисоциально, чтобы ими мог заинтересоваться мистер Гаррет.

Вовсе я никем не интересовался.

– Ты что, даешь ему уроки риторики?

– Это у парня в крови. Но приходится работать над дикцией и грамматикой.

– Естественно. Все хитрюги должны уметь изъясняться.

– Я могу идти? – поинтересовался пленник.

– Что случилось с мистером Большая Шишка? – сердито спросил Стручок. – Эй! Да он же пьян! Дядя Морли, это вы?..

– Нет, Счастливчик. Я еще не уверен, что ты нас не надул. А что, если ты привел нас к месту сборища крутых ребят?

– Вряд ли. Такое чудовищное сооружение – как раз то, что выберет скупщик краденого, – высказал свое мнение Морли. – Много свободного места для хранения. Помещением, скорее всего, владеет человек, которого не видели уже много лет. Нам не удастся проследить его связи. Ты все-таки решил проникнуть внутрь?

Я подверг ревизии свой отряд. Ни Айви, ни Скользящий не внушали доверия.

– Раз уж мы здесь, пожалуй, стоит попытаться. Есть сооб-

ражения по тактике действий?

– Почему бы не попробовать просто через входную дверь?

– Умница. Айви, Скользкий, за мной!

Я направился к памятнику ужасающего вкуса. Мои странные помощники, изумленные, но хранящие верность, рысили следом. Морли приказал Саржу на всякий случай держаться рядом с нами. Сам он тоже двинулся.

Стручок и Рохля пошли за нами, при этом Стручок протестовал во весь голос:

– Мистер Гаррет, вам не следовало давать попугаю алкоголь!

Всю жизнь мечтал взять штурмом крепость во главе отряда, состоящего из убийц-эльфов, беглецов из сумасшедшего дома и пьяного попугая.

Попка-Дурак бормотал что-то о королевском достоинстве, но говорил на наречии алкашей и так быстро, что даже завзятый пьяница из крысюков не смог бы разобрать его слов.

– Дядя Морли, – ныл Стручок, – это вы?..

– Заткнись!

Я посмотрел на цыпленка из джунглей и улыбнулся, как гном, только что заключивший выгодный контракт на поставку оружия.

Выглядел дом отвратительно, но крепостью все же не был. Нам удалось найти неохраняемый боковой вход. Я без труда вскрыл замок и пригласил всех войти. Жаль, что среди нас не было Дина, он бы убедился, чего стоят хваленые патентованные замки.

– А здесь темно, – произнес Айви.

Интересно, чего он ожидал? Голос бедняги звучал обиженно, будто ему казалось, что с ним поступают несправедливо.

– Нам надо слушать этого слабоумного, – ухмыльнулся Сарж. – Держу пари, самому Дождевику не удастся облапошить его.

– Хватит! – бросил Морли, вглядываясь в темноту. Эльфы видят во тьме почти так же хорошо, как и гномы.

– Что ты рассмотрел? – прошептал я.

Мы все объяснялись шепотом, полагая это мерой предосторожности.

– А чего ты ждешь?

Что за дурацкий вопрос? Я ожидал увидеть грязь и скваттеров, пришедших в дурное расположение духа из-за метода, которым мы вынуждены были проникнуть в здание. Но наше появление, судя по всему, беспокоило только крыс – да и они оказались настолько уверенными в себе, что тут же

вернулись к своим повседневным занятиям.

Стручок утверждал, что все туземцы поселились в другом конце здания. Так оно и оказалось. В основном.

Мы пробирались через зал, освещенный единственной хилой свечой (что за жадная скотина этот самый Дождевик), и тут какой-то сонный придурок нарушил общий покой.

Он возник из комнаты прямо напротив нас, приглаживая двумя руками изрядно прореженные временем волосы. Парень тут же проснулся и даже успел крикнуть, прежде чем я опустил ему на башку дубинку. Он завопил еще громче. Пришлось стукнуть его раза четыре, и только после этого он улегся на пол.

– Ну это уж слишком, – пробормотал Скользящий.

Я с трудом расслышал его слова – невидимые туземцы подняли шум, желая знать, что происходит.

– Всегда уважаю чужое мнение. Лучше скажи мне, насколько ты знаком с этим местом.

– Ни разу его не видел.

– Как? Вроде ты говорил...

– Никогда здесь не был. Это я помню точно.

Направо вел коридор, по нему я и двинулся. Навстречу появился абориген. Тоже с дубинкой. Его глаза округлились. Как и мои. Я ударил первым, он уклонился и, сверкнув подошвами, с воем кинулся прочь.

– Как думаешь, Гаррет, не пойти ли нам немного быстрее?

Шум в доме становился все громче, и это беспокоило

Морли.

Беглец нырнул за дверь. Я был от него в каких-то двух шагах.

Но когда я сделал эти два шага, дверь оказалась уже не только закрытой, но и запертой. Я врезался в нее своим крепким, как гранит, плечом. Проклятая дверь подалась не меньше чем на тысячную долю дюйма.

– Ну-ка, теперь ты, – распорядился Морли, указывая на Скользящего. – Перестань ныть, Гаррет!

– Я вывихнул все суставы, кроме голеностопного.

Скользкий ударил по двери своей огромной ножищей. Лишь нанеся с десятков ударов, он рискнул упереться в панель своим «хилым» плечиком.

Дверь разлетелась в щепы, как будто была сценической декорацией. Похоже, для всякого дела нужна сноровка.

Мы оказались в помещении, похожем на склад. Его освещали несколько неярких ламп. Редкостный скупердяй этот Дождевик! Помещение, судя по его виду, превратили в казарму. Ее обитатели, как испугнутые мыши, разбежались в разные стороны к другим выходам. Лишь парень, которого мы застали в коридоре, выглядел бойцом.

Забавно.

Среди беготни и хаоса я вдруг заметил знакомую физиономию, смахивающую на морду гарпии. Мой старый приятель Ичабод. Вернее, мой старый приятель Зэк. Он быстро исчезал из поля зрения. Я устремился следом. Нам обя-

зательно нужно было поговорить. У моей милашки Мэгги Дженн хватало неприятностей и без тех делишек, что вел с Дождевиком ее дворецкий.

Я не сумел отловить его. Старикан исчез бесследно, как привидение, на которое он так смахивает.

Обыскав все помещение, мы не обнаружили никаких следов Грэнджа Кливера. Удалось захватить всего троих человек – парня из зала, которого я успел уложить, да престарелую пару. Старички не успели вовремя схватить свои костыли и оторваться от нас.

Пожилая дама была, наверное, на целую неделю моложе Красули. Ее муж, как и головорез, не проявлял склонности к беседе, а она болтала так, словно ее переполняли слова, как вас порой переполняют газы после иной пищи.

– Боже мой, бабушка, боже мой! – стонал я, захлебываясь в потоке жалоб на приступы люмбаго и на неблагодарность детей. – Все это очень печально. Сочувствую вам. Но мне надо знать, где находится Грэндж Кливер.

– Постарайся быть более дипломатичным, – предложил Морли. Будто сам обладал терпением святого, когда на кого-нибудь охотился.

– Я был дипломатом первые три раза. Теперь у меня настроение вовсе не дипломатичное. Сейчас я скорее намерен разбивать черепушки, – сблефовал я.

Видимо, и это мне не очень удалось. Никто из наших пленников по-настоящему не волновался, пока Стручок не

распустил свой молодой язык и они не осознали, что имеют дело с самим Морли Дотсом. После этого даже у крутого молодца проснулась неистребимая тяга к сотрудничеству.

Да, Торнада все-таки права.

Дело сдвинулось. Бабушка-болтушка дала нам ответ, и он был вполне определенным:

– Он только что ушел. Он и его мальчики. Грэндж не сказал, куда направляется, но думаю, решил проверить, что случилось с парнями, которых он недавно послал на дело. Кливер этим людям хорошо заплатил, но они так и не появились. – Бабушка сопровождала свои слова суровым взглядом, обращенным в сторону Счастливого.

Счастливчик был похож на испуганного ребенка. Старик прекрасно понимали, чья информация привела нас напрямик в это отвратительное здание. Его весьма беспокоил свирепый нрав босса.

Морли схватил Счастливого за плечи и повернул лицом к себе:

– Кливер притащил тебя из деревни, как и большинство остальных своих людей?

Счастливчик бросил на нас злобный взгляд. Мы не оставляли ему выхода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.